

ВВЕДЕНИЕ

Настоятельная необходимость изучения тюремной субкультуры и нейтрализация их негативных проявлений особенно актуальна для государства, общества и особенно для деятельности исправительных учреждений. Концентрация преступных традиций в местах лишения свободы неудивительна в силу социальной изоляции принудительно помещенных туда однополых людей, каждый из которых представляет собой значительную общественную опасность. Несомненно, тюрьма и колония традиционно всегда были местом, где процветают преступные традиции. Здесь усилиями в первую очередь отрицательно ориентированных осужденных и их групп, и особенно лидеров этих групп, образуется иной уровень регулирования отношений – неформальный, который кардинально отличается от формального, создаваемого различными социальными нормами, в том числе законами и подзаконными нормативными актами. От активности или, наоборот, пассивности реализации таких норм во многом зависит состояние правопорядка в местах лишения свободы, эффективность деятельности администрации в достижении конечного результата – исправления осужденных и предупреждения рецидива преступлений.

По данным Федеральной службы исполнения наказаний (ФСИН) Министерства юстиции РФ, по состоянию на 1 января 2011 года в исправительных учреждениях насчитывается около 700 группировок осужденных отрицательной направленности, 5 тысяч активных участников организованных преступных сообществ, 987 «авторитетов» уголовной среды, в том числе 54 «вора в законе».

Основная масса осужденных, отбывающих наказание в ИУ с различными видами режима содержания и не принадлежащих к числу «авторитетов» преступной среды, постоянно испытывает чувство тревоги за личную безопасность и считает главным условием ее обеспечения соблюдение преступных традиций.

Существенный недостаток организационно-правовых мер, разработанных сложившейся практикой исполнения лишения свободы и закрепленных в уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве, проявляется в том, что их применение не позволяет снизить негативное влияние «авторитетов» уголовного мира на основную массу осужденных.

Проблема, исследуемая в монографии, весьма сложна и интересна по ряду обстоятельств:

- 1) она чрезвычайно слабо освещена в научных источниках;
- 2) осужденные, придерживающиеся преступных традиций, в настоящее время не рассказывают о них заинтересованным лицам, ссылаясь на то, что это им запрещает «закон»;
- 3) преступные традиции постоянно развиваются и трансформируются с целью самосохранения;
- 4) опыт автора, а также других лиц, познания которых использовались в этой работе, сугубо индивидуален и в определенной мере ограничен.

Целью настоящей работы было изучение природы и особенностей тюремной субкультуры в современный период, показ их роли в механизме влияния на противоправное поведение, раскрытие отличительных черт основных субъектов неформальных отношений и их групп среди осужденных как носителей преступных традиций.

ГЛАВА 1. ИСТОРИЯ ВОНИКНОВЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ТЮРЕМНОЙ СУБКЛЬТУРЫ В РОССИИ

§ 1. Возникновение преступных традиций среди заключенных в царской России

Определение понятия, сущности, структуры тюремной субкультуры среди осужденных, а также анализ причин и условий, способствующих их распространению, определяют изучение исследуемого феномена в историческом аспекте.

Преступный мир как устойчивая общность людей всегда несет в себе элементы прошлого, имеет свою историю и обладает внутренней логикой развития. Из этого следует, что возникновение преступных традиций связано с появлением преступности в обществе. Можно сказать, что они в определенной мере являются условиями самого существования преступности, поскольку преступники во всех странах мира как на свободе, так и в исправительных учреждениях сохраняют в своей среде выработанную многовековым опытом противоправной деятельности базовую систему искаженных ценностных ориентаций.

В своей основе преступные традиции на стадии образования преступного мира не отличались чем-то специфическим, присущим только этому миру. По форме они нередко отражали отношения между людьми, которые складывались тысячелетиями: помощь ближнему, поддержка, гостеприимство, взаимопонимание и многое другое, что сплачивает людей, способствует взаимодействию между ними, отражает и стимулирует процессы их жизнедеятельности. Преступность, взяв эти нормы на вооружение в первоизданном виде, наделила их затем своим специфическим содержанием.

В основе формирования преступного мира как особой организованной коммуникативной системы преступности лежала отнюдь не какая-то патологическая страсть отдельных людей к преступлению. Возмущение народа несправедливостью на всех этапах истории классового общества, протест в различных формах способствовали объединению униженных, доведенных до крайнего отчаяния людей в их борьбе с нищетой, голодом и бесправием. Обусловленное таким положением нравственное падение многих из них не позволяло этим людям подняться на уровень сознательной классовой борьбы, и они оказывались на «дне» общества, где культивировали свою мораль, свои традиции, свой преступный образ жизни.

Сейчас трудно сказать, в какой именно период истории произошло зарождение преступного мира, а следовательно, и его субкультуры. Можно лишь предположить, что его формирование, несомненно, связано с появлением государства и права.

Преступность в России берет свое начало со времен волжских разбойников. Примерно до первой половины XVIII века среди преступников не существовало каких-то определенных традиций, так как не было профессиональной

преступности. В отличие от преступности в странах Западной Европы, преступность в России зарождалась в специфических социально-экономических условиях, наложивших на нее национальный отпечаток. Во-первых, Россия была преимущественно аграрной страной с прочными патриархальными традициями и преобладающим сельским населением. Во-вторых, Россия являлась крепостнической державой и по своему экономическому положению была одним из самых отсталых государств в Европе. Крайне тяжелое экономическое и правовое положение крепостных крестьян неизбежно влекло за собой их побег от помещиков. Беглые крестьяне собирались в ватаги, шайки и грабили помещиков и купцов. Поэтому первой криминальной профессией следует считать профессию разбойника. На развитие преступности, в том числе профессиональной, крайне негативно влияла и жестокость карательных мер.

Местами концентрации преступников были большие города. Обычно преступники собирались в кружечных домах (пивных), в которых отмечали свои успехи и пополняли шайки новыми людьми. В описываемый период (до XVIII века) преобладали насильственные и корыстно-насильственные преступления с относительно примитивными способами их совершения. Не существовало так называемого профессионального преступного мира с его законами и моралью, что объяснялось рядом объективных социальных факторов.

В этот период в целом для совершения преступлений не требовалось ни большой квалификации, ни особой конспирации.

В царствование Петра I преступность резко возросла в связи с нарушением привычного уклада жизни крестьян, связанным с многочисленными реформами и нововведениями, частыми войнами, неурожаями. Именно с этого времени в России наблюдается постоянный рост преступности. Как известно, середина XVIII столетия характеризовалась крестьянскими волнениями в России. Огромная армия бродяг постоянно пополнялась беглыми крестьянами, превращавшимися в профессиональных преступников. Появляются воровские шайки.

Наиболее ярко отражает воровскую деятельность в середине XVIII века биография знаменитого в то время вора Ивана Осипова, по кличке Ванька-Каин. Она не совсем обычна и позволяет в криминологическом аспекте судить о степени сплоченности и профессионализме преступников, их специальностях, психологии и межличностных отношениях, блатных законах, жаргоне и воровских песнях. Жизнь этого знаменитого мошенника и вора настолько любопытна и удивительна, что ее описанию посвящено около десятка работ русских историков и юристов прошлого¹. Их анализ свидетельствует о том, что укрепление преступного мира в значительной степени обязано деятельности этого проходимца. Уже тогда стали отчетливо проявляться признаки, присущие профессиональной преступности. Сложилась правила приема в шайку, жаргон, уголовные клички.

¹ См., напр.: Комаров М. Обстоятельные и верные истории двух мошенников: первого — российского мошенника, славного вора, разбойника и бывшего сыщика Ваньки Каина, со всеми его сысками, розысками, сумасбродною свадьбою и разными забавными его песнями и его сотоварищей; второго - французского мошенника Картуша и его сотоварищей. М., 1788; История известного плута Ваньки Каина, им самим рассказанная. М., 1865; Есипов Г.В. Ванька Каин //Тяжелая память прошлого. СПб., 1885; и др.

С отменой крепостного права в 1861 году и достаточно интенсивным развитием промышленности в обществе обостряются многие социальные проблемы. С этого времени начинается период криминальной активности и профессионализации преступности. Отмена крепостного права дала крестьянам личную свободу, одновременно ухудшив их материальное положение. Реформы 1861 года вызвали интенсивные миграционные процессы в стране, увеличение преступности в городах, где оседали разорившиеся крестьяне, прибывающие на заработки. Непривычные условия городской жизни, жестокая эксплуатация толкали их на путь преступлений.

Все больше преступников становилось профессионалами, превращая преступления в свое единственное занятие. К началу XX века профессиональная преступность создала себе устойчивую базу. Структура преступных организаций, относящихся к тому периоду, хорошо известна – это артель по образу ремесленной артели или мелких промышленных предприятий. Во главе артели стоял староста, или атаман.

Первое упоминание о преступных профессиях в России можно найти в работах М.М. Максимова, который, будучи служащим полиции, на протяжении всей жизни и деятельности скрупулезно изучал быт профессиональных преступников, способы совершения ими преступлений, традиции и обычаи уголовного мира. Он отмечал, в частности, что «все мошенники и воры делятся на партии и классы, изучая воровство и мошенничество, каждый по своим способностям, от той самой партии, к которой он принадлежит»¹.

Каждый из представителей какой-либо преступной профессии стремился обучить своему «ремеслу» молодое поколение преступников, не только передать новичкам богатый опыт совершения преступлений, но и привить любовь к преступным традициям. Такой школой преступного мастерства, его «воровской академией» были места лишения свободы².

О традициях тюремной жизни известный русский путешественник и исследователь Сибири С.В. Максимов писал: «Тюремная община живет своею самостоятельною жизнью. Правила для тюремной общины как будто застывают в самом воздухе. Как будто самые тюремные стены пересказывают их. Преемственная передача убеждений, жизнь старыми преданиями, на веру, едва ли сильнее в другой какой общине».³

Одной из основных традиций мест лишения свободы было деление арестантов на определенные категории. В России к началу XX столетия в тюрьмах и на царских каторгах уже существовало строгое неформальное деление их обитателей. Общая арестантская масса, так называемая шпана⁴, делилась на несколько каст. Верхнее положение занимали «Иваны» – «главные носители тюремных традиций, тюремные старожилы, арестантская аристократия»⁵. «Иван» – высший титул для осужденного. Еще их называли «бродягами». Бродяжниче-

¹ Максимов М.М. Московские тайны. Рассказ сыщика. М., 1862. Ч. I. С.7.

² Брейтман Г.Н. Преступный мир. Очерки из быта профессиональных преступников. Киев, 1901. С.124.

³ Максимов С.В. Избранное. М., 1980. С. 334-335.

⁴ Так называлось в то время коренное тюремное население.

⁵ Брейтман Г.Н. Преступный мир. Очерки из быта профессиональных преступников. С.132.

ство было первой школой, где училась совершать преступления большая часть уголовников. Это были люди, по преимуществу неоднократно судимые, стойкие уголовники. Они были грозой всех арестантов, а нередко и тюремной администрации, властелинами тюремного мира, распоряжались жизнью и смертью; были законодателями, судьями и палачами; изрекали и приводили в исполнение приговоры, иногда смертные, всегда непреложные.¹

Вторую ступень занимали «храпы». Название данной категории связано со словом «храпеть». Ее представители «храпели» буквально на все, они возмущались всем, все признавали неправильным, незаконным, несправедливым, получали удовольствие от любого вызванного ими конфликта, уходя при этом в тень. Это была своего рода современная «отрицаловка»². Они стремились стать «Иванами», но в силу различных обстоятельств не могли достичь верхней ступени, так как не обладали достаточным криминальным опытом и личными качествами, необходимыми для занятия привилегированного положения среди заключенных. «Им хотелось быть “Иванами”, но не хватало смелости. По трусливости им следовало бы принадлежать к “шпанке”, но “не позволяет самолюбие”». ³ Заискивая перед «Иванами» и притесняя «шпанку», «храпы» создали себе незавидную репутацию тюремных «шакалов».

Третье сословие тогдашней тюрьмы представляли так называемые «жиганы» – категория довольно многочисленная. В нее входили мелкие профессиональные преступники, а также лица, допустившие нарушение «тюремных» законов, например, проигравшиеся в карты, некоторые категории непрофессиональных преступников, такие, как грабители, насильники.

Несмотря на довольно низкое положение, «жиганы» в то же время находились не на последней ступени арестантской иерархии. Ее занимала «шпанка» – бесправная, задавленная масса арестантов, состоящая, в основном, из крестьян. Над ними издевались представители всех иных сословий: «Их давят “Иваны”, застрашивают и обируют “храпы”, над ними измываются “игроки”, их обкрадывают голодные “жиганы”». ⁴

Для всех тюремных жителей обязательным было преклонение перед «Иванами». Все их дела следовало хранить в тайне. Утверждаясь «царьками» в арестантском мире, «Иваны» с выгодой для себя руководили артелью заключенных. ⁵ Зачастую «Иваны» и «храпы» безнаказанно совершали преступления, перекаладывая вину на «сухарников»⁶. «Если за преступление, совершенное “Иваном”, карали другого, тот должен был молчать».⁷

Жизнь всего этого тюремного сообщества подчинялась «правилам-заповедям» арестантской жизни. Так, например, арестанты обязаны были помо-

¹ Дорошевич В.М. Сахалин. Каторга. М., 1907. Ч.1. С. 263, 267.

² «Отрицаловка» - группа осужденных отрицательной направленности, противодействующая деятельности администрации ИУ.

³ Дорошевич В.М. Сахалин. Каторга. М., 1907. Ч.1. С. 267.

⁴ Там же. С. 267.

⁵ Брейтман Г.Н. Преступный мир. Очерки из быта профессиональных преступников. С.132.

⁶ «Сухарник» – лицо, бравшее вину на себя за преступления, совершенные другими арестантами, или выполняющее работу за других.

⁷ Дорошевич В.М. Сахалин. С. 263.

гать своим сотоварищам во всех делах, не выдавать преступных замыслов, строго хранить все арестантские тайны. С.В. Максимов писал, что все традиции, обычаи, «законы» и «правила» в тюрьме «приперты крепко, стоят твердо, незыблемо и нерушимо». Вот они «за товарищей горою; свято хранить тайны, и если нет выхода, подопрут рогатиной в угол, старайся впутывать в вину свою и свое дело таких арестантов, у которых денег много, которые богаты; и путай их больше, сколько возможно больше: начальники деньги любят, начальников за деньги всегда можно купить».¹

Многие из традиций были весьма суровыми, даже жестокими. Самый жестокий, как обычно, – месть предателю. Любая измена, в какой бы форме она ни выражалась, влекла за собой смерть. Например, «сухарника», отказавшегося взять преступление другого арестанта, «пришивали»² если не в одной, так в другой тюрьме. Убивали также того, кто «засыпал» (выдал) товарищей по делу, всех «язычников» (доносчиков). Избежать возмездия редко кому удавалось, так как по всему тюремному миру от Варшавы до Сахалина ходили записки, ведавшие о «преступлении» какого-либо арестанта и настаивавшие на его «прикрытии» (убийстве). «Приговоренного к смерти чаще всего закалывают, и убийца должен непременно повернуть нож в ране: это есть традиционный арестантский прием во время убийства»³, что подчеркивало жестокую непримиримость представителей преступной среды к отступникам.

В тюрьмах также существовали специальные камеры для «укрывающихся» преступников, которых тюремное начальство оберегало от гнева других осужденных. В этих камерах содержались также бывшие палачи, а часто и просто лица, не сжившиеся с преступной средой. «Вообще право “загонять” в эту камеру всех, кого ей заблагорассудится, одна из незыблемых традиций тюрьмы, одно из нерушимых прав ее, одна из основ тюремного гомруля, молчаливо признаваемого администрацией».⁴

Хорошо организованная «бродяжня» помещалась всегда на нарах, а «шпанка» и «жиганы» ютились большей частью под нарами, на голом полу в грязи, темноте и холоде. Особенно тяжело приходилось тем, кого впервые осудили к каторжным работам или к тюремному заключению. Всякий новичок, поступая в острог или тюрьму, обязан был внести известное количество денег – так называемую «влазную». Если у него не было денег, его определяли «сухарником».

Старинной традицией мест лишения свободы было посвящение в арестанты новичков. Обряды посвящения в арестантство имели свои названия: «платочек», «крестики», «кошелек», «наперсток» и др. Смысл их состоял в разыгрывании перед вновь прибывшими ситуаций, когда им предлагалось участвовать в заключении какого-либо пари между арестантами, в результате чего новички всегда оказывались в проигрыше⁵. Каждый из вновь прибывших подвергал-

¹ Максимов С.В. Сибирь и каторга. Несчастные. СПб., 1908. Ч. I. С. 123.

² «Пришить» кого – совершить над провинившимся в чем-либо арестантом свой тюремный самосуд.

³ Брейтман Г.Н. Преступный мир. Очерки из быта профессиональных преступников. С. 127.

⁴ Сандомирский Г. В неволе: очерки и воспоминания. М.: Прибой, 1926. С. 123.

⁵ Дорошевич В.М. Сахалин. Каторга. С. 307-321.

ся проверке: терпел разного рода оскорбления, издевательства, пытки. После подобных обрядов новичку определялось место среди заключенных, присваивалась кличка. В его жизнь, независимо от того, кем и как он жил на свободе, органически вплетались тюремные порядки, язык-жаргон и другие атрибуты тюремной жизни.

Следует заметить, что жаргон – не единственное средство общения арестантов; в тюрьме существовали и другие традиционные формы тайного языка, самый старый из которых – перестукивание. Немецкий криминалист А. Вайнгард писал, что «язык стука известен в тюрьмах повсеместно»¹.

Среди традиций тюрем и каторг следует особо отметить татуирование. Арестантами на татуировки «тратится масса времени и стараний, и производится она в тюрьме положительно художественно всеми цветами. Целые картины можно видеть на груди или спине арестанта: корабли, флаги, огромные якоря, гербы, имена, фамилии, пословицы, молитвы и т.д.»².

Из великого многообразия традиций преступного мира прошлого следует выделить различные формы развлечений арестантов, «которые измышлены заключенниками на досуге, чтобы подцветить праздное безделье и сократить досадное и скучное время»³. Следует подчеркнуть, что участие в них являлось для уголовников не просто элементом досуга: многие из этих развлечений были критерием принадлежности лица к преступному миру, указывали на его неформальный статус. Традиционными развлечениями арестантов, ставшими особыми ритуалами, были охота на клопов и погоня за крысами; различные формы тюремного разврата – самое крупное зло в тюрьме; организация и проведение репетиций суда, в которых участвовали все без исключения осужденные, и другие.⁴

Особенностью жизни в местах лишения свободы во все времена было то, что «нет ни одной человеческой страсти, природной или искусственной, начинающей пьянством и кончая любовью, которая не нашла бы себе в тюрьме, по крайней мере, подобие удовлетворения».⁵ Все эти страсти, преломленные через призму преступного образа жизни и культивируемые в уголовном мире веками, становятся его традициями.

В условиях свободы преступная жизнь тоже кипела и тоже требовала своего упорядочения. Здесь было множество разных «мастей», соответствующих преступным профессиям, по которым объединялись преступники. Во главе крупных шаек стояли «урки»⁶ – авторитетные в преступном мире уголовники, более мелких – «оробурки»⁷ – представители того же преступного мира, но менее известные.

¹ Вайнгард А. Уголовная тактика. Руководство к расследованию преступлений / Пер. с нем. Овруч, 1910. С.35.

² Брейтман Г.Н. Преступный мир. Очерки из быта профессиональных преступников. С.135.

³ Максимов С.В. Сибирь и каторга. История каторги. СПб., 1908. Ч.IV. С. 129.

⁴ Брейтман Г.Н. Преступный мир. Очерки из быта профессиональных преступников. С.135,136,139-141.

⁵ Ломброзо Ч. Новейшие успехи науки о преступнике. СПб., 1892. С.116.

⁶ «Урки» - опытные профессиональные воры.

⁷ «Оробурка» (от фран. au rebours - назад, навыворот) – мелкий вор, см.: Брейтман Г.Н. Преступный мир. Очерки из быта профессиональных преступников. С.70.

Предопределенные почти трехвековой историей укрепления и развития преступности в дореволюционный период ее традиции из норм, складывавшихся вначале стихийно, превратились в устойчивые формы взаимодействия между представителями преступного мира, чем обеспечивали преемственную связь его поколений.

§ 2. Преступные традиции в местах лишения свободы в первые годы после Октябрьской революции (1917 -1929 гг.)

Первые годы после революции были неблагоприятными для эффективной борьбы с преступностью в стране и нормального функционирования исправительных учреждений. Уголовная политика государства и деятельность правоохранительных органов в этот период были направлены, в основном, на «подавление классовых врагов пролетариата и их агентуры»¹. Отсутствие опыта борьбы с преступниками объективно давало им возможность преобразовать свою преступную деятельность, свои преступные традиции в новое общество.

Советская республика полностью унаследовала от царской России традиции и паразитическую мораль его преступного мира. Кроме того, его ряды пополнялись беспризорниками, бывшими офицерами и прочими «контрами». В первые годы существования советской власти распространению высокоорганизованных видов профессиональной преступности способствовали экономическая разруха, безработица, огромное число вооруженных дезертиров. Известные в то время банды часто возглавлялись дореволюционными авторитетами, такими, например, как Петров-Комаров, Котов-Смирнов, Ленька Пантелеев, Карл Юргис.

В 1914 году в Москве было совершено 2,5 тысячи зарегистрированных нападений, а в 1923 году уже 20 тысяч (увеличение в 8 раз). Это было время, когда страной правила преступность: 440 зарегистрированных преступлений на десять тысяч жителей России. Характерно, что бандитизм нередко маскировался политическими лозунгами. В частности, показательна деятельность анархистов. Анархисты, нередко переодетые в солдатскую форму, украшенную красными бантами, проводили в квартирах самочинные обыски с «липовыми» ордерами на конфискацию имущества «для блага трудового народа», грабили государственные учреждения, банки, сберкассы, склады, магазины, нападали на обозы, останавливали поезда.

От бандитских проявлений уголовного характера следует отличать так называемый «политический бандитизм», который преследовал цель ослабления и даже свержения советской власти. Широко известны банды Антонова на Тамбовщине, Батьки Махно на Украине и иные формирования подобного типа. Ликвидацией «политического бандитизма» занималась большей частью Красная Армия.

Уголовный бандитизм также характеризовался устойчивостью больших

¹ Постановление Совета Народных Комиссаров от 5 сентября 1918 г. «О красном терроре»; Декреты ВЦИК от 15 апреля и 17 мая 1919 г. «О лагерях принудительных работ».

вооруженных групп налетчиков. Во 2-й половине 1917 года только в Москве действовали около 30 таких банд, причем некоторые из них насчитывали до ста и более человек. В Петрограде, например, наводила страх банда, возглавляемая профессиональным убийцей Александровым. На Псковщине в течение пяти лет действовала банда, насчитывавшая 165 человек, под руководством Воробья (Воробьева). В Хабаровске орудовала банда налетчиков под руководством Седлицкого, в Херсонском уезде – банда Абрамчика Лехерса¹. Другие известные банды возглавляли Кошельков, Емельянов, Павлов, братья Ткач, Бенькович, Михаил Осипов по кличке Культяпый. Эти банды, как правило, имели для большего устрашения таинственные названия: «Черная маска», «Девятка смерти», «Банда лесного дьявола», «Руки на стенку», «Деньги ваши станут наши»². Им было присуще четкое разделение функций между различными звеньями, они были вооружены «до зубов», имели свой осведомительный аппарат, наемников, пользовались услугами отдельных работников милиции.

Наибольшего роста уголовный бандитизм достиг в 1921–1922 годах, что связано с разразившимся в стране голодом. Бандитизм того периода отличался не только слиянием политического и уголовного элемента, но и крайне жестокими формами насилия. Банды терроризировали всю страну. Нередко во главе банд становились бывшие царские офицеры – люди с высоким интеллектом, способные руководители. Разумеется, государство не могло и не должно было оставлять такое положение дел без внимания. Профессиональные уголовники всех категорий, бандиты, а также классовые враги изолировались в места лишения свободы. В одном из первых нормативных актов того времени закреплялось: «Надо ловить спекулянтов и воровские организации... Ни один крупный преступник, особенно занимающий важное положение, не должен избежать кары, и раз такого... поймали, осудили – держать его надо крепко, никаких освобождений на поруки таких спецов не должно быть, для них предназначена советская тюрьма... Для таких... преступников должен быть установлен особый суровый режим, так, чтобы другим неповадно было»³. Пустовавшие со времени революции тюрьмы вновь начали заполняться, появились даже концентрационные лагеря, чего не знала царская Россия⁴. Среда уголовников существенно изменилась за счет «разбавления» ее представителями мелкой буржуазии, анархистов, участников банд и «белого движения». Преступный мир стал необычен, неоднороден, что вскоре привело к возникновению в нем различных течений, противоречий, особенно ярко проявившихся в местах лишения свободы. Этот «блатной» мир как бы разделился на два лагеря: на профессиональных преступников с дореволюционным стажем и тех, кто встал на этот путь уже после революции. В отличие от профессионалов, последние оказались в трудном положении. Они не имели уголовной квалификации, не знали традиций преступного мира, не имели связей в нем. Однако у новой волны преступников были и некоторые преимущества перед профессионалами. Многие из них, являясь вы-

¹ Гуров А.И. Профессиональная преступность: прошлое и современность. С.94.

² Гернет М.Н. Предисловие к работе «Преступный мир Москвы». М.: Право и жизнь, 1924. С.XXXIX.

³ Приказ ВЧК от 8 января 1921 года № 10 «О карательной политике органов ЧК».

⁴ ГУЛАГ: его строители, обитатели и герои / под ред. И.В. Добровольского. М.; СПб., 1998. С. 6.

ходцами из мелкобуржуазной среды, были грамотны и по своему интеллектуальному уровню выше, чем традиционные уголовники. Некоторые из них стали не только перенимать традиции и законы старого преступного мира, но и интенсивно вносить свои политические убеждения.

Таким образом, в местах лишения свободы сосредоточились различные категории заключенных. Многие работники тюрем и мест заключения не знали, как управлять ими, а тем более, как исправлять их. Это привело к опасному явлению: внутренняя жизнь тюрем повсеместно стала регулироваться самими заключенными. Администрации же отводилась лишь весьма скромная и ограниченная функция чисто внешнего надзора. В местах заключения верховодили наиболее опытные и опасные преступники, подчинившие себе остальную массу заключенных.

В 1923 году Главное управление местами заключения в циркуляре от 20 июня № 191 непосредственно обратило внимание местных органов на то, что в ряде ИТУ наблюдается обычное в старое время явление, когда привычные тюремные сидельцы, так называемые «Иваны», образуют в местах заключения сплоченную группу, начинают верховодить заключенными, терроризируя молодых и неопытных товарищей. «Иваны» устанавливают связь с другими местами заключения и уголовными элементами, находящимися на свободе, и таким образом получают интересующие их сведения из преступного мира. За этой группой заключенных должно вестись особо тщательное наблюдение и в случае обнаружения с их стороны стремления верховодить и властвовать их должно немедленно изолировать как элемент опасный и деморализующий прочих заключенных.¹

В 1924 году эти положения были закреплены в статье 8 Исправительно-трудового кодекса РСФСР, где в качестве одной из задач предусматривалось устранение «вредного влияния худших и наиболее опасных заключенных на остальных».

Вопросу необходимости организации постоянного наблюдения за «хранителями преступных традиций» и их изоляции от других заключенных посвящается также ряд инструкций ГУМЗ РСФСР, принятых в 1926–1927 годах, которые обязывали инспекции и начальников мест лишения свободы приступить к размещению заключенных внутри исправительно-трудовых учреждений в соответствии с требованиями закона.

В то же время перечисленные нормативные акты и рекомендации не нашли должного применения на практике ввиду отсутствия необходимых условий их реализации и отставания воспитательной работы, проводимой в ИТУ.

Старые «авторитеты», которых по-прежнему называли «Иванами», и преступники новой формации, которых стали называть «жиганами», постоянно конфликтовали, боролись за сферы влияния. И если раньше «жиганам» отводилась весьма скромная роль, то теперь они стали не только быстро перенимать традиции старого мира, но и интенсивно вырабатывать свои собственные. К концу 20-х годов вражда между «жиганами» и «Иванами» в местах лишения

¹ Швей А.И. Об одной из форм старой изоляции // Административный вестник. М., 1926. № 7-8. С. 49-50.

свободы достигла апогея. Она носила жесткий, если не сказать жестокий, характер. Между «Иванами», потомственными арестантами, и «жиганами», преступниками новой формации, началась преступная война, получившая название «первой преступной войны». «Жиганы» не смогли долго противостоять старым «авторитетам». «Иваны», изведавшие еще царские тюрьмы и каторги, удержали «пальму первенства», потому что они лучше ориентировались в условиях изоляции от общества, их объединяли между собой многовековые традиции преступного мира. Помогли им одержать победу и примкнувшие к ним близкие по преступной среде, «по босяцкому духу» карманники. И те, и другие считали себя настоящими преступниками: большую часть своей жизни они проводили в заключении. «Иванов» поддержали и три другие категории воров: «домушники» (квартирные воры), «гопники» (воры, специализирующиеся по государственным учреждениям), «майданники» (воры, промышляющие на железной дороге)¹.

Победители получили название «урки». У них было достаточно личных качеств, необходимых для лидеров, они отличались от всех других большей выдержкой, изворотливостью и быстрой сообразительностью. Эти качества вырабатывались в процессе занятия специфическим ремеслом и длительного пребывания в местах лишения свободы. Они не могли рассчитывать на скорое освобождение, поэтому основательно устраивались за решеткой².

В описываемый период рассадниками традиций преступного мира были преимущественно тюрьмы, дома предварительного заключения (допры) и ИТУ. В такой концентрированной массе преступников все традиции проявлялись наиболее ярко. Многие новые преступные традиции, возникшие в местах лишения свободы, стали распространяться и «на воле». Основными пропагандистами этих «законов» стали «урки». С выгодой для себя, для поднятия своего преступного престижа «урки» отделяли своим «законом» тех, кто не вел подобный образ жизни, кто не был согласен с ними, кого изгнали за различные правонарушения. Последних «урки» называли «фраерами», или «штымпами»³.

§3. Распространение тюремной субкультуры в исправительно-трудовых лагерях (1929-1960 гг.)

С 1929 года в СССР начался новый виток массовых репрессий. Тюремный мир сильно расширился во время так называемого раскулачивания. Вскоре количество заключенных в местах лишения свободы достигло колоссальной концентрации. Гигантская многомиллионная масса заключенных, в основном, политических была собрана в лагерях. Можно представить, что могло бы произойти, если бы они сплотились. Чтобы устранить эту опасность, в лагерях началась активная вербовка «уроков» в качестве агентов ОГПУ. Были выработаны соответствующие инструкции для оперативной работы с этой категорией заключенных. В частности, рекомендовалось создать контролируемые ОГПУ

¹ Якубсон В. Кто находится в местах заключения //Административный вестник. М., 1929. С.46.

² Карпов В.И. Творчество заключенных (рисунки, скульптуры и работы мастеровских). М.: Издательство НКВД, 1929. С.39, 40.

³ Позднее «штымпами» стали называть преступников из сельской местности.

группировки во главе с завербованным уголовным «авторитетом», который с помощью своих «соратников» мог бы обеспечить необходимую дисциплину среди «троцкистов»¹.

Завербованные «авторитеты» не должны были «лезть в политику», им запрещалось иметь собственность сверх того, что было положено рядовому осужденному, даже на свободе они должны были находиться не более шести месяцев, иначе некому бы было контролировать политических. Однако они получали существенные послабления в режиме содержания в местах лишения свободы. Завербованные уголовники не работали и имели возможность свободного передвижения по лагерю. Администрация же лагерей обязана была всячески поддерживать авторитет этих агентов.

Те из «урок», кто не соглашался на сотрудничество, просто физически уничтожались. Для начальника лагеря слова «в законе» означали, что «авторитет» завербован ОГПУ в качестве агента. Поэтому начальники лагерей позволяли «ворам в законе» так свободно вести себя в зоне, не стеснялись контактов с ними, поскольку не опасались преследования со стороны контролирующих инстанций ОГПУ. Кроме того, каждый лагерный начальник был одновременно и старшим оперативным начальником и представлял регулярные отчеты об агентурной работе среди заключенных. «Воры в законе» находились с ним в оперативном контакте.

В те времена служба безопасности, породив «воров в законе», чрезвычайно плотно «опекала» их. Каждый уголовный авторитет в зоне в действительности обязан был неукоснительно выполнять строжайшие инструкции и волю начальника.

В 1938 году «воры в законе» были открыто призваны в лагерях для физической расправы с «троцкистами». Они избивали и убивали беспомощных голодных «доходяг».

К 40-м годам вся лагерная жизнь подчинилась вновь сформированному и окрепшему единому «воровскому сообществу». «Воры» безраздельно господствовали, не подчиняясь уже и администрации.

В начале Великой Отечественной войны в соответствии с указами Президиума Верховного Совета СССР от 12 июля и 24 ноября 1941 года из мест лишения свободы были досрочно освобождены различные категории заключенных для отправки на фронт (около 25% от общего числа). В течение 1942–1943 годов по специальным решениям Государственного комитета обороны освобождается еще около 10% осужденных. В числе специального контингента, мобилизованного в армию, оказалось и немало «воров». «Воровской» закон, учитывающая ситуацию, дополняется новым правилом: «вор» может, если захочет, идти служить в армию, но это считается «выходом из закона», и в случае возвращения в лагерь он будет считаться простым осужденным без всяких надежд на восстановление как «вора».

Многие «воры», взятые в армию, были направлены на фронт в маршевые роты, в штрафные батальоны. Армия Рокоссовского приобрела известность и

¹ «Троцкисты» - осужденные за политические преступления.

популярность именно наличием в ней уголовного элемента. Из «уркаганов» выходили лихие разведчики, смелые солдаты. Природная склонность к риску, решительность и наглость делали их ценными солдатами. На мародерство, стремление грабить и другие подобные дела «урок» закрывали глаза. При освобождении Польши многие женщины были ими изнасилованы. Недаром послевоенное поколение там называют «детьми Рокоссовского».

Никто в то время не мог предвидеть, что Великая Отечественная война разделит «воровской мир» на два враждебных лагеря. Но произошло именно то, чего еще не знала вековая история преступного мира.

Кончилась война, бывшие зеки демобилизовались и вернулись к «мирным» занятиям. Вскоре после войны судьи встретились на своих заседаниях со старыми знакомыми. Оказалось, и это угадать было нетрудно, что «воры» и не подумают прекращать дело, которое до войны давало им средства к существованию. Война скорее укрепила в них наглость, жестокость, чем научила чему-то доброму. На убийство они стали смотреть еще легче и проще, чем до войны.

Государство пыталось организовать борьбу с возрастающей преступностью, были приняты указы от 7 августа 1947 года «Об охране социалистической собственности» и «Об охране личного имущества граждан». По этим указам незначительная кража, за которую раньше «вор» расплачивался несколькими месяцами заключения, теперь каралась 20 годами. «Ворам» пришлось изменить еще один свой закон: увеличить срок нахождения «на воле» с шести месяцев сначала до одного года, а затем до трех лет. «Воров» – бывших участников войны – стали осуждать по этим указам и под строжайшим контролем отправлять в многочисленные трудовые лагеря, деятельность которых ни на минуту не прекращалась и во время войны.

Лагерьей к тому времени было очень много: в каждой области, на каждой маленькой стройке были лагерные отделения. Наряду с небольшими управлениями, едва превышавшими по численности тысячу человек, были и лагерь-гиганты, где содержались несколько сот тысяч заключенных: Башлаг, Тайметлаг, Темники, Караганда. Но особо выделялись два больших лагеря с населением свыше миллиона человек – Колыма и Воркута. Суровая природа Крайнего Севера, вечная мерзлота, 8–9-месячная зима в сочетании с жесточайшим режимом создавали удобные условия для содержания заключенных. Лагеря стали быстро наполняться уголовниками.

Участвовавшие в войне «воры», прибывшие в лагерь, получили название «военщина»¹. Среди «военщины» было много крупных «воров» – «выдающихся деятелей» преступного мира. Они возвращались после нескольких лет свободы в лагерные зоны и надеялись снова войти в «воровское сообщество».

Однако старый преступный мир не принял их в свои ряды. Напрасно главари «военщины» ссылались на прошлые заслуги и требовали допустить их как равноправных членов к «сходкам». «Воры», просидевшие всю войну в лагерях, не стали делиться властью.

Но и среди вернувшихся было много важных персон уголовного мира. Вы-

¹ «Воры в законе», сражавшиеся на фронтах Великой Отечественной войны, также назывались «автоматчиками».

тесненные из родной среды столь решительно и бесцеремонно, они не могли примириться с таким положением, на которое обрекали их «правоверные урки». И тогда крупные «блатари» – вожди «военщины» – решили объявить новый закон.

«Новый воровской закон» был объявлен в 1948 году в пересыльной тюрьме в бухте Ванино одним из главарей «военщины» по кличке Король. Он предложил начальнику Ванинской пересылки навести полный порядок на ней, обещав своими силами справиться с «законными ворами». Последний немедленно поставил в известность высокое начальство и получил одобрение на проведение операции Короля.

Для перехода в «новый воровской» закон был изобретен обряд – целование ножа. Если «законный вор» соглашался и прикладывал губы к железу, он считался принятым в новую веру и навсегда терял всякие права в «воровском» мире. Приверженцев «нового воровского» закона стали называть «суками»¹. Название «суки», хоть и не точно отражающее существо дела и терминологически неверное, привилось сразу. Как ни протестовали вожди «нового» закона против обидной клички, удачного, подходящего слова сразу не нашлось, и под этим названием они вошли в историю и очень скоро сами себя стали называть «суками»: для ясности и простоты. Правда, позднее в 50-х годах они нашли подходящее название «польские воры»².

Всех, кто отказывался целовать нож, убивали. И не просто убивали. На «правоверных ворах» заставляли «расписываться» ножами всех их бывших товарищей, поцеловавших нож. Перед смертью их «трюмили»³, то есть топтали ногами, били, всячески уродовали и только потом убивали.

Вести о «королевской» расправе в бухте Ванино быстро распространились по лагерям и тюрьмам, «воры» – приверженцы «старого» закона приступили к самозащите. Была объявлена тотальная мобилизация. Весь «воровской» мир вооружился.

Тем временем Король осуществил «гастрольную» поездку по лагерям Дальнего Востока. Вместе со своими подручными он объехал зоны до Иркутска, оставляя в них десятки трупов и сотни новообращенных «сук». Но возникла новая опасность. Выходило так, что администрация, помещая вместе «воров» и «сук», сознательно подвергала и тех, и других смертельной опасности. Распоряжения о невмешательстве были вскоре отменены, и повсюду создавались отдельные локальные зоны для «сук» и для «воров» внутри лагеря. Король и его единомышленники были сняты со всех лагерных и административных должностей. Оказавшись без защиты начальства, они тоже стали подвергаться смертельной опасности. И еще оказалось, что создание локальных зон на территории одного лагеря не приносит никакой пользы. Кровь лилась по-

¹ «Сука» - «вор», изменивший старому «воровскому» закону.

² Это название они взяли потому, что многие из них воевали в армии Рокоссовского на территории Польши. Однако французский исследователь Жак Росси в своей работе «Справочник по ГУЛАГу» отмечает, что происхождение термина «польский вор» никак не связано с Польшей. Обычно «польский вор» на уголовном жаргоне означало «вор-одиночка».

³ Процесс (акция) «переделки» «вора» в «суку» получило специальное название «трюмение».

прежнему. Пришлось закрепить за «ворами» и «суками» отдельные лагеря. Но тогда стали создаваться «экспедиции» – происходили налеты вооруженных «сук» или «воров» на вражеские зоны. Пришлось предпринять еще один организационный шаг – создать приисковые управления, объединяющие несколько приисков, закрепленных за «ворами» или «суками».

Так, все Восточное управление с его больницами, тюрьмами, лагерями досталось «сукам», а в Северном управлении сосредоточили «воров». На пересылках каждый «блатной» должен был сообщить начальству, кто он – «вор» или «сука», и в зависимости от ответа подключался к этапу, направляемому туда, где «блатарю» не грозила смерть.

Вовсе не все целовавшие нож «воры» одобряли новые «сучьи законы». Очень многие в душе оставались приверженцами старых порядков, ведь они сами осуждали «сук». Часть этих бывших «воров» попробовали при удобном случае вернуться «в закон». Но «королевская» мысль еще раз показала свою глубину и силу. «Законные воры» грозили новообращенным «сукам» смертью и не хотели отличать их от кадровых «сук».

Тогда некоторые из новообращенных «сук» объявили третий «воровской закон». На этот раз для разработки идейной платформы у них не хватило теоретических сил. Они не руководствовались ничем, кроме злобы, не выдвигали никаких лозунгов, кроме лозунга мести «сукам» и «ворам» в равной мере и кровавой расправы с ними. Они приступили к физическому уничтожению тех и других. В эту группу вошло так неожиданно много «блатных», что начальству пришлось и для них выделить отдельный прииск. Их стали называть «махновцами»¹. Камеры пересылок были двух видов: для «воров в законе» и для «сук». «Махновцам» же приходилось выпрашивать у начальства место, долго объяснять, кто они такие.

В первые годы «войны» казалось, что перевес будет за «суками». Энергичные действия их главарей, «воровские» трупы на всех пересылках, разрешение направлять «сук» на другие прииски – все это было признаками «сучьего» преимущества в «войне». Но каждый год весной с приходом навигации «воры» получали подкрепление с «Большой земли». И с каждым таким подкреплением кровавая война вспыхивала с новой силой.

«Сучья война» способствовала распаду преступного мира на отдельные группировки, основными из которых оставались «воры», «суки» и «махновцы».

«Блатари», которые стали сотрудничать с администрацией, в частности, работать в так называемых отрядах самоохраны лагерей, получили название «красная шапочка», вероятнее всего, за околыши фуражек, которые они носили. «Воры», исключенные из какой-либо группировки и ни к кому не примкнувшие, получили название «один на льдине». Те из них, кто давал отпор другим, стали называться «ломом подпоясанные». В самостоятельную группу выделяются осужденные, вынужденные «выпрыгивать» (убегать) из колонии. Их называли «зелеными». В 1947–1953 годах происходила наиболее острая борьба

¹ «Махновцы» - «блатные», не признающие ни старый «воровской» закон, ни новый «сучий». Их еще называли «беспредельщиками», «беспределом».

между этими преступными группировками, так как в этот период была отменена высшая мера наказания. В середине 50-х годов «сучья война» разгорелась и на свободе, поскольку многие преступники были выпущены в результате всеобщей амнистии, последовавшей после смерти Сталина. Тогда же осуществляется ряд практических мероприятий. Резкий поворот государства лицом к «нарывающим» проблемам исправительно-трудовых лагерей был, естественно, вызван изменениями по всей стране.

В 1953 году умер диктатор, создавший эти лагеря и сгноивший в них многие тысячи ни в чем не повинных людей. Теперь надо было исправлять ситуацию, в связи с чем в лагеря и колонии отправляются опытные оперативники для активизации работы среди осужденных, улучшается прокурорский надзор за законностью в местах заключения. Суды стали применять более строгие меры наказания к лицам, совершившим тяжкие преступления, и рецидивистам. После Указа Президиума Верховного Совета СССР от 13 января 1953 года «О мерах по усилению борьбы с особо злостными проявлениями бандитизма среди заключенных в исправительно-трудовых лагерях», которым была введена за эти преступления смертная казнь, убийства и «воров», и «сук» значительно сократились.

Во второй половине 50-х годов все враждующие группировки – «воры», «суки», «махновцы» – практически везде содержались отдельно. Не получая поддержки извне и не имея возможности жить за счет грабежей, вымогательств, картежной игры, часть «авторитетов» была вынуждена начать работать, нарушив тем самым одну из главных «воровских» заповедей. Только одно это уже заметно пошатнуло дотоле сплоченные ряды «блатарей». Возникающие между ними противоречия умело использовались администрацией исправительных учреждений. Главари и активные участники «воровского сообщества» оказывались в штрафных изоляторах, специальных лагерных пунктах, тюремных отделениях. Там «ворам» жилось несладко. Все больше расшатывались их ряды, все труднее становилось соблюдать преступные традиции и обычаи. Отдельные участники группировок уже не опасались мести и сначала робко, а затем смелее начали порывать с преступным миром.

«Отошедших» и «воров» администрация попробовала соединить вместе. Первый опыт такого соединения был проведен в 1957 году на лагерных пунктах строгого режима Чунь-Чем, Сарьянка и Восточный¹. Обошлось без эксцессов.

Органы внутренних дел разработали и осуществили комплекс мер по ликвидации неформальных группировок уголовной направленности. Главная задача таких мер состояла в развенчании культа уголовных «воровских» традиций. В этих целях был создан специальный лагерь, в который переводили «воров в законе» из других мест лишения свободы для проведения с ними индивидуальной работы. Работники лагеря, пользуясь данным им правом, переводили наиболее злостных членов группировки на тюремное содержание и применяли к ним нормы штрафного питания, говоря проще, сажали «на хлеб и воду».

Но ни сырые одиночные камеры, ни холод, ни голод не могли заставить

¹ В преступной среде этот процесс называли «ершилово».

«воров в законе» отказаться от преступного образа жизни. Из трехсот «воров в законе» лишь несколько человек согласились заявить об отходе от сообщества.

Применяемые меры носили не только репрессивный характер (чего, прямо скажем, нельзя было совсем исключать в борьбе с идейными «ворами»), но и воспитательный.

В средствах массовой информации публиковались письма бывших «воров в законе»¹, организовывались собрания осужденных, на которых обсуждалась их деятельность, велась широкая индивидуально-профилактическая работа.

Кроме того, с «воров» стали брать подписку о прекращении преступного образа жизни, причем это было предложено самими бывшими «ворами», и, как оказалось, дало хороший результат. Если «вор» давал подписку даже по соображениям конспирации, то он сразу же считался исключенным из группировки без права на восстановление².

Важное место в пропагандистской работе отводилось разоблачению культа честности и идейности «воров». Понимая, что многие осужденные верят «ворам», администрация мест лишения свободы стала предавать гласности факты отступления их от «воровского закона». Использование компрометирующих данных оказывало сильное воздействие не только на «воров в законе», но и на других осужденных. Появлялись факты сокрытия некоторыми «ворами» своей принадлежности к группировке, что сразу влекло исключение из нее.

В результате проведенной работы преступность среди осужденных с 1956 по 1958 год сократилась почти на половину, значительно сократились побег и массовые беспорядки. Начался постепенный распад преступных сообществ в местах лишения свободы, что, однако, было ошибочно воспринято руководством МВД как окончательное разрушение преступных организаций и исчезновение их традиций и обычаев. Как бы там ни было, но к началу 60-х годов сообщество «воров в законе», обескровленное в результате «сучьей войны», прекратило свою активную деятельность. Часть «воров» отошла от преступной деятельности, а часть была закрыта в специальных тюрьмах и лагерях. В последующие годы о «ворах в законе» не было слышно, хотя эта проблема осталась до конца нерешенной.

§4. Особенности субкультурных отношений в исправительных учреждениях(1961-1996 гг.)

Изменения в уголовном, уголовно-процессуальном, исправительно-трудовом законодательствах 1959–1961 годов, усиление борьбы с преступным миром заставили профессиональных преступников реформировать свои принципы, нормы, запреты, вынудили их избрать новую тактику – уйти в подполье. И хотя все стойкие «воры» оказались в колониях особого режима и тюрьмах,

¹ К честной трудовой жизни (сборник писем осужденных). М.: Издание ГУИТК МВД СССР, 1957.

² Тех «воров в законе», которые дали подписку, называли «прошляками» или «лопнувшими», а сам процесс «ломкой».

они все-таки существовали, и не просто существовали, а продолжали действовать скрыто, хитро, чужими руками. Именно «воры» подстрекали «братву» на массовые протесты против официальных тюремных новшеств. «Воры» старались дестабилизировать ситуацию, показать, к чему приводит отсутствие руководства в преступном мире. В колониях участились случаи убийства осужденных, совершаемые по наущению «воров». Смертная казнь практически не применялась. Убийца получал 15 лет и отправлялся в лагерь, а там, проигравшись в карты в очередной раз, убивал еще кого-нибудь и получал очередные год или два лишения свободы. Были такие, которые имели по 8-10 таких судимостей, а общий срок составлял 15 лет¹. Ситуация в ИТУ накалилась настолько, что был принят специальный Указ Президиума Верховного Совета СССР от 18 мая 1961 года, который ввел смертную казнь через повешение преступников, повинных в действиях, дезорганизирующих работу ИТУ. Это оказалось очень действенной мерой. Достаточно было применить ее несколько раз, и количество убийств уменьшилось. К середине 60-х годов существенно изменяется структура «воровских» группировок. В них стали допускаться «фраера»². «Фраера» стали основной опорой «воров» и первыми претендентами на звание «вора». А там, где не было «воров», они становились абсолютными хозяевами зоны, как сейчас говорят, «жили на положении “воров”». Чтобы «фраеров» допускали к власти, такого еще не было никогда. Но что оставалось делать «ворам», если число «воров в законе» к началу 60-х годов резко сократилось, во многих колониях их вообще не было. В середине 60-х годов в колонии стали направлять совершенно неоправданно тех, кто совершил любое преступление, в том числе и не очень опасное: хулиганство, побои, уклонение от уплаты алиментов, нарушение паспортного режима. Кроме того, в данный период закрываются многие тюремные отделения, размещавшиеся практически в каждой области и в каждом крае. Многие из тех, кто сидел в них, были также направлены в исправительно-трудовые колонии. Среди них оказалось немало новоявленных «воров» – бывших «фраеров», «коронованных» в тюрьмах. Они-то и начали бороться за власть, стали устанавливать связи с тюрьмами, колониями особого режима, объединять вокруг себя всех настроенных против администрации, актива. С несогласными, не желавшими подчиниться, расправлялись. Администрация пыталась с этим бороться, отправляла «фраеров» в ШИЗО, ПКТ, переводила в тюрьмы, но все началось снова после их возвращения в колонии. Большинство осужденных, пребывающих в колониях общего и усиленного режима, ничего не знали и не слышали об особых «арестантских правилах», тем более о жестоких «законах» преступного мира. Позиции завоевывались только благодаря личным качествам, а чаще всего силе. В тех колониях имелись постоянные возмутители спокойствия, которые, изучая в СИЗО «воровские» традиции, объединялись в группы, в поведении подчеркнуто подражали «ворам», стихийно организовывали карточные игры, вводили обряды проверки, «прописки». Неугодных, а чаще всего слабовольных и слабосильных насильствовали. Именно с того времени

¹ Согласно УК РСФСР 1960 г. сроки не складывались, а поглощались.

² «Фраер» - авторитетные осужденные, не имеющие статуса «вора в законе».

существует традиция «опускания», получившая распространение в наших тюрьмах. Именно тогда появляется разделение на касты: «блатные», «мужики», «козлы», «петухи».

В это время среди «воров в законе» произошли изменения, в результате чего среди лидеров преступного мира появились два направления: тех, кто строго придерживался старых «воровских законов» (их стали называть «нэпманскими ворами»), и тех, кто хотел видоизменить эти «законы» в соответствии с новыми условиями. Борьба между двумя направлениями не имела ничего общего с сегодняшней борьбой бандитов. «Нэпманские воры» обвиняли своих новых конкурентов в предательстве и эгоизме, пытались подорвать их авторитет в преступном мире. Новые «воры» старались купить власть и угрожали старым «авторитетам». Они привлекали молодых преступников тем, что вели новый стиль жизни, будучи лидерами преступного мира, не скрывали результаты своей деятельности: ели в дорогих ресторанах, имели дорогие иномарки и роскошные виллы. Поскольку новые «авторитеты» вели открытый образ жизни, они вынуждены больше думать о своей физической безопасности. Помимо личных телохранителей, они вербовали агентов и осведомителей в милиции. Их методы становились все более изощренными.

В эти годы появились тенденции, о которых раньше никто не мог предположить. «Воровской венец» стало возможным купить за деньги, правда, за очень большие – около миллиона долларов. В основном такие приобретения могли себе позволить лишь «лица кавказской национальности», так называемые «апельсины». Конечно, это делалось не для того, чтобы потешить свое самолюбие. «Воровской венец» открывал путь к еще большим деньгам, чем были потрачены на его приобретение. Но те, кто выкупал себе звание «вора в законе» за деньги, хотя и считались таковыми, авторитетом у других «воров» не пользовались. Новая волна «воров в законе», в отличие от предшественников, старалась тщательно маскировать преступный образ жизни под внешне респектабельный и законопослушный. Сами они уже редко «ходили на дело», чаще направляли других – так называемую «пехоту». Даже кражами перестали заниматься. «Вор в законе» стал организатором криминальных дел, идеологом преступного образа жизни в полном смысле этого слова и высшим судьей. Та часть «воров», которая не соглашалась с новой политикой, подкупалась. «Старым ворами» выплачивались из воровских касс «пенсии» взамен присутствия на «сходке». А те, кто не соглашался на это, физически уничтожались. По стране прошла жесткая волна убийств «нэпманских воров». Были убиты такие знаменитости, как Учкун, Махмутчик, Ереван, Касторский – всего около 30 «воров». Очевидно, они предпочли старую «воровскую» идею новой «пенсии»¹. Эта борьба новых и старых «воров» получила название «третьей преступной войны», хотя она не носила такого глобального характера, как «сучья война».

В конце 80-х годов одновременно с началом «перестройки» и кооперативного движения страну «накрыла» новая преступная волна. В короткий срок буквально у всех на глазах произошла легализация криминального мира, который

¹ Гуров А.И. Красная мафия. С. 152-153.

успешно стал «отмывать» «грязные» деньги и «подминать» под себя тех граждан, которые, поверив в новую форму хозяйствования, хотели что-то создать или произвести. Но не тут-то было. «Цеховики»¹ вышли из «подполья» со своими коррумпированными связями с «боевиками». После коротких стычек, пожаров, убийств и других методов террора на кооперативной «ниве» остались только бывшие «цеховики». Незаконно накопленный ими капитал служил для воспроизводства иных видов нелегальной деятельности: контрабанды, финансовых афер и т.п. Именно в период кооперативной «лихорадки» появившийся рэкет превратился в бедствие, грозящее не только дельцам, но даже государственным магазинам и предприятиям. И раньше были группы, которые занимались поборами, но они то исчезали совсем, то появлялись уже в новом виде. Теперь же это стало уже почти движением, потому что на смену одной обезвреженной группе появляются две новые. С помощью рэкета стали контролироваться проституция, игорный бизнес и даже профессиональные преступники: карманные и квартирные воры, мошенники и валютчики. Преступность к этому времени набрала такую силу, что в 1986 году на «съезде» «воров в законе» обсуждался вопрос о том, чтобы прибрать к рукам политическую власть стране. А в 1988 году распространяется «Обращение ко всем осужденным СССР», в котором «красной нитью» проходила мысль: «Пока “красные” дерутся между собой, необходимо брать власть в стране». К этому времени структура органов власти в отдельных регионах уже стала, по сути дела, структурой мафии.

В 90-е годы произошел резкий всплеск преступности. Существует несколько объяснений этому. Одно из них – распад Советской Армии, который способствовал свободному притоку оружия в общество, прежде всего, в тех регионах бывшего Советского Союза, где его раздробление привело к гражданским столкновениям: Нагорный Карабах, Абхазия, Осетия, Таджикистан, Приднестровье, Чечня. Другое объяснение – это неудачная война в Афганистане и, как следствие, вовлечение в банды многих профессиональных военных и солдат, имеющих боевой опыт и умеющих только убивать, но не нашедших себя в мирной жизни. Эти свежее испеченные бандиты более привычны к законам войны, чем к законам общества или «воровского» мира. Кроме того, широко используются знания сотрудников милиции и бывшего КГБ, которые подверглись сокращениям. Эти бывшие сотрудники правоохранительных органов предпочли отказаться от правовой системы общества и вступить с ней в борьбу, но в криминальном мире их воспринимают скептически. Иногда они образуют свои банды, которые в преступном мире получили название «ментовских». Правда, связи с другими бандами они, как правило, не имеют.

Сейчас можно говорить о двух накладывающихся волнах, которые привели к эскалации насилия в новой России. Это насилие является результатом внутренней борьбы в преступном мире, борьбы «старого» и «нового», борьбы между «ворами» и «бандитами».

¹ «Цеховики» - деятели «теневой экономики».

Современный преступный мир России представлен тремя с лишним сотнями «воров в законе» и так называемыми «смотрящими» (их около семисот) с полномочиями от преступного мира. После распада СССР «воры в законе» – уроженцы Кавказа и Закавказья, Средней Азии и Прибалтики – преимущественно перенесли свою деятельность на территорию России, где нежесткий политический режим, нет такого фактора риска, как гражданская война, зато есть достаточно плотная уголовная среда и широкое поле деятельности.

Сторонники старых «воровских» традиций все больше отодвигаются за пределы экономической сферы деятельности, им отводилась роль «авторитетов», главным образом в колониях. Тогда же появились так называемые «бандиты». Последние отличаются тем, что состоят в основном из несудимых молодых людей¹, которые не подчиняются «воровским» законам и не платят денег в «общак». Но если кто-то из «бандитов» попадает в «воровскую» колонию, то его там ждет мучительная смерть, а в лучшем случае – «опускание». Вот почему они всеми силами стремятся избежать колонии, а попав туда, сразу идут на службу администрации, становясь так называемыми «козлами». В некоторых колониях весь актив состоит из бывших «спортсменов».

С середины 90-х годов происходит усиление позиций «воров в законе», которое вызывает жесткое противодействие со стороны «бандитов», не признающих «воровских» традиций.

Между «ворами» и «бандитами» почти до конца 90-х годов шла настоящая война – «четвертая преступная война». Основной ареной этой войны был Санкт-Петербург. Сейчас установилось некое перемирие: «ворам» и «бандитам» удалось договориться: «бандиты» согласились выплачивать деньги в «общак», «воры», в свою очередь, отказались от притязаний на территории и объекты, которые «контролируются» «бандитами».

Новый этап развития истории преступного мира России начался с новым веком, «воры в законе» вошли в легальный бизнес и структуры власти государства.

§ 5. «Воры в законе» - главные хранители и носители преступных традиций

Когда появились «воры в законе», никто точно сказать не может. Также не выяснено, откуда произошло данное словосочетание. Но одно ясно точно, что «закон» в этом словосочетании – это закон не общества и государства, а преступного мира, основанный на преступных традициях.

По данным правоохранительных органов², на сегодняшний день на территории России проживают около 400 «воров в законе», 54 из которых находятся в местах лишения свободы, а еще 100 ведут нелегальный или полунелегальный образ жизни. Их ничтожно мало, но их влияние несоизмеримо с их количеством. На самом же деле сложно определить количество «воров в законе», так как в последнее время существенно изменились значения понятий «вор в зако-

¹ «Воры» их называют еще «спортсменами».

² Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2010. № 3. С.19.

не» и сам «закон». Основная часть «воров» сейчас непосредственно преступлений не совершает, они являются организаторами преступных дел – это «генералы преступного мира».

«Воры» создали нелегальную сеть преступных связей не только в России и в СНГ, но и в Европе, Америке, Юго-Восточной Азии.

Часть «воров» из элитной группы таковыми открыто в преступном мире не объявляются или якобы отошли от преступной деятельности, что способствует их продвижению в высшие сферы власти.

Номинально «воры в законе» равны между собой, т.е. они имеют равные права и обязанности. Однако на самом деле «воровское сообщество» неоднородно: есть среди них высшее сословие, среднее и низшее. Различают «воров в законе», то есть тех, которые, будучи принятыми в «воровское братство», обязуются соблюдать соответствующие «законы», и «воров списочных» – не объявленных и принятых в «воровскую» группировку за какую-то услугу. Последние не пользуются авторитетом и за малейшую провинность изгоняются. Есть так называемые «тюремные воры», которые на свободу практически не выходят, а руководят жизнью колоний и тюрем. Есть организаторы низового преступного уровня. Но есть такие, которые руководят преступной жизнью, да и не только преступной, но и обычной жизнью городов и районов.

Современный «вор в законе» не татуированный тип, с почерневшими от цифиря зубами. Он чисто выбрит, одет по последней моде, имеет несколько квартир, дач, престижных автомашин, на него работают опытные юристы, есть у него свои люди в органах власти, в правоохранительных органах. Он окружен телохранителями, которые одновременно являются оруженосцами, то есть «вор» сам не хранит, не носит оружие.

Где бы ни находился «вор в законе», его основная криминальная обязанность – поддерживать и укреплять имеющуюся «воровскую семью» либо создавать новую. В случае, когда «воровских группировок» в определенном городе или районе нет, «воры» пытаются перевербовать или взять под свой контроль другие преступные группировки (молодежные, этнические, иногда «бандитские»). «Вор в законе» может возглавить преступную группировку сам или назначить ставленника, то есть «смотрящего» за городом, районом, колонией либо за конкретным объектом: казино, рестораном, гостиницей.

Вербовка в члены группировки проводится не только лидером, но и его активными сообщниками. Редко какие лидеры преступных группировок оказывают сопротивление «ворам в законе». В этом случае «вор» может вызвать на подмогу несколько других группировок из других регионов, находящихся под его влиянием.

Изучение личности «воров в законе» показывает, что их минимальный возраст 25–30 лет, максимальный – 55–60. Наиболее «рабочий» возраст «воров в законе» – 35–50 лет (85%).

Большинство «воров в законе» – ранее судимые, хотя сейчас встречаются среди них и не судимые лица. Основная их масса привлекается или отбывает уголовные наказания за незаконный оборот наркотических средств и за разбой.

Их образовательный уровень выше среднестатистических показателей других участников криминальных групп. Некоторые имеют высшее образование, встречаются даже кандидаты и доктора наук.

В числе ведущих социально-психологических характеристик «воров в законе» выделяют криминальный профессионализм, организаторские способности, коммуникабельность, знание социально-негативных норм (преступных традиций) и их неукоснительное соблюдение, способность к самопожертвованию в интересах «воровского сообщества», что, правда, больше характерно для молодых «воров в законе».

В повседневном общении «воры в законе» стремятся показать себя с наилучшей стороны: для придания своему образу положительного имиджа часто вовлекают в свое окружение деятелей культуры, искусства, спорта, науки, часто используют социально-психологические приемы, постоянно показывают свое стремление к справедливости, порядочности, оправдывают свою философию тем, что государство еще больший вор, чем они. Для поддержания своего авторитета они нередко оказывают помощь деятелям культуры, спортсменам, а иногда малообеспеченным группам населения: студентам, пенсионерам, нередко создают различные общественные фонды или входят в них. В последнее время демонстрируют свою религиозность.

Но нужно заметить, что «воры» признают людьми только тех, кто входит в «воровскую касту». Недаром на воровском жаргоне слово «люди» означает «воры». Остальные для них – «стадо», «чернь». Их можно обманывать, делать с ними что угодно, и это не является нарушением «воровских законов», а, наоборот, одобряется. За убийство «вора» могут лишить жизни; за убийство обычного человека – никогда. Даже если кто-то оскорбит «вора в законе» - он должен быть убит¹. Простые люди для них что рабы в Древнем Риме.

Сообщество «воров в законе» многонационально: 33% – русские, 32% – грузины, 8% – армяне, 5% – азербайджанцы, 22% – остальные: курды, менгрелы, абхазы, узбеки, казахи, украинцы и другие. Все это подтверждает вывод о «воровском интернационализме». Встречающееся иногда противостояние «воров» разных национальностей (например, русских и кавказцев) происходит не по национальным, а по идеологическим мотивам, то есть по причине разных подходов к пониманию преступных традиций и обычаев. Например, «кавказские воры», как уже говорилось, допускают прием в «воровскую касту» за «долянку», то есть внесение определенных денежных сумм в «общак». Неслучайно российские «воры» презрительно называют «грузинских воров» «лаврушниками». Российские «воры» считают, что кандидат на звание «вора» должен доказать право на это своей «воровской жизнью»².

¹ Например, в 1989 г. «вор в законе» Султан, находившийся с компанией в одном из московских ресторанов, представившись, сделал замечание группе молодежи, которая сильно шумела. Молодые лица не знали «воровского закона», и один из молодых людей ударил Султана. На следующий день его нашли убитым.

² Здесь необходимо выделить различие, существующее между русскими и грузинскими «ворами в законе». Русские «воры в законе» чаще всего являются сторонниками более строгого соблюдения «воровского закона». В основном они не приемлют сотрудничества с властями в любой форме, являются приверженцами точного соблюдения ритуала «коронации», привлечения молодежи, сбора «общака». Грузинские «воры в законе» не столь

«Воры в законе» пользовались огромным уважением и практически неограниченной властью в преступном мире СССР. Для советского гражданина решающим ритуалом в жизни был прием в коммунистическую партию. Для этого требовались рекомендации других членов партии, кандидатский стаж и незапятнанный образ жизни. Поэтому нет ничего удивительного, что в своем мире преступники создали аналогичный ритуал, но имеющий целью выбрать наиболее выдающихся противников общества, главных среди «своих», «воров в законе».

Признание кандидата «вором в законе» – так называемое «коронование» – осуществляется на «воровской сходке» либо по «воровской переписке», с рекомендациями не менее двух «воров в законе». Перед этим претендент на звание «вора» проходит испытательный срок, своего рода кандидатский стаж.

Ежегодно «коронуется» в среднем от 10 до 30 «воров в законе». Однако не всегда тот или иной уголовный авторитет желает «короноваться». Ведь звание «вора» возлагает на его носителя целый ряд обязанностей: держать слово перед «братвой», помогать остальным «ворам в законе», за оскорбление собственноручно расправляться с обидчиком, вести скромный образ жизни. Для многих авторитетов, имеющих особняки и престижные иномарки, это неприемлемо.

С другой стороны, многие преступники вообще не могут стать «ворами». Мы уж не говорим об «отверженных», «фуфлыжниках», «беспредельщиках» и тому подобной публике. Не смогут стать «ворами» лица, работавшие в правоохранительных органах, бывшие начальники и другие должностные лица, преступники, хоть раз отказавшиеся дать деньги в «общак». Раньше не могли стать «ворами» лица, служившие в армии, бывшие членами партии, работавшие в сфере обслуживания или бизнесмены. Сейчас после соответствующей проверки такие лица могут быть признаны «ворами в законе». Но чаще всего «ворами» становятся профессиональные преступники с «чистой биографией», то есть те, у которых и отец, и мать были преступниками.

Основными требованиями к кандидатам при вступлении в члены «воровского сообщества» являются следующие: преданность «воровской» идее; отсутствие «компрометирующих» сведений, таких, как сотрудничество с правоохранительными органами и т.д.; наличие организаторских способностей; наличие авторитета в среде преступников; письменные или устные рекомендации как минимум от двух «воров в законе».

Условия приема, перечисленные выше, в целом соблюдаются, хотя в последнее время имеется немало исключений.

Процедуру «коронования» осуществляют как минимум два «вора в законе». При этом подробно обсуждается жизненный путь кандидата, его заслуги перед преступным миром, выясняется, нет ли на него компрометирующих данных и т.п. Когда устанавливается, что кандидат достоин этого звания, он произносит клятву верности преступному миру.

четко придерживаются «воровского закона», имеют место случаи приобретения звания «вора в законе» за деньги лицами, которые никогда не отбывали срок.

Среди «воров в законе» существует так называемый «кодекс воровской чести», под которым понимается совокупность определенных традиций, которые обязан соблюдать «вор в законе».

На первоначальном этапе «ворам в законе» запрещалось: лезть в политику; иметь семью; работать; находиться на свободе более шести месяцев (затем этот срок был увеличен до года, еще позднее – до трех лет); иметь собственность; проживать на материальные средства, добытые преступным путем.

Некоторые из этих «законов» были отменены в 50-е годы после так называемой «сучьей войны», другие – в 80-е годы после «нэпманской войны».

«Вор» считается хранителем кодекса, то есть «воровского закона», который управляет как его поведением, так и поведением тех, кто придерживается «воровской идеи». «Воры в законе» оказались достаточно гибкими, чтобы пережить многие изменения, которые произошли в советском государстве, и сохранить основные положения «воровского закона», хотя он, конечно, и претерпел некоторые изменения. «Воры в законе» переопределяют правила, по которым они живут, чтобы гарантировать свое выживание в атмосфере резкого усиления конкуренции в криминальной среде.

Но многие «воровские законы» сохранились до настоящего времени. Вот некоторые из них: активное участие в деятельности «воровского сообщества»; соблюдение и пропагандирование «воровских» и преступных традиций; вовлечение молодежи в преступную жизнь; обязательство держать слово перед «братвой»; организация сборов, средств в «общак», контроль за их использованием; осуществление судейских функций; ведение контрразведывательной работы в отношении оперативных служб правоохранительных органов; руководство жизнью в исправительных учреждениях, налаживание «дороги», помощь осужденным; помощь освобождающимся осужденным; соблюдение «воровских законов» и требование их соблюдения от других преступников.

За нарушение «кодекса воровской чести» к провинившемуся применяются санкции. Некоторые из них назначаются при обсуждении нескольких «воров», другие – по решению «воровской сходки».

Применяются следующие санкции:

моральные: обсуждение на «сходке», замечание (порицание), пощечина, изгнание из сообщества;

материальные: штраф, пени («постановка на счетчик»), конфискация;

физические: избиение, убийство.

В криминологической и художественной литературе нередко указывается, что если «вор в законе» добровольно, не причиняя вреда «воровскому сообществу», отошел от своих криминальных обязанностей, то его должны обязательно убить. Конечно, такой вариант нельзя исключать, но на практике имеются многочисленные факты, когда бывшие «воры» спокойно живут и здравствуют. Таких «воров» называют «отказниками».

«Вор», нарушивший «воровские» традиции, но не предавший «воровскую идею», объявляется «сукой». «Вор», предавший интересы «воровского сообщества», объявляется «гадом».

Если «вора» объявили «сукой», он изгоняется из «воровского сообщества».

Если «вора» объявили «гадом» на «воровской сходке», то его тут же должны убить. Исполнителями приговора назначаются, как правило, претенденты на звание «вора». В местах лишения свободы для этого есть специальные лица – «торпеды».

Если известно, где находится «вор», объявленный «гадом», во все регионы рассылаются «маявы» о его «прикрытии», то есть убийстве. Для этого могут быть наняты и киллеры.

Существенную роль в организованной деятельности «воров в законе» играют «сходки» («съезды»)¹ – нелегальные и полуполигальные сборища «воров в законе», на которых решаются наиболее важные вопросы сообщества, а в некоторых случаях – и всего преступного мира.

«Сходка» организуется по инициативе одного или нескольких «воров в законе». Решение о ее проведении принимается группой в составе не менее пяти «воров в законе». Иногда сходки происходят стихийно, например, когда «воры» собираются на похороны своего сподвижника.

Когда криминальное сборище планируется заранее, то его организацией занимается «вор», контролирующий регион, где планируется проведение «сходки». Ответственным за «сходку» подыскивается место, где она будет проходить, принимаются меры безопасности, обеспечивается конспирация. Для этого проводятся отвлекающие мероприятия, осуществляются подкуп соответствующих должностных лиц, нейтрализация правоохранительных органов, обеспечение охраны места «сходки».

Чтобы обеспечить безопасность участников «сходки», «воры» иногда проводят ее за рубежом – в Чехии, Австрии, Швейцарии².

«Сходки» бывают региональными и межрегиональными. Решение последних имеют значение для всей «воровской ассоциации России»³.

Вот наиболее типичные вопросы, рассматриваемые на «сходках»: выработка «воровской политики» в криминальном бизнесе; определение мер борьбы с другими преступными группировками, вытеснение их из определенных регионов; противодействие правоохранительным органам; положение с организацией сбора, хранения и использования «общака»; «коронация» уголовных авторитетов – претендентов на звание «вора»; разбор споров между «ворами»; определение санкций к «ворам», нарушившим «воровские законы».

¹ Такие «сходки» проходили в московских Сокольниках (1947 г.), в Казани (1955 г.), в Краснодаре (1956 г.). «Сходки» собирали до 200-400 делегатов. При этом в Москве и Краснодаре были «осуждены» и убиты несколько «воров», (см.: Монахов В.И. Группировки воров-рецидивистов и некоторые вопросы борьбы с ними. М., 1957. С.18).

² В начале 90-х годов многие из «воров в законе» отправились за границу, откуда, не опасаясь российских правоохранительных органов, управляли своими «империями». Более десяти лидеров, среди которых такие известные, как Тайванчик и Петрик, проживали в Германии. Марат Балагула, а за ним и известнейший Япончик организовали очень сильный и сплоченный русский преступный клан в США.

³ В 1979 году во время «сходки» в Кисловодске было оформлено «соглашение» между «ворами в законе» и «цеховиками», которые обязались платить для преступного сообщества 10% от своих доходов. В 1982 году в Тбилиси состоялась еще одна очень важная «сходка», на которую «воры в законе» собрались, чтобы обсудить, будут ли они внедряться во власть. В то время уже существовали определенные предпосылки для этого. Коррупция охватывала государственные органы все более и более. Спустя четыре года этот вопрос был поднят снова. Определенного решения по этому вопросу тогда принято не было.

По наиболее важным криминальным вопросам принимаются решения, которые излагаются в «ксиве на общак», а затем направляются в колонии и тюрьмы по всей России.

Одна из основных задач «воров в законе» – обеспечение воспроизводства преступной деятельности, что невозможно без увеличения денежных средств и материальных ресурсов. Для этого и предназначен «общак» – сбор денег для воровской деятельности. Он состоит из взносов¹ от традиционного преступного промысла: воровства, грабежа, рэкета, проституции, продажи наркотиков и т.п. Платить деньги в «общак» обязаны все профессиональные преступники. Доля их взноса – 10%.

Кроме того, в «воровской общак» входят доходы от казино и игровых домов, а в местах лишения свободы – от игры под интерес – 15%, а также дань с коммерческих и финансовых структур – 10%, а с провинившихся – 30%².

В связи с тяжелой экономической ситуацией в России в некоторых городах и крупных промышленных центрах «воры» проявляли заинтересованность в погашении взаимных неплатежей между предприятиями, так как это ставило под угрозу своевременность поступления денежных средств в «общак». Для этого из «общака» выделялись средства для оплаты труда рабочим и для функционирования предприятия.

«Общак» с учетом источников его формирования как доходов, нажитых преступным путем, хранится нелегально. Способы его укрытия многообразны, не исключая конкретных лиц, даже не посвященных в то, что это за деньги или ценности. В союзные времена «общак» хранился у деятелей культуры, известных спортсменов. Именно они имели сверхдоходы и, в крайнем случае, могли объяснить происхождение этих денег. В последнее время денежные средства «общака» хранятся в коммерческих банках, акционерных обществах³.

Хранитель «общака» несет ответственность за его сохранность. Если он «запускает руку» в «общак», руку могут отрубить. За его утерю, в том числе за изъятие его правоохранительными органами, существует одно наказание – смерть.

Основными направлениями использования средств из «общака» являются: содержание самих «воров» и организация их отдыха; пенсия состарившимся «ворам» и больным хроническими заболеваниями; зарплата телохранителям и другим лицам из ближайшего окружения «вора»; зарплата криминальным специалистам; приобретение оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ; материальная поддержка членов семей «воров», находящихся в местах лишения свободы; создание льготных условий содержания в местах лишения свободы; подкуп работников исправительных учреждений; подкуп должностных лиц; борьба с другими лидерами и группировками преступной среды; обеспечение безопасности как «воровских» формирований, так и стоящих под ними коммерческих фирм, банков, казино, игорных домов; финансирование коммерческих сделок,

¹ На уголовном жаргоне – «делянка».

² Разинкин В.С. «Воры в законе» и преступные кланы. С.63.

³ Карышев В., Бутырский Ф. Москва тюремная. М., 1998. С. 106.

дающих в дальнейшем большую прибыль; вложение денег в приватизацию предприятий, в недвижимость; финансирование акций, имеющих общественный резонанс; на пропагандистские шоу с участием знаменитых певцов, ансамблей.

«Общакковые» средства позволяют целенаправленно пропагандировать «воровские» традиции. С помощью «общаковых» средств «ворам» удастся проникать в экономику России, государственные структуры власти, выдвигать и поддерживать отдельных кандидатов в депутаты.

Криминологическое изучение преступной среды свидетельствует о том, что ни для одного из ее лидеров не характерны так называемые третейские обязанности. Их выполняют только «воры в законе». Эти обязанности осуществляются «ворами» как внутри «воровского сообщества», так и вне – в преступном мире в целом. В последние годы к «ворам в законе» для решения криминальных (и не только криминальных) вопросов обращаются наряду с преступниками и руководители коммерческих организаций и предприниматели.

Такое обращение к «вору» как судье вызвано объективными причинами. Во-первых, нет чиновничьей волокиты. Во-вторых, деятельность многих коммерческих структур, представители которых обращаются к «ворам в законе», носит криминальный или полукриминальный характер. Следовательно, обратившемуся невыгодно, чтобы разбирательство проводили официальные судебные власти и другие правоохранительные органы, так как они сами из-за этой процедуры могут понести уголовную или гражданско-правовую ответственность. В-третьих, во многих городах авторитет «воров в законе» выше, чем авторитет официальной власти.

Конфликты между «ворами», как правило, разрешает «воровская сходка». Вместе с тем если конфликт возник между молодыми «ворами», то его может разрешить авторитетный старый «вор».

К «вору» как третейскому судье обращаются и иные, не «воровские группировки» и их главари. И нередко «ворам в законе» удается предотвратить кровавые события и иные подобные последствия конфликтов. Как правило, после решения таких вопросов их авторитет возрастает не только в среде преступников, но и в правоохранительных органах.

Среди «воров в законе» идет постоянная борьба за преступное влияние на территории, сферы преступного промысла, коммерческой деятельности, бизнеса.

«Воровское движение» заключается сегодня не только в сборе «общаков» и «воровских сходках», но прежде всего в криминально-экономической деятельности сообщества.

В настоящее время все «воровские» преступные организации объединяются в «воровское сообщество России», в своеобразную криминальную ассоциацию.

Сегодня «воровское движение» вышло на новый, более качественный виток управления. Впервые на территории России в Московском регионе по несколько месяцев каждый год функционирует «воровской центр», в который входят наиболее авторитетные «воры». Этот центр, в основном, занимается ко-

ординирующей деятельностью в «воровском сообществе», а также третейско-консультационной деятельностью.

В настоящее время значение «воров в законе» нисколько не уменьшилось и в полном объеме оно сохранилось в учреждениях уголовно-исполнительной системы. Опека или патронирование мест лишения свободы является одной из основных задач «воров в законе». Они отвечают за порядок в исправительных учреждениях, распоряжаются жизнью обычных осужденных, рекрутируют новых преступников. Раньше авторитет «воров в законе» возрастал пропорционально отбытому сроку наказания. Отбывая наказание в зоне, «вор в законе» не может выполнять никакую работу. За него все обязаны делать другие осужденные. В то же время он обязан принять от администрации исправительного учреждения любое наказание за отказ от работы. Следует отметить, что в большинстве случаев «воры в законе» никакого наказания не несут, даже если это наказание официально и объявлено. Это объясняется тем, что в большинстве случаев истинным хозяином исправительного учреждения является именно «вор в законе», как бы и кто бы ни утверждал обратное. Администрация волея-неволей вынуждена с этим считаться, так как авторитетному «вору в законе» ничего не стоит устроить массовое неповиновение, отказ от приема пищи, от работы и т.д., притом что именно «вор в законе» внешне не будет ни к чему причастен. Например, в феврале 2004 года во всех исправительных учреждениях и следственных изоляторах г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области по решению «воров в законе» осужденные и арестованные отказывались от приема пищи в течение двух дней.

Известны случаи, когда в камерах следственных изоляторов, в которых содержались «воры в законе», находились телевизоры, холодильники и видеомониторы. Кроме того, известны случаи предоставления сотовых телефонов сотрудниками пенитенциарных учреждений для осуществления «ворами в законе» связи с внешним миром. Таким образом, отбывая наказание или находясь под стражей, «вор в законе» продолжал управлять не только исправительным учреждением, но и «работой» своих подчиненных на воле.

В некоторых группировках ее главарь находится на нелегальном положении. Его обязанности выполняет подставной лидер – «сухарь». Делается это, как правило, для того, чтобы обезопасить главаря от непредвиденных криминальных ситуаций.

Основными направлениями работы «воровских группировок» в местах лишения свободы являются следующие: налаживание нелегальных каналов общения со свободой; организация нелегальных каналов поступления на зону запрещенных предметов (наркотиков, спиртных напитков и т.п.); подкуп и склонение сотрудников администрации к оказанию помощи осужденным «ворам»; обеспечение льготных условий содержания всех лиц, входящих в группировку; обеспечение нормальных условий содержания осужденных.

Среди основных направлений деятельности «воровских группировок» в местах лишения свободы можно назвать организацию и проведение игр на интерес. Наиболее распространена игра в карты. Не последнее место занимают

также нарды, кости, домино, шахматы, шашки. Лидер и его ближайшее окружение владеют той или иной игрой почти в совершенстве. Игры на интерес являются инструментом и давления, и шантажа, и расправы с неудобными.

За неуплату любого долга на осужденного могут быть наложены различные и очень жесткие санкции, вплоть до объявления его «фуфлыжником», что грозит ему переводом в категорию «отверженных» или даже убийством.

В каждой зоне организуется «общак». О месте хранения «общака» знают только «вор» или «смотрящий» и казначей, иногда и другие члены группировки. «Общак» средства хранятся, как правило, в промышленной зоне, но могут храниться и в жилой зоне, и в клубе, и даже в кабинетах сотрудников.

Для обеспечения сохранности «общака», да и своей безопасности члены группировки осуществляют контрразведывательную работу: в первую очередь выявляют «стукачей», собирают сведения, компрометирующие сотрудников учреждения, иногда ведут двойную игру с оперативной частью.

Нередко «воры в законе», умело используя свое влияние на осужденных, обращаются к администрации с предложением о наведении должного порядка в исправительном учреждении, если им будут предоставлены определенные льготы и поблажки в отбывании наказания. Они обещают упреждение групповых эксцессов среди осужденных, массовых голодовок, выполнение норм выработки, обеспечение учреждения дефицитными материалами, продуктами, а также решение иных проблем, возникающих в ходе функционирования исправительных учреждений.

И, что скрывать, в условиях недостаточного финансирования, особенно когда «воры» обещают обеспечить учреждение продуктами или наладить производство, некоторые начальники исправительных учреждений идут на такие уступки.

Отказавшимся угрожают и даже иногда убивают. Так, в 1988 году «воровская сходка», проходившая в г.Соликамске Пермской области, приняла решение убить начальника ИТК № 6 и «вырезать» членов его семьи. Только благодаря деятельности оперативных служб удалось предотвратить это преступление.

Криминологический интерес представляют «воровские сходки» в местах лишения свободы. Они проводятся, как правило, в межреспубликанских и межобластных больницах для осужденных. Чтобы попасть туда, некоторые «воры» симулируют заболевание, другие подкупают или шантажируют врачей, а третьи туда попадают, так как действительно являются больными. И когда в тюремной больнице оказывается одновременно 5-7 «воров в законе», проводится «сходка».

«Воры в законе», используя особенности преступных традиций и пользуясь своим особым положением в местах лишения свободы и содержания под стражей в своих целях, добиваются следующего: достигают полного влияния на достаточно неустойчивую среду осужденных и заключенных с помощью норм и правил, возведенных ими в закон; осуществляют очень жесткое «правление» массой осужденных и заключенных, заставляя многих подчиняться силовыми методами, вплоть до убийства неудобных, причем делается это чужими руками (так называемыми «быками»); или сами, или их ближайшие помощники проникают в среду работающих осужденных с целью осуществления контроля

над промышленной зоной исправительного учреждения, налаживания контактов с волей для завоза в ИУ продуктов питания, спиртных напитков, сигарет, денег, наркотиков; используют иные методы давления, прикрываясь «воровским и тюремным законами».

Следует заметить, что места лишения свободы являются той зоной, в которой безраздельно властвуют «воры в законе».

Однако «воры» сами по себе представляют опасность лишь в том случае, если они создают вокруг себя устойчивую группировку сообщников, так называемую «семью» – стойкую неформальную структуру преступников, имеющую общие интересы и преследующую единую цель. В ней четкая структура: одни властвуют, другие выполняют самые разные поручения первых, являясь своего рода их прислугой. И хотя цели «воровских» группировок бывают разные, метод остается один – обирание основной массы осужденных, так называемых «мужиков», создание «общака» с целью материальной поддержки элиты преступного мира.

Необходимо заметить, что нельзя делить преступный мир России на закрепленные секторы: «воры в законе» со своей пристязью в одном отделении, банды и бандиты – в другом. В мире преступников происходят постоянные перемещения и скрещивания, которые отчасти стирают границы между ними. Есть «воры в законе», стоящие одной ногой в старой формации, а другой – в новой, существуют также банды, которые «задействовали» старых «воров» в качестве советников. Бывают и такие «воры», которые уже давно отказались от правил, диктующих им иметь скромную внешность, и сегодня их можно спутать с бандитскими лидерами. Кроме того, для сегодняшней преступности России характерна высокая степень насилия, поэтому все в какой-то мере заражены «беспределом», то есть преступностью без границ и правил.

ГЛАВА 2. ТЮРЕМНАЯ СУБКУЛЬТУРА

§ 1. Понятие тюремной субкультуры

Производящей основой понятия «субкультура» является понятие «культура».

Приставка «суб» в русском языке образует слова (существительные и прилагательные) со значением вторичности, побочности, подчиненности, малости по сравнению с тем, что названо в производящей основе.

Субкультурные отношения присутствуют в каждом социальном срезе нашего общества. Существование такой социальной общности, как осужденные, лишенные свободы, с их особыми интересами и потребностями, влечет за собой возникновение специфической субкультуры – субкультуры осужденных (тюремной). Для обозначения субкультуры осужденных к лишению свободы используются различные термины: «тюремная субкультура», «неформальная жизнь», «теневая» или «скрытая жизнь» и т.д.

Тюремная субкультура – особый сложный вид (разновидность) криминальной субкультуры, возникший в результате слияния криминальных и некриминальных субкультур, направленный на сохранение преступных традиций и регулирование отношений осужденных между собой, обществом и государством в местах лишения свободы.

Она имеет существенные отличия от всех иных субкультур, так как во многом детерминирована рядом принципиально неустраняемых условий, возникающих в пенитенциарных учреждениях.

Тюремная субкультура четко и жестко регулирует деятельность преступников в исправительных учреждениях, их образ жизни, внося в них определенную упорядоченность, системность. В субкультуре осужденных ясно прослеживаются: резко выраженная враждебность по отношению к общепринятым нормам; внутренняя связь с преступными традициями; конспиративный, нелегальный характер.

Преступный мир имеет вековую историю, свою субкультуру – язык, изобразительное искусство, законы, титулы, традиции.

Криминальная субкультура включает в себя субъективные человеческие силы и способности, реализуемые в групповой криминальной деятельности, и предметные результаты деятельности преступных сообществ. К субъективным силам и способностям человека относятся знания, умения, профессионально-преступные навыки и привычки, этические взгляды, эстетические потребности, мировоззрение, формы и способы обогащения, способы разрешения конфликтных ситуаций и управления преступными сообществами, криминальная мифология, привилегии для преступной «элиты», отношение к «своим» и «чужим» и т.д.

Так, В.Ф. Пирожков¹ полагает, что в зависимости от выполняемых функций все структурные элементы криминальной субкультуры можно разделить на несколько групп:

¹ Пирожков В.Ф. Криминальная психология. М., 2001. С.120-124.

- 1) *стратификационные* (нормы и правила определения статуса личности преступника в конкретной группе и уголовном мире, клички, татуировки, привилегии для криминальной «элиты»);
- 2) *поведенческие* («законы», «наказы», «постановки», правила поведения для разных классификационных категорий, традиции, клятвы, проклятия);
- 3) *идентификационные* (татуировки, клички, уголовный жаргон);
- 4) *кадровые* (тюремная «прописка», определение сфер и зон преступного промысла, перемещение преступника по иерархической лестнице);
- 5) *дисциплинарные* («разборки», «правилки», «опускание», принудительное татуирование);
- 6) *коммуникации* (татуировки, уголовный жаргон, клички, конспиративное невербальное общение);
- 7) *сексуально-эротические* (любовь как ценность, насильственное мужеложство как способ снижения статуса неугодного, провинившегося лица);
- 8) *материально-финансовые* (создание общей кассы – «общака», азартные игры);
- 9) *досуговые* (своеобразная культура отдыха и развлечений);
- 10) *отношения к здоровью* (наркомания, алкоголизм, членовредительство и, напротив, активные виды спорта, культуризм, здоровый образ жизни в интересах криминальной деятельности).

Приведенная условная классификация позволяет сделать несколько выводов. Первый – многие элементы криминальной субкультуры полифункциональны (например, татуировки выполняют функции стратификации, коммуникации, идентификации и дисциплинарную). Второй – каждый элемент криминальной субкультуры самостоятелен и выполняет какую-либо основную функцию (уголовный жаргон – функцию коммуникации, татуировки – функцию стратификации). Третий – каждый элемент криминальной субкультуры по-разному воспринимается людьми (например, желание иметь определенную татуировку или стремление избавиться от нее). Несмотря на определенную условность, приведенная классификация позволяет моделировать элементы криминальной субкультуры для более глубокого и всестороннего изучения.

Таким образом, криминальная субкультура – это явление, представляющее собой составную часть общей культуры, регламентирующее жизнедеятельность преступного сообщества, его отдельных членов, способствующее его существованию и противостоянию обществу, а также воспроизводству преступников.

Криминальная субкультура, представляя собой целостную культуру преступного мира, расслаивается на ряд подсистем (субкультуры: «воровская», осужденных, или тюремная, рэкетиров, мошенников и т.д.), противостоящих официальной культуре. Тюремная субкультура – одна из самостоятельных подсистем, тесно связанных с другими подсистемами преступной среды.

Следовательно, криминальная субкультура регулирует отношения в среде преступников. Таким образом, осужденные, до совершения преступления не

имевшие связей с другими преступниками (например, осужденные за преступления, совершенные на бытовой почве или по неосторожности), при поступлении в исправительное учреждение не являются носителями криминальной субкультуры. Криминальная субкультура до поступления в исправительное учреждение присуща лишь осужденным, до совершения преступления имевших в той или иной форме связи с другими преступниками. Кроме того, криминальная субкультура у них может быть разной в зависимости от характера связей и рода преступной деятельности.

Между тем отбывание наказания названными осужденными может быть назначено в одном исправительном учреждении. Очевидно, что через некоторое время все они станут носителями единой системы социальных норм, установок, ценностей (за исключением некоторых особенностей, зависящих от принадлежности к той или иной неформальной категории осужденных).

Следовательно, в структуру тюремной субкультуры входят элементы криминальной субкультуры. Но вместе с тем необходимо отметить, что они преломляются через призму специфических условий мест лишения свободы. Более того, в местах лишения свободы возникают особые нормы поведения, не «работающие» в условиях свободы (например, некоторые нормы санитарно-гигиенического характера). В жаргоне осужденных появляются новые слова, отражающие атрибутику исправительных учреждений (например, «вертухай», «дорога», «конь», «шконка», «шнырь» и др.), которые также не употребляются среди преступников на свободе.

Изменения в состоянии тюремной субкультуры можно проследить, проанализировав такие ее основные элементы, как преступные традиции, иерархия осужденных, уголовный жаргон, татуировки, клички, невербальные средства общения, клятвы, развлечения и игры, криминальный фольклор («блатные» песни и поэзия). Все элементы субкультуры осужденных взаимосвязаны, взаимодополняют друг друга, способствуют единению криминальной общности, обеспечивают его живучесть.

§ 2. Преступные традиции в пенитенциарных учреждениях

В стенах исправительных учреждений наряду с официальными нормами, определяющими условия отбывания наказания и способы обращения с осужденными, складывается и развивается неформальная нормативно-ценностная система, прямо противоположная той, которая признается обществом.

Специфические отношения в среде лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы, не только порождены, но и регулируются системой ценностных ориентаций, в центре которых находятся преступные традиции, выраженные в виде обычаев и неформальных норм поведения.

В преступном мире различают следующие виды неформальных норм: «закон», «наказ», «правило».

«Закон» – устойчивый свод неформальных норм поведения преступников, своеобразный кодекс («воровской» закон, «тюремный» закон). Например, «во-

ровской» закон, включающий свод норм, принимается и изменяется на воровских «сходках» («съездах»); его нормы распространяются на весь уголовный мир бывшего СССР.

«Наказ» ниже уровнем, чем «закон». Это новое правило, оперативно созданное группой «авторитетов» – «воров в законе» (не менее трех лиц) в результате компромисса между конфликтующими группировками или в качестве ответа на новую акцию властей или правоохранительных органов.

«Правило» относится к нормам «местного самоуправления», оно принимается конкретной группой и регулирует поведение ее членов.

Систему преступных традиций среди осужденных в исправительных учреждениях можно представить следующим образом.

1. Преступные традиции, регулирующие взаимоотношения осужденных с обществом и правоохранительными органами: не трудиться, а жить за счет преступного промысла; не вступать в различные государственные и общественные формирования; не сотрудничать с представителями правоохранительных органов и любую их ошибку использовать в своих интересах (например, в целях расширения своих прав в местах лишения свободы); постоянно распространять позорящие измышления о деятельности правоохранительных органов; клеветать на работников администрации ИУ, причиняющих вред преступному миру, и т.п.

Перечисленные традиции являются самыми устойчивыми в преступной среде – главными законами преступного мира; они в целом определяют систему искаженных ценностных ориентаций осужденных в исправительных учреждениях.

2. Уголовные традиции, предписывающие разделение всех осужденных на неформальные категории (касты) и устанавливающие правила поведения с лицами, не являющимися членами преступного мира, например; поддерживать «правильные» отношения между осужденными; неукоснительно обеспечивать соблюдение всеми осужденными неформальных правил поведения; не допускать притеснений осужденных, не причинивших вреда их сообществу, и т.п.

Данные традиции формировались «авторитетами» криминального сообщества не для искоренения своих пороков; на самом деле они держат в неведении всех остальных осужденных о подлинной сущности «блатных». Это является основой веры и покорности «блатным» со стороны большинства осужденных.

3. Преступные традиции, регулирующие порядок внутренних взаимоотношений в преступной среде.

3.1. Определяющие условия приема, исключения, выхода членов криминального сообщества: вовлекать и воспитывать лиц молодежного возраста на идеалах «арестантского» прошлого¹; не допускать в преступный мир осужден-

¹ Под непосредственным руководством «блатных» в местах лишения свободы молодежь усваивает традиции преступного мира, находит свои идеалы, иллюзии независимости в «том мире». Процесс приобщения молодых людей к группировке довольно сложный и длительный. Он состоит из теоретической подготовки, привития практических навыков и ряда других сложных этапов. Своеобразный «кандидатский стаж», установленный для стремящихся стать «истинным арестантом», - одна из важнейших особенностей криминального сообщества. За этот срок антиобщественный образ жизни становится его привычкой, нормой поведения.

ных, сотрудничавших с работниками пенитенциарных учреждений; любой член преступной среды, нарушивший ее традиции, неотвратимо должен наказываться и т.п.

Эти установления прочными многочисленными нитями связывают преступников между собой в единую группу.

3.2. Устанавливающие отношения членов группировки друг к другу: быть честным, справедливым по отношению к своим товарищам, не лгать в своей среде; помогать осужденным, находящимся в штрафных изоляторах, помещениях камерного типа, одиночных камерах, тюрьмах, больницах (для чего в среде осужденных существует обычай сбора «общака»¹); оказывать друг другу содействие при мщении за ущерб, нанесенный «другими» их уголовному сообществу (тот, кто причиняет зло «блатным», причиняет зло всему преступному миру, потому и возникает у всех обязанность мести); не избегать ответственности путем переложения вины на других соучастников и т.п.

Указанные традиции преступного мира носят групповой, корпоративный характер. В отношении других осужденных «тюремным» законом оправдан любой обман и насилие.

3.3. Закрепляющие положение лица в среде осужденных в исправительных учреждениях: все лица, отбывающие наказание, обязаны подчиняться воле «блатных», никто из осужденных не имеет права предъявлять претензии к ним и т.п.

Приведенные установления, закрепляемые рядом обычаев, сохраняют право «блатных» на привилегии в период нахождения в ИУ.

3.4. Предписывающие правила поведения осужденного при организации досуга. Среди уголовных традиций следует выделить различные формы развлечений (игры: кости, нарды, петли, карты).

Участие в тюремных играх являлось и является для «блатных» не только элементом досуга, но и средством постановки в зависимое положение других осужденных и существования за их счет. Умение играть в тюремные игры – необходимый критерий принадлежности к профессиональной преступной среде.

3.5. Устанавливающие правила поведения при совершении правонарушений. Например, в криминальных сообществах поддерживается принцип поведения, который звучит примерно так: «Старайся поступать таким образом, чтобы администрация не нашла повода вмешиваться в наши дела». Эта традиция обеспечивается рядом обычаев, например: хранить тайны группировок «блатных» доверяется только «проверенным» осужденным; вести систематический контроль друг за другом, не допускать в окружение «неправильных» осужденных (за каждым лицом, прибывающим в исправительное учреждение, следует записка («ксива») от других членов сообщества, подтверждающая личность прибывшего); преследовать тех лиц, которые «предали» преступные замыслы

¹ «Обшак» («воровское благо», «общий котел», «общая касса») - это материальная база сплочения группы, паразитирующей на идеях коллективизма и товарищеской взаимопомощи. Наличие «общака» предполагает всеобщую деятельность по поддержанию его изобилия, установлению норм распределения, отражающих существующую иерархию. Для организации сбора «общака» выделяются надежные лица, для его сохранения – «казначей». Распределение средств «общака» происходит под строгим контролем «блатных». Одна из функций «общака» - оказание материальной помощи (на уголовном жаргоне – «подогрева») осужденным, подвергнутым дисциплинарным взысканиям.

(в пенитенциарных учреждениях разоблаченный свидетель подвергается жестокому насилию) и т.п.

Данные преступные традиции обеспечивают сокрытие, конспирацию противоправного поведения осужденных в исправительных учреждениях и защищенность в целом сообщества осужденных от вмешательства со стороны правоохранительных органов.

3.6. Регулирующие поощрения, санкции в отношении лиц, принадлежащих к криминальной группировке. Так, в среде осужденных существуют поощрения, повышающие статус члена сообщества; санкции моральные (изгнание из группировки); санкции физические.

Поощрения стимулируют определенную линию поведения осужденного, которая обусловлена их субкультурой. Санкции выполняют предупредительную роль в среде осужденных с целью недопущения ими отступления от установлений преступных традиций.

Все перечисленные преступные традиции можно классифицировать по ряду оснований.

По способам регулирования поведения осужденных неформальные нормы можно разделить на:

– запрещающие (запрещают осужденным выдавать тайны своего сообщества; обманывать друг друга и др.);

– обязывающие (обязывают беспрекословно подчиняться «авторитету», проходить «прописку», соблюдать обязанности и привилегии по статусу и др.)

Запрещающую группу преступных традиций чаще всего называют «правилами-заповедями арестанта». Данные установления и запреты базируются на незыблемых общих правилах преступного мира и, кроме того, отражают специфические условия содержания лиц, отбывающих наказание в исправительных учреждениях. Так, десятилетиями сохраняется среди осужденных основной принцип поведения: «Не делай ничего такого, что может вредить нам, так как от этого страдает каждый из нас». Отсюда и вытекает ряд запретов: «не кради у своих», «не подглядывай за другими», «не доноси на других», «не обращай к администрации ИУ за помощью в разрешении конфликтных ситуаций», «не покупай и не бери из столовой еды», «не устраивай разборки в пьяном виде и в больнице для осужденных», «не задавай лишних вопросов и не болтай лишнего». Эти запреты распространяются на всех осужденных и принимаются всеми, независимо от их неформального статуса. Они стабилизируют отношения в среде осужденных, любое отступление от них ведет к серьезным последствиям.

Обязывающая группа уголовных традиций закрепляет: «Всегда сохраняй достоинство осужденного», то есть осужденный должен уметь постоять за себя, например, не становиться гомосексуалистом, но в то же время разрешается «использовать» пассивных гомосексуалистов или тех, кого насильно сделали таковыми. Если об осужденном распространяется слух, что якобы он не уплатил карточный долг, то согласно «закону» тот обязан доказать, что это не так, то есть избить или даже убить обидчика. Такие установления продиктованы ес-

тественным отбором, поскольку физически сильные, волевые люди, как правило, лучше приспособляются к условиям жизни в местах лишения свободы. Их среда и продуцирует, и поддерживает названные нормы.

Наряду с этими неформальными нормами в пенитенциарных учреждениях издавна поддерживаются правила, которые обязывают осужденных соблюдать правила гигиены («следи за своим внешним видом, старайся всегда быть опрятным, аккуратным»), «не поднимай случайно найденных предметов, не подбирай окурки и объедки»); «не причиняй вреда больным и пожилым осужденным».

По направленности действия нормы преступного мира делятся на нормы, регулирующие отношения: с представителями власти (сотрудниками правоохранительных органов, в частности, администрацией исправительного учреждения); с «чужими» (людьми, не связанными с криминальным сообществом); с другими преступными группами в криминальной среде; внутри группы между ее членами.

По функциональному назначению можно выделить неформальные нормы преступной среды, обеспечивающие сплоченность и целостность группы, успешность ее преступной деятельности, материальную и иную взаимопомощь, проведение приема новичков, «разборки» и наказания виновных и др.

Исходя из функционального назначения и диапазона влияния неформальных норм в пенитенциарных учреждениях, на наш взгляд, можно предложить следующую условную классификацию.

1. Сдерживающие нормы – нормы прямого действия, направленные на сохранение неформальной структуры сообщества осужденных и минимизацию исправительного воздействия. Эти нормативные предписания жестко регулируют особенности поведения и систему взаимоотношений осужденных. С их помощью устраняются просоциальные установки и ценностные ориентации у осужденных. В частности, блокируются любые формы сотрудничества с администрацией исправительных учреждений, ограничиваются контакты с органами самоуправления или же утверждается негативное отношение к действующим институтам амнистии, условно-досрочного освобождения, условного освобождения, помилования. Особенно действие указанных запретов распространено среди лидеров, или так называемых «авторитетов», сообщества, например, им строго запрещается участвовать в общественно полезной деятельности. Указанная группа норм включает целый ряд установлений, регламентирующих сферу взаимодействия осужденных, занимающих низшие ступени в «табели о рангах». Таким лицам строго запрещается общаться с высшими слоями преступного сообщества, находиться с ними за одним столом, занимать удобные места в спальных помещениях и комнатах отдыха и т.д.

2. Мотивационные нормы – нормы, нацеленные на развитие солидарности, усиление групповой сплоченности у осужденных, а также формирование оппозиционных отношений к членам других групп. Как правило, они выражаются в вербальных требованиях: «будь честным и справедливым», «помогай членам своей группы», «стойко переноси наказание и оставайся верен своему братству», «отвечай агрессией на агрессию» и др.

Благодаря этим нормативным требованиям стимулируются активные действия осужденных по сбору ресурсов в «общак» сообщества, а также оказывается посильная помощь лицам, находящимся в штрафных изоляторах, помещениях камерного типа. Указанные принципы поведения разделяются и поддерживаются большинством осужденных, хотя и вызывают у определенной категории неординарные чувства, поскольку конечные результаты подобной активности используют «авторитеты».

3. Имущественные нормы. Они ориентированы главным образом на оптимальное регулирование распределения различных материальных ресурсов, поступающих в пенитенциарные учреждения законными и незаконными путями.

Действие этих норм обеспечивает защиту личной и групповой собственности, а также позволяет хотя бы незначительно ослабить материальный пресс страданий, вызванный изоляцией от общества.

Они закреплены в императивных высказываниях: «не воруй у своих братьев», «делись с другими продуктами питания и сигаретами», «отдай долги в строго установленные сроки» и т.д.

Сфера действия указанного блока норм весьма обширна и разделяется практически всеми осужденными независимо от их неформальной групповой принадлежности.

4. Процессуальные нормы. Они призваны согласовывать поведение осужденных при разрешении конфликтных ситуаций, возникающих в их среде. Это типичные варианты реагирования в отношении конкретных субъектов взаимодействия. В одних случаях ими являются материальные или моральные стимулы поступков, в других – скрытые формы агрессии, дискриминационные действия или открытые физические способы принуждения к общеразделяемым групповым моделям поведения.

5. Нормы обрядового или ритуального характера. Благодаря этим нормам определяется процедура вхождения новых членов сообщества¹, устанавливается сценарий так называемых «разборок», или «правил», при решении спорных вопросов, а также жестко поддерживается на должном уровне занимаемый статус «авторитетов» сообщества.

Преступные традиции нередко облекаются в формы обрядов и ритуалов, усиливающих их эмоционально-психологическое воздействие на людей. Эти ритуалы и обряды всегда сопряжены с переломными моментами в жизни человека, они аккумулируют в себе мысли, чувства, вызванные установлением, изменением или прекращением важной для человека определенной общественной связи.

Для представителей уголовной среды в ИУ наиболее характерны ритуалы «клятвы» и «присяги» преступному сообществу, а также обряды – «проверка» вновь прибывшего осужденного в ИУ, его «прописка».

Новенький после поступления в учреждение подвергается со стороны «людей» различным проверкам, если никто из «людей» не знает «новенького» и

¹ «Прописки» - процедура проверки новичков в следственных изоляторах, «коронование» - процедура принятия преступного «авторитета» в «воровское сообщество».

не может его рекомендовать, если рекомендация о нем не поступила из другого учреждения, то “новенький” должен чем-то понравиться “людям” и показать, что он заслуживает имени “человека”. При этом практикуется избиение “новенького”. В тех случаях, если он не донесет об этом администрации, то он достоин доверия.

Указанные преступные традиции в значительной степени мифологизированы. Их соблюдение зависит от конкретной ситуации, возраста, способа адаптации и статуса лиц в конкретной среде осужденных, а также региональных особенностей места лишения свободы и стиля руководства администрации.

Так, «прописка» среди взрослых преступников встречается достаточно редко, в основном эту процедуру проходят в следственных изоляторах, в камерах для несовершеннолетних. Суть «прописки» состоит в том, что ею проверяется «бывалость» вновь прибывшего, его выносливость, находчивость, сообразительность. Но самое главное, «пропиской» проверяется умение новичка постоять за себя.

Основные функции «прописки» заключаются в следующем: изучение новичка; степень его соответствия преступной субкультуре, а также его готовность следовать установлениям преступных традиций; определение неформального положения новичка среди преступников.

С понятием «прописка» неразрывно связано понятие «прикол», так как «прописка» и проводится с использованием приколов. Приколы – разного рода загадки, хитрости, игры и т.д., цель которых уличить новичка в незнании преступных традиций. От того, как новичок ответит на приколы, зависят результат «прописки» и, соответственно, то место, которое он займет в преступной иерархии.

Преступные традиции в форме своеобразных ритуалов и обрядов являются важнейшими средствами формирования неформальных норм поведения осужденных в исправительных учреждениях.

Указанные традиции фиксируются в своеобразном этикете, символическом и психологическом пространстве личности осужденных: татуировках, стиле одежды, художественном оформлении среды обитания.

По степени общности действия норм распространяются на всех осужденных или только на определенную неформальную группу: «блатные», «мужики», «козлы» и «отверженные».

Существует группа преступных традиций, распространяющихся исключительно на «авторитетов» уголовной среды. Конечно, они теснейшим образом связаны с базовыми ценностями преступного мира, а также с отмеченными «правилами-заповедями арестанта». С одной стороны, отдельные из них в местах лишения свободы непосредственно основываются на общих установлениях и нормах, с другой – активно влияют, а иногда и создают эти неформальные правила. Рассматриваемые традиции санкционируются наиболее авторитетными членами преступного мира, их «сходками», или «съездами».

Поэтому не следует путать «воровские» и «тюремные» законы. «Воровской закон» — это свод неписаных правил и норм, обязательный для «воров в

законе». Часть его положений распространяется не только на «воров в законе», но и на всех других осужденных, заключенных под стражу и вообще лиц, относящихся к преступному миру. Эта часть «воровского закона», обязательная для всех остальных, называется «тюремным законом». «Тюремный закон» – правила общежития, выработанные и испытанные на протяжении длительного времени осужденными в местах лишения свободы. Он сформировался на основе «воровского закона». «Воровской закон» – это не закон в полном смысле слова. Это скорее совокупность нравственных принципов, чем-то напоминающих рыцарский кодекс чести.

«Тюремный закон» — это свод норм, правил и запретов, обязательный для всех осужденных, заключенных, независимо от их принадлежности к той или иной группе в неформальной иерархии. «Тюремный закон» регулирует отношения как между отдельными осужденными, заключенными, так и между группами осужденных, заключенных; он определяет механизмы разрешения возникающих конфликтов как между отдельными лицами, так и между группами лиц.

Таким образом, можно сказать, что соблюдение норм «тюремного закона» обязательно как для «воров в законе», так и для всех остальных осужденных, а соблюдение отдельных положений «воровского закона» обязательно только для «воров в законе» и лиц, стремящихся быть коронованными. Многие положения «воровского» и «тюремного» законов совпадают.

Другое дело, что «воровской закон», безусловно, используется в интересах исключительно самих «воров в законе» и преступных «авторитетов», хотя на словах он предназначен для защиты простых осужденных.

Основное назначение неформальных норм заключается в укреплении групповой сплоченности, сохранении специфического набора ценностей, регулировании взаимоотношений осужденных, а также поддержании оппозиционных настроений по отношению к официальным представителям власти. Неформальную нормативную систему в исправительных учреждениях можно определить как относительно устойчивую совокупность определенных принципов, правил и стандартов поведения, которые разделяются и поддерживаются значительным большинством осужденных, детерминируют их активность, определяют степень влияния и положение в социальной структуре сообщества. Являясь важным элементом преступной субкультуры, они, по существу, составляют ее организационно-нормативную базу.

Подобное социально-психологическое образование характерно для любого сообщества осужденных, причем независимо от вида и географии пенитенциарного учреждения. По существу, это неписанный кодекс поведения, зафиксированный в специфическом наборе субкультурных категорий.

Необходимо отметить, что существует непосредственная взаимосвязь неформальных групповых норм и ценностных ориентаций, что усиливает их влияние на мотивационную сферу личности.

В настоящее время нет общепризнанной точки зрения относительно природы возникновения нормативной системы и ее роли в поддержании субкультурных ценностей.

Одни специалисты считают, что она является специфическим продуктом образа жизни, складывающегося в местах лишения свободы, другие полагают, что нормы привносятся туда некоторыми категориями преступников. Скорее всего, формирование нормативной системы происходит в результате встречного процесса, обусловленного взаимодействием внешних и внутренних факторов. Этому способствует стремление отрицательной части осужденных к самоорганизации в целях оказания давления на окружающих и обеспечения психологической защиты от несправедливых посягательств со стороны администрации исправительного учреждения, которые в период отбывания наказания персонажируются в лице конкретных сотрудников – носителей властных полномочий пенитенциарного учреждения.

Наряду с несомненными выгодами, казалось бы, вытекающими из следования неформальным групповым нормам, имеется немало причин, обуславливающих негативное отношение к ним со стороны значительной части осужденных. Главные из них связаны с тем, что повседневная реализация нормативных моделей предполагает безусловную готовность личности подчиняться кому-либо и поступаться чем-то: исполнять поручения «блатных», прислуживать им, сносить незаслуженные обиды, демонстрировать агрессию и т.п.

Чтобы нейтрализовать влияние этих факторов и заставить непокорных лиц неукоснительно выполнять общепринятые стандарты ролевого поведения в сообществе осужденных, имеется комплекс неформальных санкций.

Неформальные санкции – система специальных мер жесткого принуждения осужденного к соблюдению преступных традиций в стенах исправительных учреждений. Преступный мир выработал немало способов и приемов, при помощи которых можно весьма успешно воздействовать на поведение «неправильных» осужденных.

Основными из них в исправительных учреждениях являются:

- публичные акты остракизма (изгнание из «семьи»¹);
- скрытая агрессия (угроза, шантаж);
- избиение;
- совершение насильственного акта мужеложства;
- лишение занимаемого статуса («дать по ушам»);
- ломание рук (ног) – применяется к осужденным, проигравшимся в карты и не отдавшим долг, а также к лицам, безосновательно избившим кого-либо;
- смерть – применяется достаточно редко и только за грубое нарушение «тюремного» закона (например, осужденный является негласным агентом правоохранительных органов, за воровство крупной суммы из «общака»); на убийство провинившегося должно быть разрешение «вора в законе» или коллективное решение местных «авторитетов».

¹ «Семья» - микрогруппа осужденных.

Перечисленные санкции применяются ко всем осужденным независимо от их статуса в неформальном делении на группы.

Следовательно, традиции преступного мира среди осужденных обуславливают отдельные виды общественно опасных деяний, совершаемых в местах лишения свободы, так как их нарушение влечет за собой жестокое и часто неотвратимое для нарушителя наказание.

По статистике, примерно 70% всех преступлений в местах лишения свободы тем или иным образом связаны с соблюдением преступных традиций, культивируемых в среде лиц, отбывающих наказание. Как правило, это расправы с осужденными, не уплатившими или несвоевременно уплатившими картонный долг, сотрудничающими с администрацией пенитенциарных учреждений по наведению порядка, пресечению или раскрытию преступлений, не выполняющими распоряжения «авторитетов» преступного мира.

В качестве неформальных санкций за нарушение преступных традиций выступают: нанесение умышленного вреда здоровью различной степени тяжести, насильственные действия сексуального характера, убийства и иные посягательства.

Совершение перечисленных преступлений сопровождается двумя особенностями. Во-первых, большинство из них совершаются в присутствии других осужденных с целью их запугивания. Во-вторых, преступления совершаются с особой жестокостью и цинизмом, жертве умышленно причиняются страдания и мучения. Подобными действиями лидеры преступного мира стараются не только сохранить сферу влияния преступных традиций, но и расширить ее.

Практически любой осужденный может вольно или невольно стать нарушителем преступных традиций и понести наказание от «своих», а соответственно, стать жертвой преступления.

Выступая в роли эффективного механизма социального контроля, санкции преступной среды обеспечивают единообразие, согласованность совместных действий и поддерживают стабильность групповых структур.

Таким образом, благодаря детальной разработанности нормативной системы, наличию фиксированной границы возможных отклонений от общепринятых моделей поведения, неотвратимости санкций и выраженности негативной палитры эмоциональных переживаний не только достигается строгая заданность неформальным образцам поведения, но и сохраняется устойчивость сообщества осужденных.

Описанные традиции лишь фрагментарно охватывают все их разнообразие. Они были сформированы и сохранены «авторитетами» уголовной среды на протяжении многих десятилетий и не претерпели каких-либо принципиальных изменений.

Вместе с тем длительность существования преступных традиций сама по себе еще не определяет их современное значение: жизнеспособность изучаемых явлений коренится в их дальнейшем развитии последующими поколениями профессиональных преступников в местах лишения свободы в новых условиях. В самом деле, преступная среда, воспринимая одни элементы своего преступ-

ного наследия, в то же время отвергает другие, которые противоречат складывающимся новым отношениям. Так, в группировках «авторитетов» прослеживаются постоянные изменения их установлений, запретов на протяжении всей истории существования сообщества. Например, если по одной из традиций 30-х годов «блатарь» должен был воровать в течение ряда лет, обучаться преступному ремеслу под руководством опытных преступников, то сейчас эти жесткие критерии не выдерживают и отмирают.

Антиобщественная сущность рассматриваемых феноменов проявляется прежде всего в том, что они являются закрепителями и проводниками определенного опыта предшествующих поколений преступников; поддерживают в состоянии стабильности изначальную ориентацию профессиональных преступников на ведение паразитического образа жизни, что, в свою очередь, продуцирует самые разнообразные формы их противоправного поведения; обеспечивают группировки «авторитетов» уголовной среды всем необходимым (единицами, идеалами и нормами) для их образования, консолидации и противостояния с правоохранительными органами; служат средством защиты отмеченных криминогенных формирований от вмешательства со стороны, сокрытия противоправного поведения. Образно говоря, каждое поколение «авторитетов» уголовной среды в местах лишения свободы с необходимостью воспринимает, заимствует ряд устойчивых и прочных антиобщественных установок, искаженных ценностей из прошлого, провозглашает устоявшиеся принципы с целью утвердиться в своей среде и защитить ее.

Рассматриваемые элементы не только стабилизируют данный образ жизни, но и стимулируют его проявление в новых поколениях правонарушителей, вызывая у них потребительские взгляды, соответствующие им мотивы поведения.

Неукоснительное соблюдение преступных традиций предопределяет все поведение «блатных» в исправительных учреждениях. Они не просто нарушают требования режима в местах лишения свободы. «Блатные» являются зачинщиками, «идеологами» отдельных нарушений, активно пропагандируя свой преступный образ жизни. Это принципиально отличает «авторитетов» от других нарушителей режима содержания в местах лишения свободы. Организация групповых неповиновений законным требованиям администрации исправительного учреждения, вовлечение осужденных в азартные игры, сборы «общаков», притеснение и «правилки» над теми, кто оказывал помощи администрации исправительного учреждения, продиктованы «блатным» преступными традициями.

И если другие категории осужденных, отбывающих наказание, лишь подчиняются требованиям преступных традиций, чтобы обеспечить себе безопасное и нормальное существование в своей среде или чтобы заслужить уважение «блатных», то «авторитеты» преклонение перед традициями считают своим долгом. Преступные традиции формируют внутренний мир профессионального преступника, его искаженные взгляды, направляют его в реальной жизни, накладывая запрет на одно и разрешая другое.

Опасность преступных традиций еще и в том, что они, как мы отмечали ранее, постоянно изменяются, приспособляются к ситуации, то есть чрезвычайно жизнеспособны. А следовательно, могут и будут отравлять общество, особенно нестойких его членов, еще не одно десятилетие. Значит, еще велика их угроза и сила там, где они особенно живучи, – в местах лишения свободы.

Причины сохранения исследуемых феноменов детерминированы не только условиями отбывания наказания в местах лишения свободы, образом жизни преступников, мировоззрением, активным противостоянием правоохранительным органам, но и желанием защищать, уберечь их от общества, которое всегда довлеет над преступным миром, борется с ним.

Таким образом, преступные традиции – это исторически сложившиеся, повторяющиеся и сохраняющиеся модели и стереотипы сознания, отношений, поведения и деятельности преступников, основанные на их совокупном криминальном опыте, практике и субкультуре, передаваемые последующим поколениям преступников. Возникнув на почве преступности, они являются ее вечными спутниками.

Сегодня противоправная и антиобщественная деятельность «авторитетов» современного преступного мира стала более конспиративной и гибкой, но в содержании ее сущность и виды не изменились. Современные преступные традиции стали менее категоричными, допускают более «свободное» поведение лиц, которые придерживаются их.

Преступные традиции среди осужденных в исправительных учреждениях являются устойчивыми и прочными социальными регуляторами поведения осужденных и охраняются не только силой мнения, как в других социумах, но и неформальными санкциями, в связи с чем обуславливают отдельные виды общественно опасных деяний, совершаемых в местах лишения свободы.

§ 3. Иерархия осужденных в местах лишения свободы

Под иерархией принято понимать форму построения сложных социальных систем на основе подчинения, когда «нижние» уровни контролируются «верхними».¹ Наверное, ни в одном обществе не существует столь четко выраженной иерархической структуры, как в преступном мире. Особенно отчетливо и рельефно это просматривается не на свободе, а в условиях изоляции от общества – в исправительных учреждениях и следственных изоляторах. Исследование контингента осужденных позволило выявить весьма интересный и сложный процесс их деления на несколько больших групп, различающихся по ряду признаков иерархического характера. Данный феномен отражает характерные черты преступных традиций, дает общее представление об их сущности, о содержании и основных проявлениях.

Осужденных, как и всех людей, можно делить по различным критериям: по национальности, религиозным взглядам, интересам и т.д. К осужденным

¹ Краткий словарь по социологии / под общ. ред. Д.М. Гвишиани, Н.И. Лапина; сост. Э.М. Коржева, Н.Ф. Наумова. М.: Политиздат, 1988. С.82.

применяют еще и специфические деления, которые, в свою очередь, подразделяют на официальные и неофициальные (неформальные).

Официальное деление исходит от сотрудников, в частности, пенитенциарных учреждений. Данное деление мы называем формальным, потому что это всего лишь взгляд сверху на сообщество осужденных. В нем не раскрывается истинное положение дел в исправительных учреждениях. Согласно этой классификации осужденные разбиваются на следующие три группы: осужденные положительной направленности, нейтральные и отрицательно характеризующиеся.

Наибольший интерес представляет второе деление, созданное самими осужденными. Это четкое и стройное деление как нельзя лучше отражает действительное положение дел: демонстрирует внутреннюю, неофициальную структуру сообщества осужденных – вторую «теневую» жизнь в исправительных учреждениях. Практика показывает, что даже сами сотрудники исправительных учреждений и вообще правоохранительных органов в своей деятельности пользуются «дефинициями» этого неформального деления.

Исследователи в области педологии и криминологии также изучают, оценивают и характеризуют осужденных именно с помощью данного деления, так как это деление оказывается более функциональным.

Неформальное деление осужденных основано на реальных отношениях между ними, которые строятся на традициях преступного мира, накопленных преступниками в течение продолжительного времени. Такое деление существует в исправительных учреждениях с момента их создания и является социально закономерным процессом. Среда осужденных, как и любая замкнутая общность людей, рано или поздно порождает «блатных», «отверженных» и лиц, нейтрально относящихся к тем и другим.

Последняя группа составляет основную массу осужденных (более 75%), тогда как категория «блатных» не добывает и 10%. Объясняется это просто: привилегии в среде осужденных образуются за счет эксплуатации их основной массы.

На любой «зоне» существует несколько каст, то есть групп осужденных разного «достоинства». Каста – социально-психологический срез микросреды осужденных, имеющих одинаковый неформальный статус. Неофициальное деление осужденных издавна происходит «по мастям», которые отличаются друг от друга по уровню привилегированности и степени участия во «второй жизни» исправительного учреждения. Так, В.И. Поздняков и А.В. Усс различают касты осужденных по объему неформальной власти, характеру отношений с другими осужденными, образу жизни в исправительном учреждении¹.

На наш взгляд, указанные критерии неформального деления осужденных на касты не являются первичными или главными, так как они производны от

¹ Поздняков В.И., Усс А.В. Особенности неофициальных взаимоотношений в среде осужденных и конфликты между ними // Социальные проблемы исправления и перевоспитания осужденных: сборник научных трудов. М.: ВНИИ МВД СССР, 1984. С.42.

степени идентификации и самоидентификации осужденных с преступным миром, то есть определяются их отношением к преступным традициям.

В «зоне» нельзя без «масти», то есть у каждого здесь находящегося есть свой «цвет». Что же такое «масть»? Это та или иная группа, категория, сообщество в неформальной иерархии осужденных и заключенных под стражу. Разные авторы в своих исследованиях предлагают различное стратификационное¹ деление осужденных по месту (рангу), занимаемому ими в неформальной иерархической системе²: двух-, трех-, четырех- и даже шестиступенчатое. Например, В.В. Зайцев и Н.М. Якушин предложили свою классификацию осужденных на пять категорий в зависимости от привилегированности занимаемого каждым лицом положения: особо привилегированные, не особо привилегированные, привилегированные, непривилегированные и особо непривилегированные³.

На наш взгляд, более правильным будет неофициальное деление осужденных на четыре основные категории, внутри каждой из которых находятся промежуточные подкатегории. Первая – высшая каста, «блатные» («черные») – осужденные, идентифицирующие себя с преступным миром; вторая, самая многочисленная – «мужики» («серые»), нейтрально относящиеся к преступному миру; третья, более или менее большая (в зависимости от «зоны») – «козлы» («красные»), отрицательно относящиеся к преступному миру, и четвертая, низшая – «отверженные» («голубые») – осужденные, отвергнутые самим преступным миром (таблица 1).

«Блатные». «Блатные» – это представители верхней ступени иерархической лестницы преступного сообщества (синонимы – «бродяги», «арестанты», «правильные», «босяки», «путевые», «козырные фраера» и т.д.). «Блатные» – профессиональные преступники, характеризующиеся устойчивыми антиобщественными взглядами, искаженными нормативно-ценностными ориентациями, для которых нахождение в местах лишения свободы – обязательные этапы их профессиональной карьеры, так как они избрали для себя преступный образ жизни. Данная каста осужденных и является хранителями и носителями традиций преступного мира. Они наиболее адаптированы к специфическим условиям социальной изоляции и обладают опытом принудительной совместной жизни в таких условиях, поэтому и обладают привилегиями среди осужденных. В исправительных учреждениях «блатные», как правило, поселяются в дальнем, наиболее темном и теплом углу помещения, у них персональная полированная тумбочка, «шестерки» носят им еду из столовой.

Исследования показывают, что лица, имеющие указанные звания, занимают «высокое положение» автоматически, по ранее приобретенному статусу, не-

¹ Стратификация – понятие, обозначающее основные социальные различия и неравенства в современном обществе. (см.: Краткий словарь по социологии / под общ. ред. Д.М. Гвишиани, Н.И. Лапина; сост. Э.М. Коржева, Н.Ф. Наумова. С.391).

² См., напр.: Александров Ю.К. Очерки криминальной субкультуры. М., 2001. С.19; Анисимков В.М. Криминальная субкультура. Уфа, 1998. С.33, 51-67; Гуров А.И. Профессиональная преступность: прошлое и современность. М., 1990. С.173-182; Малинин В.Б. Новая наука – пенитенциарная социология // Юридическая мысль. 2001. № 1. С.74-79.

³ Подробнее см.: Якушин Н.М., Зайцев В.В. Организация и тактика борьбы с преступными группировками в местах лишения свободы. М., 1995.

зависимо от того, где они отбывали наказание. Свой высокий статус они сохраняют также и на свободе.

Структурно каста «блатных» состоит из трех уровней. На высшем уровне находится лидер. Лидерами среди них являются «воры в законе», избранные на сходке. Как самостоятельный социально-криминологический феномен «воры в законе», безусловно, заслуживают отдельного рассмотрения, что будет сделано нами в следующем параграфе. Пока же мы определим их как относительно самостоятельную и самодостаточную совокупность наиболее авторитетных профессиональных преступников, которые играют важную роль в преступном мире, в том числе и в исправительных учреждениях. Высокий статус подобных индивидов признается всеми осужденными безоговорочно. Лидера в касте «блатных» называют «паханом», или «авторитетом». В последнее время получил значительное распространение «институт» «смотрящих» или «положенцев». Нередко при отсутствии в исправительном учреждении «вора в законе» из числа «блатных» назначаются «положенцы», или «смотрящие». Они призваны осуществлять общий контроль за «зоной», разрешать возникающие конфликты, то есть выполняют функции лидера. Фактически «смотрящие» исполняют функции «воров в законе», но с рядом изъятий. «Смотрящие» назначаются даже в том случае, если в исправительном учреждении или в следственном изоляторе находится «вор в законе», которому они, безусловно, подчиняются. «Смотрящие» имеются в каждом исправительном учреждении.

На втором уровне утверждаются лица из числа непосредственного окружения «авторитета» или «пахана». При «авторитете» или «пахане» создается что-то вроде политбюро, в состав которого входят несколько «блатных», каждый из которых несет «ответственность» за отдельные объекты или участки в ИУ (цеха, отряды, столовая и т.д.). Например, один присматривает за ШИЗО, другой – за ПКТ, третий – за «мужиками» и т.д. Они обладают, в общем, примерно такими же качествами, как и лидер, но их статус не утверждается решениями «воровских сходок». Каждый из них поддерживает деятельность «авторитета» по руководству сообществом осужденных. Они не имеют права выдвигать, утверждать или свергать «авторитета»: всякое отступление от этого правила влечет за собой серьезные последствия для нарушителей, вплоть до их физического устранения. Таким образом, лидерство «авторитета» предполагает единоличное направляющее воздействие и управление, которое основывается на угрозе применения силы.

«Блатные» обязаны чтить и соблюдать «тюремный закон». Лица из их числа, претендующие на звание «вора в законе», должны знать и «воровской закон». «Блатной» не должен иметь в своей биографии «черных» пятен, он обязан следовать «правильным понятиям». По возможности «блатной» не должен в «зоне» работать. «Блатные» обязаны следить за тем, чтобы в зону постоянно поступал «грев» – чай, продукты питания, сигареты, спиртное, наркотики и другие запрещенные предметы.

В настоящее время касту «блатных» условно можно разделить на две самостоятельные группы: приближенных к «ворам в законе», из которых впо-

следствии и рекрутируются члены «воровского ордена», и относительно независимых преступников, имеющих много денег, которые в силу этого могут себе позволить вести довольно независимый образ жизни, имея мощную охрану и прикрытие. С этой категорией вынуждены считаться даже «воры в законе».

Таблица 1

Иерархия осужденных в исправительных учреждениях

Наименование неформальных каст	Структура и состав касты	Отношение к преступному миру, его традициям и обычаям	Отношение к ценностям общества
«Блатные» («черные»)	<p>Лидер:</p> <ul style="list-style-type: none"> - «вор в законе»; - «смотрящий», или «положенец» <p>Окружение лидера:</p> <ul style="list-style-type: none"> - «авторитеты»; - «бродяги»; - «правильные»; - «козырные фраера»; - «свояки»; - «путевые»; <p>«пацаны» («хорошие парни», «огни»);</p> <p>«Пристяжь»:</p> <ul style="list-style-type: none"> - «быки» («солдаты» и «торпеды»); - «громоотводы»; - «шестерки» 	Идентифицируют себя с преступным миром, сохраняют и активно распространяют преступные традиции	Отрицают общепринятые моральные ценности общества
«Мужики» («серые»)	<ul style="list-style-type: none"> - «центровые» («козырные») мужики; - собственно «мужики» («работяги», «бесы», «овцы») 	Нейтрально относятся к преступному миру, соблюдают требования преступных традиций в местах лишения свободы	Поддерживают семейные и иные социальные связи, признают моральные ценности общества
«Козлы» («красные»)	<ul style="list-style-type: none"> - члены самодетельных организаций осужденных; - осужденные, поставленные на определенные должности администрацией ИУ с их согласия («бугры», «шныри») 	Отрицательно относятся к преступному миру, игнорируют преступные традиции	Поддерживают семейные и иные социальные связи, признают моральные ценности общества
«Отверженные» («голубые»)	<p>«Обиженные»:</p> <ul style="list-style-type: none"> - «недырявые» - «чушки»; - «доходяги» <p>«Опущенные»:</p> <ul style="list-style-type: none"> - «дырявые»; - «петухи» 	Отвергнутые самим преступным миром; нарушили требования преступных традиций	Отрицают существование позитивных ценностей в обществе

«Блатные» должны вести себя как «воры в законе», но в отличие от них им запрещено: созывать «воровские сходки»; организовывать и распоряжаться «общаком»; участвовать в «воровских сходках» с правом решающего голоса; будучи «положенцами» («смотрящими»), они не могут принимать решений, относящихся к компетенции «вора в законе» (например, решение об убийстве кого-нибудь); осуществлять функции арбитра (кроме «положенцев», или «смотрящих»), которые могут и должны осуществлять эти функции в том исправительном учреждении, регионе, где они «назначены» на эту «должность»).

В некоторых зонах «блатные» – реальная власть, которая противостоит власти официальной, то есть администрации исправительного учреждения. Зоны, где «блатные» имеют реальную власть, называются «черными» зонами, зоны, где они власти не имеют, – «красными».

Власть «блатных» может быть выражена и неярко. Внешне зона может казаться благополучной, соблюдается распорядок дня, выполняются плановые производственные задания, отсутствуют грубые нарушения режима содержания. Но это только внешне, а на самом деле власть в зоне принадлежит «блатным». Зачастую это выгодно администрации, и она сама сознательно идет на такой шаг. Хотим мы или не хотим, но признавать «тюремный» закон реальной силой приходится¹.

Третий низший уровень данной касты составляют члены различных преступных группировок («приблатненные», «пацаны», «огни» и т.д.), а также отдельные национальные и земляческие неформальные образования с отрицательной направленностью. Эта группа осужденных является границей между «блатными» и «мужиками», они еще не заслужили права находиться среди «авторитетов», но они к этому стремятся. Они признают высокое неформальное положение «блатных», постоянно поддерживают с ними контакты, соблюдают в силу убеждений неформальные правила поведения, принятые в своей среде, а также традиции преступного мира.

Если в воспитательных колониях статус «пацанов» приближен к статусу «мужиков» в исправительных колониях, то «пацан» на взрослой колонии – это не совсем то же, что «мужик». «Пацаны» – это осужденные молодежного возраста, которые в исправительных колониях относятся к категории приближенных к «блатным». Наиболее преданных и авторитетных «пацанов» «воры в законе» берут под свое крыло. «Пацана» могут признать «положенцем», то есть потенциальным кандидатом на звание «вора в законе». Они следуют требованиям «воровского» закона. Для этих «пацанов» характерны следующие особенности поведения: стремление иметь запрещенные предметы; демонстративно независимое поведение; грубость по отношению к администрации; одобрение и выполнение «тюремного закона»; ярко выраженное презрительное отношение к осужденным, которые сотрудничают с администрацией; в случае ущемления их прав со стороны других осужденных обращение с жалобами не к

¹ Одним из «авторитетов» был широко известный в определенных кругах «вор в законе» Анкудинов по кличке Хозяйка, в настоящее время отбывший в мир иной. В начале 80-х годов он был фактически руководителем одной из зон: давал советы, вершил «суд», назначал бригадиров. К нему за помощью обращались не только осужденные, но и начальник колонии.

администрации пенитенциарного учреждения, а к «ворам в законе» или другим «авторитетам»; уклонение от работ по благоустройству; стремление нарушать форму одежды (ношение одежды ярких тонов или, наоборот, исключительно черного цвета), оставаясь при этом очень аккуратными.

Касту «блатных» замыкают осужденные, непосредственно исполняющие противоправные решения «блатных». Образуют ее в основном осужденные, находящиеся в материальной или иной зависимости от «авторитетов». Осужденные их именуют «быками» и «шестерками». «Быки», в свою очередь, подразделяются на «солдат» и «торпед». «Солдаты» – непосредственные исполнители «тюремных» наказаний: их призвание – избить, изнасиловать или убить неугодного осужденного. Самыми опасными среди «быков» являются «торпеды», так как это смертники, которые выполняют задание «авторитетов» любой ценой, даже погибая при этом. В «торпеды» можно попасть, проиграв свою жизнь в карточной игре. Есть еще и «громоотводы» – лица, берущие на себя преступления «блатных». В качестве «громоотводов» могут выступать «шестерки» или «торпеды», в исключительных случаях «солдаты» и «пацаны». «Шестерки» выполняют роль слуг: проводят влажную уборку возле кровати «авторитетов», обстирывают их, достают сигареты и спиртное, передают записки и т.д. Они все составляют прислугу «авторитетов». Такие осужденные не принимают практического участия в решении вопросов жизнедеятельности преступников. Состав этой группы неустойчив, поскольку «авторитеты», используя их, отказываются от них.

«Мужики». Наиболее многочисленной категорией в исправительных учреждениях являются «мужики» («бесы», «овцы» и т.д.). «Мужики» занимают довольно обособленное положение по отношению к другим категориям осужденных. Отличие «мужиков» от «блатных» состоит в том, что они могут и должны работать на обычной работе – не бригадирами или мастерами, а простыми работягами. Например, назначение «мужика» на должность завхоза автоматически переводит его в категорию «козлов». «Мужики» от «козлов» отличаются тем, что они не сотрудничают с администрацией. Среди «мужиков» существует небольшая прослойка «центровых», или «kozyрных мужиков», которые общаются с «блатными» и находятся в более привилегированном положении, чем другие «мужики». По сути, «мужики» ни на какую власть в зоне не претендуют, в различные разборки и дела «блатных» не вмешиваются, никому не прислуживают. Их принцип – жить тихо и быстрее освободиться. «Мужики» – случайные люди в преступном мире. Большинство из них после отбытия срока собираются вернуться к нормальной жизни. Основная часть «мужиков» осуждает установленный «авторитетами» порядок, а также их поведение, но открыто не высказывается об этом. Тем не менее «мужики», как правило, придерживаются «правильных понятий», то есть они не идут на открытое сотрудничество с администрацией и характеризуются пассивным отношением к воспитательным мероприятиям. Для них нахождение в исправительном учреждении – явление временное, поэтому они вынуждены приспосабливаться к тюремному образу жизни.

Основу благосостояния любого исправительного учреждения создает осужденный – работяга, труженик, способный и умеющий работать, «мужик». За влияние на «мужика» администрация борется с «блатными». Ставка в этой борьбе велика: или колония будет «красной», хорошо работающей, наводящей ужас на «блатных», или власть будет у заправил преступного мира.

«Блатные» имеют привилегии на зоне за счет «мужиков», так как они являются основным объектом эксплуатации с их стороны. Поэтому некоторые осужденные из числа «мужиков» не выдерживают постоянного психического напряжения. По этой причине они совершают преступления, частично или полностью деградируют, оказываются даже не способными следить за собой. Становятся «чушками», «парашниками», «доходягами» и переходят в касту «отверженных».

«Козлы». Третью касту образуют осужденные, открыто сотрудничающие с администрацией пенитенциарных учреждений. Это те, кто согласился работать на должности завхоза, заведующего клубом, библиотекаря, коменданта зоны или вступил в самодеятельные организации осужденных к лишению свободы (например, в совет коллектива колонии или отряда). Осужденные называют их «козлами», «красноповязочниками», а администрация исправительных учреждений – «активом». Отношение к ним со стороны других осужденных отрицательное, так как в каждой зоне существует противостояние между осужденными и администрацией. В «актив» попадают разными путями: кто по доброй воле, кого-то уговорят, кого-то запугают. Могут просто выдать телогрейку с пришитой красной повязкой, –отличительным знаком «актива». Осужденный, надевший такую телогрейку, считается «козлом». Того, кто повязку сорвет, посадят в карцер или в штрафной изолятор, а по выходе из него выдадут ту же телогрейку. Так может продолжаться много месяцев подряд. С «козлами» можно здороваться, разговаривать, прикасаться к ним, но в «общак» их не пускают.

Первоначально активы, в которые входила основная масса «мужиков», создавались в исправительных колониях с целью препятствовать деятельности носителей «тюремных» законов. Но не только «работяги» входили в актив, были среди них «приспособленцы» (те, кто не хотел трудиться на основном производстве, должники, бывшие злостные нарушители режима). Кроме того, если кто-то из осужденных желал досрочно освободиться, он должен был обязательно вступать в актив (этот негласный принцип и сегодня не изжил себя в деятельности ИУ). Соответственно, не исправление являлось целью таких «активистов», а администрация ИУ не всегда это своевременно замечала. Таким «активистам» поручался надзор за другими осужденными, их привлекали к участию в обысках и в проведении других режимных мероприятий. А они, злоупотребляя доверием администрации ИУ, избивали «мужиков», «отверженных» за невыполнение нормы, опоздания в строй, несоблюдение формы одежды.

К активу примыкает также группа осужденных, которых называют «шнырями», – дневальные в отрядах, уборщики в штабах, столовых, санчастях и в других служебных помещениях. Это тоже малоуважаемая публика, что-то вроде «козлов» последнего разбора.

«Отверженные». Самую низшую касту в неформальной иерархии осужденных занимают «отверженные» – изгои зоны, постоянно унижаемые и нещадно эксплуатируемые (данное положение в большинстве случаев закрепляется насильственно наносимой позорящей татуировкой). Это каста неприкасаемых, среди которых основная часть – пассивные гомосексуалисты, которых используют для гомосексуальных отношений. В состав этой же касты в исправительных учреждениях входит и другая группа осужденных – «чушки» («парашники») – неряшливые, а потому презираемые окружающими осужденные. По внешнему виду это бомжи, только на зоне. «Чушки» в качестве пассивных гомосексуалистов не используются – они просто неприкасаемые. Этим их положение отличается от положения «петухов», и поэтому «чушки» по тюремному рангу как бы выше «петухов». В соответствии с этим каста «отверженных» делится еще на две подкасты: «опущенных» («петухов», «дырявых») и «обиженных» («чушек», «недырявых»). Между тем границы этого деления четко не просматриваются, из-за чего возникают определенные вопросы и трудности при отнесении конкретного осужденного к той или иной подкатегории касты «отверженных».

В местах лишения свободы существует немало осужденных, совершающих акты мужеложства в пассивной форме, скрытно, как правило, с одним, реже с двумя партнерами. Они не входят в категорию «отверженных», поскольку их в этом публично не обвинили. Однако такие лица, боясь быть раскрытыми, находятся в полной зависимости от своих партнеров, пользующихся определенным авторитетом среди осужденных. Последние, угрожая разглашением порочащих сведений, шантажом, заставляют их выполнять свои прихоти.

Обращаются с «отверженными» очень жестоко. Наибольшее унижение «отверженные» испытывают в воспитательных колониях и в исправительных колониях общего режима. Чем мягче режим, тем отверженных больше. На некоторых зонах их целые бараки. Это обусловлено тем, что народ там собирается, как правило, молодой, резкий, бескомпромиссный. На строгом же режиме, а тем более на особом «отверженным» отбывать наказание гораздо легче. Там они не подвергаются таким унижениям, как в воспитательных колониях и на общем режиме, живут, в принципе, своей жизнью, никуда не лезут. Объясняется это, конечно, возрастом: на строгом и особом режимах отбывают наказание осужденные постарше, поопытнее, поспокойнее.

Поведение для членов иерархических групп регулируется установившимися нормами, которые носят запрещающий и разрешающий характер. Каждая каста осужденных обладает автономией по отношению к другой, контакты и связи с более низкой не поощряются, а с контингентом «отверженных» запрещаются.

По неформальным законам тюрьмы у «отверженных» отдельные спальные места в специально отгороженных местах – «обезьянниках». У них свой стол в столовой, свои места в кинозале, своя отдельная посуда, отдельная работа – мести плац, мыть туалеты, выносить парашу, обслуживать помойные ямы. В следственных изоляторах и тюрьмах они размещаются в отдельных камерах,

если таких камер нет, то спят под нарами или у параши. В бане они моются отдельно от других осужденных и в последнюю очередь. Брать у них ничего нельзя. Можно что-то бросить, так, чтобы случайно к ним не прикоснуться. Допускается также использование их для передачи чего-нибудь в штрафной изолятор (ШИЗО), когда между ШИЗО и жилой зоной лежит запретная полоса. Считается, что в этом случае вещи, прошедшие через руки «отверженных», не оскверняются. Такое исключение объясняется тем, что «отверженных» посылают разравнивать запретную полосу, а другие осужденные туда доступа не имеют. В то же время сексуальный контакт с «опущенными» не запрещается. Среди «опущенных» особое положение занимают личные любовники «блатных», так как их не бьют и освобождают от работы, а иногда даже могут поощрить чем-нибудь за их «работу».

Таким образом, с представителями «отверженных» запрещен любой двусторонний телесный контакт; не рекомендуется даже просто разговаривать без дела. В то же время гомосексуальный акт с представителями этой группы к запрещающим контактам не относится.

Статус «отверженного» вечен и определяет всю дальнейшую жизнь подвергнутого такому наказанию. Когда «отверженный» попадает в зону, где его никто не знает, он обязан сообщить о своем статусе. Скрывать это бесполезно, потому что рано или поздно его прошлое станет известным, и тогда его жестоко накажут, могут даже убить. Дело в том, что все, кто общался с ним, как с равным, попадают в разряд «отверженных». Даже в том случае, если «опускание» произошло в результате «беспредела» и во время «правил» признано, что «опускание» совершено в нарушение «тюремных законов», подвергнутый этому наказанию не может возвратиться к своему предшествовавшему наказанию положению. Но лица, допустившие «беспредел», могут быть сами подвергнуты подобному наказанию. Так, осужденные, которые обманом или с помощью уловок «опускали» невинного, и «пахан» камеры, в которой все это происходило, являются кандидатами в «опущенные».

Неформальная стратификация осужденных чрезвычайно консервативна, поэтому повышение статуса, то есть переход из одной масти в другую, чрезвычайно редок и затруднен, а для таких категорий, как «отверженные» и «козлы», вообще невозможен. В то же время необходимо отметить, что понижение статуса в иерархической лестнице — явление для криминального сообщества, в общем-то, довольно обычное. Понижение происходит в основном из-за нарушения тем или иным осужденным каких-то норм и правил «воровского» или «тюремного» закона, а то и «по беспределу».

Наиболее распространенным наказанием является понижение в системе криминальной иерархии («дать по ушам»), то есть перевод из категории «блатных» в категорию «мужиков» и т.д. Довольно часто понижение происходит путем совершения акта насильственного мужеложства. Если переведенный из категории «блатных» в категорию «мужиков» с течением времени еще и может вновь занять более высокую ступень, что случается, хотя и редко, то из категории «отверженных» подняться уже невозможно.

Существование «мастей» у осужденных приходится учитывать и администрации исправительных учреждений и следственных изоляторов, хотя, согласно статье 8 Уголовно-исполнительного кодекса РФ, все осужденные равны перед законом и, соответственно, между собой. В то же время невозможно посадить «блатного» или «мужика» в камеру, где сидят «отверженные». А если администрация и пойдет на это, то в итоге либо «блатного» «опустят», либо он нанесет кому-то телесные повреждения, либо ему нанесут. Поэтому практически камеру, где ему сидеть, определяет сам осужденный (кроме случаев, когда администрация делает это намеренно с целью сломить неуютное ей лицо, а также случаев «беспредела блатных», когда человека «опускают» просто так, ради развлечения).

В некоторых колониях в свое время администрация пыталась сломать кастовую систему деления осужденных. Так, всех «блатных», «мужиков» и «козлов» силой пытались усадить в столовой за один стол с «отверженными». Ничего хорошего, разумеется, не вышло. В лучшем случае все это кончалось массовым отказом от приема пищи, а в худшем — начиналась серия массовых неповиновений и других групповых нарушений режима содержания.

Также проводился эксперимент, когда всех «отверженных» собирали в отдельные отряды и бригады с целью оградить их от издевательств, унижений и иных притязаний со стороны других осужденных. Но этот эксперимент тоже не дал положительных результатов. Люди, прошедшие сквозь унижения, через некоторое время стали выделять в своей среде бугров, мужиков и опущенных. Таким образом, в таких отрядах быстро устанавливалась своя, еще более жесткая, стратификация.

Перевод в касту «отверженных» производится в большинстве случаев за грубейшие, с точки зрения преступного сообщества, нарушения «тюремного» закона:

- 1) сотрудничество с администрацией, особенно негласное;
- 2) «крысятничество», т.е. воровство у своих же;
- 3) «беспредел» по отношению к другим осужденным;
- 4) неотдача карточного долга;
- 5) совершение с точки зрения правильных понятий «непристойных» преступлений: мужеложство, изнасилование или убийство детей, развратные действия по отношению к малолетним и т.д.

«Опускание» может быть и добровольным. Если осужденный сам чувствует, что он совершил нечто несовместимое с «тюремным законом», он может, не ожидая неминуемых санкций, добровольно перейти в касту «отверженных», т.е. перенести свои вещи в ту часть помещения, где располагается данная «масть». В этом случае обычно никаких унижающих санкций в виде акта мужеложства или проведения по губам половым членом («парафин») не производится. Достаточно того факта, что человек сам признал свое новое положение.

Необходимо отметить, что такой вид наказания, как «опускание», не приветствуется самой «элитой» преступного мира. Так, «воры в законе» и другие «авторитеты» в своих посланиях в зоны постоянно указывают на то, что необ-

ходимо если и не прекратить вовсе, то, во всяком случае применять такой вид наказания, как «опускание», гораздо реже. Рекомендуют применять ее только за наиболее грубые нарушения «тюремного» закона, так как при применении этого вида наказания невольно происходит отторжение человека от преступного сообщества и подталкивание его к сотрудничеству с администрацией пенитенциарных учреждений. Тем не менее обряд «опускания» нередок.

В последние годы в преступной среде появилась еще одна каста — «молдняк». В преступной среде их называют «беспредельщиками», «спортсменами», «отмороженными» или «отморозками». Это лица молодежного возраста, атлетического телосложения, которые характеризуются практически полным игнорированием «воровского» и «тюремного» законов. Они гораздо более жестоки, циничны и безжалостны, чем даже «воры в законе». Для них закон — сила и насилие.

Кроме выше рассмотренных каст осужденных, в исправительных учреждениях всегда существовали и продолжают возникать и сейчас различные «семьи»¹.

Осужденные объединяются в «семьи» по следующим основаниям:

- общим интересам (как правило, с единственным, чаще всего не осознаваемым, желанием выжить);
- имеющие «грехи» перед другими осужденными (должники);
- пассивные гомосексуалисты и умственно отсталые;
- по национальному признаку;
- по признаку землячества;
- ранее отбывавшие наказание в одном исправительном учреждении.

«Семейники» несут ответственность за поступки каждого члена своей «семьи»: «семья» и штраф за своего «семейника» заплатить должна, чтобы того не «опустили» или не убили, и наказать его как следует, если он будет признан на разборке нарушителем.

Есть еще такое понятие — «кентовка», синоним слова «семья». Но если в «семью» приходят самые разные люди — как правило, только из-за личных симпатий или из соображений выгоды совместной жизни, то «кентовка» состоит, в основном, из земляков.

Преступные традиции в местах лишения свободы в сочетании с общечеловеческой потребностью в общении, необходимостью ведения борьбы за лучшие места существования в процессе отбывания наказания, а также со стремлением оградить себя от внешних посягательств выступают основными факторами объединения осужденных в различные малые группы.

Образование и функционирование в местах лишения свободы малых групп осужденных следует считать явлением объективным, обусловленным социально-психологической природой человека, его потребностью в общении с другими людьми, в условиях образовавшегося «вакуума».

¹ Так называются в преступном мире осужденные, которые постоянно общаются, т.е. друзья, близкие, земляки и т.п. Осужденные обычно живут «семьями», объединяются по три-четыре человека, у которых общая пайка. Небольшим коллективом в условиях исправительного учреждения выжить легче. Деньги, сигареты, питание делятся на всех поровну. На зоне «семья» — группа осужденных, ведущих общее хозяйство, у них свой небольшой «общак». «Семейники» заботятся друг о друге, защищают своих членов.

Поэтому, испытывая одиночество, осужденный с первых дней пребывания в местах лишения свободы начинает подыскивать себе друзей.

Малые группы осужденных принято подразделять на следующие виды:

- положительной;
- нейтральной (неопределенной);
- отрицательной направленности.

Группы положительной направленности – неформальные объединения осужденных, цели которых способствуют решению задач, стоящих перед исправительным учреждением. Количество данных групп крайне малочисленно.

Цели деятельности группы осужденных нейтральной направленности не противоречит требованиям режима, главный мотив их объединения – максимально приспособиться к условиям жизни в период лишения свободы. В то же время члены данных групп характеризуются пассивным отношением к воспитательным мероприятиям, проводимым представителями администрации.

Группы отрицательной направленности – неформальные объединения осужденных, деятельность которых противоположна деятельности администрации. Осужденные, входящие в эту группу, являются нарушителями режима отбывания наказания. Мотивом объединения в такие группы служит обеспечение лучших по сравнению с другими осужденными условий отбывания наказания их членам путем совершения правонарушений, которые могут быть выражены как в активных действиях, так и в бездействии.

Большинство практических работников не согласны с данной классификацией и предлагают свою систему разделения малых групп осужденных, реально существующих в местах лишения свободы:

- нейтральные малые группы;
- группы отрицательной направленности;
- преступные группы.

Нейтральные малые группы не отличаются высоким уровнем организации и занимают позицию невмешательства в официальную и неофициальную жизнь исправительного учреждения, как правило, не проявляют себя ни с позитивной, ни с негативной стороны. Такие группы в подавляющем большинстве образуются внутри категорий «мужиков» и «отверженных».

Группы отрицательной направленности отличаются более высоким уровнем организации, обычно имеют четко выраженного лидера с ближайшим окружением. Деятельность таких групп чаще всего проявляется в совершении различных нарушений режима содержания. Группировки данного вида могут возникать внутри всех неформальных категорий осужденных, в связи с чем занимают наибольший удельный вес среди всех объединений осужденных в местах лишения свободы.

Преступные группы осужденных характеризуются исключительно высоким уровнем организации, жесткой дисциплиной и конспирацией, устойчивостью и стабильностью состава, четкой криминальной направленностью действий их участников. Нередко они формируются на основе групп отрицательной направленности, однако могут создаваться как собственно преступные группы.

§ 4. Особенности уголовного жаргона

Одним из важнейших средств скрытого общения преступников между собой, в том числе и осужденных в исправительных учреждениях, является уголовный жаргон (блатной язык, «байковый язык», «блатная музыка» или «феня»). Уголовный жаргон – закономерное явление, которое отражает специфику преступной среды и показывает степень его организованности и профессионализации. «Блатная музыка» предназначается для передачи «профессиональной» информации в преступной среде, обслуживает деловые потребности преступников и зашифровывает себя от постороннего понимания. Этому языку преступники учатся во время контактов друг с другом.

Наличие уголовного жаргона не является чем-то особенным, так как профессиональный язык существует у большинства представителей различных профессий (военных, нефтяников, сотрудников правоохранительных органов и т.д.) и групп населения (несовершеннолетних, молодежи, пенсионеров и т.д.). Существование жаргона обусловлено социально-психологическими закономерностями функционирования вышеуказанных групп.

Само слово «жаргон» – (франц. Jargon) – означает социальную разновидность речи, отличающуюся от общенародного языка специфической лексикой и фразеологией¹. Под жаргоном понимают также речь какой-нибудь социальной, профессиональной или иной группы, содержащей много отличных от общенационального языка, в том числе искусственных и условных, слов и выражений.² Различные словари русского языка дают приблизительно одинаковое толкование термина «жаргон». Жаргон – своеобразный разговорный диалект, имеющий хождение в небольшой социальной группе, объединенной общими интересами, и отличающийся от общенародного языка употреблением специфических выражений, понятных лишь тем, кто владеет этим диалектом.

Иногда вместо жаргона употребляется термин «арго» – (франц. Argot) – особый язык некоторой ограниченной профессиональной или социальной группы, состоящей из произвольно избираемых элементов одного или нескольких естественных языков; арго употребляется, как правило, с коммуникативной целью в той или иной субкультуре (молодежной, преступной и т.д.).³

В различных странах и даже в разных регионах одного государства условный язык преступников на том же воровском арго получил свое национальное либо региональное название.

В России этот язык известен под такими понятиями, как «блатная музыка», «байковый язык» или «феня».

Воровская речь, «блатная музыка» – действительно музыка в том смысле, что она больше действует на эмоции, чем на интеллект. По мнению В.И. Даля, эта «музыка» была разработана еще в XVIII–XIX века⁴ столичными мошенниками, карманниками и ворами разного промысла, конокрадами и барышниками.

¹ Советский энциклопедический словарь. М., 1984. С.432.

² Словарь иностранных слов: актуальная лексика, толкования, этимология. М.: Цитадель, 1999. С.81.

³ Культурология: краткий терминологический словарь. СПб.: ВШ МВД РФ, 1995. С.7.

⁴ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб., 1912. Т.1. С.98.

Высказывание В.И. Даля не полностью отражает характер возникновения уголовного жаргона, так как на сложный процесс его формирования оказали влияние многие факторы экономической и социально-политической обстановки в Российской империи.

В научных источниках нет единого мнения о времени зарождения русского уголовного жаргона, а также происхождения понятий «блатной» и «феня».

По одной из версий, слово «блат» происходит от немецкого «блат», что значит «лист». В свое время на Руси петровские реформы встретили с огромным нежеланием, можно сказать, даже сопротивлением (например, стрижка волос и бород у бояр, обрезание длинных рукавов их кафтанов, ношение немецкого платья, париков и прочее). Но тех, кто имел деньги и не скупился на подношения, вносили в специальный лист – «блат» и тем самым освобождали от неприятных процедур. Отсюда и пошло слово «блатной», то есть человек, который не подчиняется общепринятым законам.

По другой версии, в переводе с еврейского языка «блат» значит посвященный; на одесском идише «блат» – ладонь, и когда между своими решалось какое-либо дело, то пришедшие к соглашению люди говорили – «давай блат!», иными словами – «по рукам!». Отсюда и пошло слово «блатной» – человек, который принадлежит к касте избранных и получает свое по «блату».

Считается, что история возникновения «фени» связана с условным языком коробейников, бродячих торговцев мелкого товара, которых звали офенями. В начале XVII века, чтобы скрыть от посторонних «торговые» секреты, торговцы употребляли условные обозначения, которые впоследствии образовали их тайный «офенский язык», «офеню». Вскоре бродяги, промышлявшие преступным ремеслом, по достоинству оценили это и переняли его для своих преступных целей.

Следующая версия зарождения жаргонизмов связана с появлением волжских разбойников.

Вместе с тем тайным языком владели злоумышленники еще в Древней Греции.

Развитие капитализма в России и расширение ее внешних культурных, экономических и иных связей с иностранными государствами, особенно государствами Западной Европы, оказали существенное влияние на процесс развития блатного языка в России.

Жаргон, как правило, вырабатывался у каждой категории профессиональных преступников. Уголовный жаргон является естественным и необходимым продолжением преступного профессионализма, продуктом преступного образа жизни отдельных категорий людей. С одной стороны, он носил универсальный характер, т.е. определенная часть терминов и слов являлась общей для всех преступников, а с другой – был сугубо индивидуален для каждой группы. Наиболее развитым оказался специализированный жаргон карманных воров, карточных шулеров, взломщиков сейфов, бродяг и скупщиков краденого.

Поэтому на сегодняшний день уголовный жаргон условно можно разделить на три основные группы, каждой из которых присущи свои лексические и коммуникативные особенности ¹:

– общеуголовный жаргон, которым пользуются как профессиональные преступники, так и обычные (бытовики, осужденные за хулиганство и т.д.);

– специальные профессиональные уголовные жаргоны, присущие определенным «профессиям» преступников: мошенникам, наркоманам, карманникам, вымогателям и т.д.;

– тюремный жаргон, употребляемый общностью преступников в местах лишения свободы и содержания под стражей, то есть в исправительных учреждениях и следственных изоляторах.

Уголовный жаргон, безусловно, основан на фонетике и грамматике общенационального языка и, как уже рассматривалось выше, имеет существенные диалектные и социально-групповые различия.

При возникновении уголовного жаргона в него вошло много слов из профессионального языка моряков, который в известной мере интернационален, а также языка разных народов, особенно восточных. Многие были заимствованы из еврейского и цыганского языков.

Интересно, что В.В. Челидзе² нашел связь офенского языка с жаргоном музыкантов и актеров – с так называемым лабужским диалектом. Например, «хилять» – гулять, идти (сравнить офенский: похлил – пошел), «клевый» – хороший (совпадает с офенским), «хилый» – плохой (также совпадает), «леха» – мужик (сравнить офенский: лох – мужик).

На развитие уголовного жаргона сильное влияние оказали заимствованные из русского языка вульгаризмы. Но, по мнению В.Ф. Пирожкова, «сводить воровской язык к вульгаризмам, к ненормативной лексике нельзя. Пополняясь за счет других “естественных” и “искусственных” языков, он способствовал созданию языков различных преступных сообществ, не относящихся к ворами в законе. На развитии уголовного жаргона в настоящее время отразились, с одной стороны, профессионализация преступности, появление организованной и коррумпированной преступности, а с другой – ее вульгаризация»³.

В последнее время наблюдается интенсивное проникновение в жаргон отечественных преступников слов и словосочетаний из англоязычного преступного жаргона, так называемого «flash».

Бедность неологизмами делает уголовный жаргон малоэффективным в своей информационной функции, так как преступная деятельность шире обслуживаемого его аргю. Преступнику сложно передать адекватно специальными терминами свое дело и цели, поэтому ему приходится переходить к общему языку, что черевато дешифровкой. В связи с этим намек является важнейшим элементом воровской речи и часто напоминаемое слово «понял» становится чем-то вроде тире или восклицательного знака, обращающего внимание слуша-

¹ См., напр.: Александров Ю.К. Очерки криминальной субкультуры. М.: Права человека, 2001. С.48; Гуров А.И. Профессиональная преступность: прошлое и современность. С.49.

²Челидзе В.В. Уголовная Россия. М., 1990. С.89.

³ Пирожков В.Ф. Криминальная психология. С.191-192.

теля на тайный смысл речи, полностью не выраженной даже кодированными терминами.¹

Для чего был придуман и существует уголовный жаргон?

В первую очередь он предназначен для зашифровки информации, т.е. непосвященные лица не могут понять, о чем идет речь, либо понимают неправильно, и тем самым обеспечивается живучесть преступного мира. В уголовном жаргоне достаточно много синонимов: например, для обозначения умения говорить на воровском жаргоне употребляются как синонимы слова и выражения: «по фене ботать», «курсать», «куликать по-свойски», «блатыкаться», «наблатоваться» и др. Для обозначения проститутки имеется около 180 терминов, стукача (доносчика) – свыше 125, слово «грабить» имеет около 80, слово «красть» (воровать) – 128 терминов и т.п.

В настоящее время полностью на уголовном жаргоне никто, естественно, не разговаривает, да и не умеет. Другое дело, когда речь преступников, и не только преступников, зачастую бывает смешана, в большей или меньшей степени, с лексикой из уголовного жаргона.

Владение уголовным жаргоном всегда использовалось преступниками как средство самоутверждения в преступной среде, подчеркивания мнимого превосходства сообщества преступников над другими людьми. Он возник и из объективной необходимости распознавания «своих» и выделения их в особую «касту», противостоящую законопослушным гражданам². Так, исследователь преступной субкультуры Ю.П. Дубягин³ считает, что причины возникновения уголовного жаргона заключаются, прежде всего, в извращенной психологии преступников – рецидивистов, сущность которой характеризуется особенностью их личности. Искусственно создавая и внушая себе и окружающим мнение об их исключительности, преданности, необычности и превосходстве над другими, они способствуют распространению мнения о якобы действительной порядочности преступных авторитетов.

Одна из функций уголовного жаргона – выявление или обнаружение с его помощью лиц, которые подосланы правоохранительными органами, или иных лиц, которые хотели бы проникнуть в сообщество преступников. Те лица, которые выдают себя за «воров в законе», авторитетов или просто внедрены в их среду для выполнения какого-либо задания, обычно быстро проваливаются на таком языковом экзамене. Основная причина такого провала – незнание истинных информационных связей, действующих в преступном мире сегодня.

Знание уголовного жаргона необходимо и для того, чтобы разбираться в иерархической структуре преступного сообщества, так как каждая каста, или масть, имеет здесь свое название. Зная, к какой касте относится тот или иной преступник, можно сразу определить его положение в преступном мире. В результате можно даже прогнозировать его поведение в исправительных учреждениях. Кроме того, уголовный жаргон обеспечивает внутреннюю жизнь кри-

¹Снегов С. Язык, который ненавидит. Философия блатного языка // Преступление и наказание. 1995. № 6. С.48.

²Гросс Г. Руководство для судебных следователей. М., 1987.

³Дубягин Ю.П. Следующая жертва - ты. Азбука безопасности. М., 1995.

минального сообщества, связанную с распределением добытых средств, проведением досуга, развлечениями и т.п.

Основное назначение уголовного жаргона – обслуживание преступной деятельности. Большая часть используемой лексики отражает содержание и характер преступной деятельности, т.е. это обозначение предметов и орудий преступлений, субъектов и объектов преступного посягательства, способов совершения преступлений, способов сокрытия следов преступлений и ухода от преследования и т.п.

Следовательно, уголовный жаргон является средством общения и сообщения информации в преступной среде, своего рода накопителем, хранителем и передатчиком из поколения в поколение преступников их «профессионального» опыта, преступных традиций, норм, ритуалов и других атрибутов преступного сообщества.

В настоящее время, по некоторым данным, в уголовном жаргоне насчитывается более 25 000 слов и 7 000 выражений¹, это объясняется тем, что уголовный жаргон находится в постоянном развитии. Каждая преступная группа, каждое место заключения осужденных приносили в воровскую речь все новые и новые жаргонизмы; количество их не поддается даже приблизительному учету. Однако большинство из них живут часто всего несколько дней, в немногочисленных группах и быстро исчезают: либо бесследно, либо переходя в пассивный запас. Поэтому невозможно собрать все слова уголовного жаргона.

Судить о степени развитости уголовного жаргона трудно, поскольку имеющиеся словари отражают лишь часть языка, которым пользуются уголовные элементы. Словари свидетельствуют лишь о том, в какой мере исследователи и сотрудники правоохранительных органов знают этот язык, а не о практическом его состоянии.

Уголовный жаргон можно разделить на ряд лексико-тематических групп. В наиболее многочисленные группы входят названия:

- 1) *преступников* (например, «жук» – вор; «клюквенник» – вор, специализирующийся по кражам из церквей; «мокрушник» – убийца; «лявра» – проститутка;
- 2) *жертв преступников* (например, «фраер»², «штамп», «олень», «штылет батайский» – жертвы преступления; «фраер ушастый» – глупая жертва преступления);
- 3) *орудий преступления и оружия* (например, «взлом с кобуром» – ограбление помещения с прокладкой тайного хода, «мокрый гранд» – убийство», «волына» – огнестрельное оружие);
- 4) *преступных действий* (например, «обчистить» – обокрасть, «дуплитель» – избивать», «запороть» – зарезать, «заделать» – убить);
- 5) *представителей правоохранительных органов* (например, «вертухай» – контролер, «кум» – оперативный работник ИУ, «хозяин» – начальник колонии);

¹ См., напр.: Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русского жаргона. СПб., 2000.

² «Фраер» - авторитетные осужденные, не имеющие статуса «вора в законе».

- б) *мест лишения свободы* (например, «дача», «курорт» – колония; «кича», «крытая», «крытка» – тюрьма; «взросляк» – колония для совершеннолетних преступников; «пионерский лагерь» – колония для несовершеннолетних преступников);
- 7) *предметов тюремного обихода* (например, «браслеты» – наручники; «намордник» – тюремная решетка; «параша» – емкость для нечистот; «королева» – унитаз);
- 8) *частей тела человека* (например, «грабли» – руки; «моркаташки», «буфера» – женские груди; «копыто» – нога; «купол», «шарабан» – голова; «шнифты» – глаза; «маска» – лицо);
- 9) *денег и ценностей* (например, «чистые деньги» – деньги, добытые честным путем; «кусок» – тысяча рублей; «горячий камешек» – драгоценный камень);
- 10) *спиртного и наркотиков* (например, «пузырь», «Петрович» – бутылка водки; «травка», «план» – гашиш; «марафет» – кокаин; «джеф» – морфий).

Остальные группы уголовного жаргона немногочисленны; в них входят названия животных насекомых, явлений природы, признаков предметов и некоторые другие обозначения.

В связи с этим небезынтересно узнать, что 87% «блатных слов» относится к профессиональной лексике (сюда входят обозначения самих преступников, жертв преступления, преступлений, преступных действий, мест лишения свободы и т.д.) и только 13% относится к «бытовой» лексике (она состоит из названий частей тела, пищи, явлений природы, одежды, обуви и т.д.).

В целом же точное определение и детальный анализ всех характерных черт уголовного жаргона не под силу одному исследователю, это может сделать только коллектив, и наиболее полным станет исследование, в котором будут рассматриваться отдельные жаргоны с разных лингвистических позиций¹.

Особенностью современного уголовного жаргона являются его региональные диалекты и относительно быстрое обновление новыми терминами в силу устаревания многих слов и словосочетаний, которые употреблялись ранее, а также из-за их дешифровки сотрудниками правоохранительных органов.

Установлено, что изменения в уголовном жаргоне становятся заметными не ранее чем через 5-10 лет, при условии, что в это время в стране не происходят кризисные явления или какие-либо катаклизмы, так как это способствует оживленному словотворчеству преступников. При любых отрицательных потрясениях экономики страны преступность стремительно разворачивается, расцветает, используя момент наибольшего благоприятствования всякого рода беззакониям, что является питательной средой, фундаментом и плодотворной почвой для появления новых арготизмов.² И, наоборот, по изменениям, происходящим в уголовном жаргоне, можно судить о тенденциях, имеющих место в преступной среде. Например, появление в уголовном жаргоне заимствованного из английского языка слова «киллер» означает, что в российской преступной

¹ Тэсс Л.В. Воры: «в законе» и прочие ... Книга вторая. Рига: «РСС ПЛЮС», 1997. С.301.

² Тэсс Л.В. Указ. соч. С.300.

среде появилась новая «профессия» – наемный убийца; появление частной собственности ознаменовало новое понятие «крыша» и т.д.

В лагерном языке осужденных существуют различные диалекты: собственно уголовный жаргон, матерщина, разговорные диалекты местных жителей северных регионов России.

Испокон веков в России места лишения свободы размещались в отдаленных северных регионах страны. Соответственно, это не могло не отразиться на среде осужденных и на языке их общения.

Тюремные варианты уголовного жаргона содержательнее, здесь развито словотворчество, осужденные придумали такие новообразования, как «зачачка», «мастырка», «зека», «отрицаловка», «ничтяк», «чифирь» и т.д.

Академик Д.С. Лихачев¹ писал, что воровской язык включает в себя всю преступную идеологию, все коллективные представления и эмоции. Вот почему воровская речь, умение употреблять воровские выражения занимают такое значительное место в воровской среде. Не зная точного употребления и смысла слов блатного языка, нельзя не только занять в этой среде свое место, достичь известных ступеней преступной власти (воры строго отличаются по рангам в зависимости от своих «заслуг»), но и получить какое бы то ни было признание. Этот фактор особенно актуален в местах лишения свободы, где наблюдается строгая стратификация осужденных по «рангу». Речь «вора» всегда приподнята, он всегда чувствует себя героем, с «воровской» точки зрения воровской язык патетичен.

Лагерный жаргон, как и любой язык, – носитель традиций. В жаргоне закрепляются и передаются из поколения в поколение принципы поведения и «законы» тюремного мира, например: «не закладывай» – не выдавай других соучастников преступления; «не крысятничай» – не воруй у своих сокамерников. Кроме того, в «блатной музыке» на некоторые слова, имеющие отношение к правоохранительным органам и их сотрудникам, повлияло враждебное и пренебрежительное отношение к ним.

Осужденные осуществляют с использованием жаргонных слов шифровку передаваемой информации, чтобы обеспечить защиту своей группировки и организовать без помех совместную противоправную деятельность.

В замкнутом пространстве блатной язык в обиходе между осужденными, отбывающими наказание в виде лишения свободы, нераздельно существует с родным языком и выполняет наряду с последним функцию связующего. Поэтому каждый осужденный, хочет он этого или нет, познает и использует его в своей повседневной жизнедеятельности. Все начинается с того, что термины уголовного жаргона крепко впитываются в речь лиц, отбывающих наказание, а затем начинают исподволь воздействовать на их сознание.

Постепенно под влиянием этой речи наступает и негативная переоценка ценностных ориентаций. Осужденный теряет свой естественный язык, все более отделяясь от норм обычной жизни, и начинает активно впитывать ценности

¹ Подробнее см.: Лихачев Д.С. Черты первобытного примитивизма воровской речи. // Грачев М.А., Мокиенко В.М. Историко-этимологический словарь воровского жаргона. СПб.: Фолио-пресс, 2000. С.379.

преступной среды. Поэтому блатной язык может стать важным средством изучения психологии личности преступника. По степени владения «блатной музыкой» можно определить принадлежность конкретного осужденного к определенному преступному сообществу, имеющему свои установки и отношение к закону, правилам человеческого общежития, моральным ценностям, степень его криминальной зараженности, внутреннее отношение данного преступника к труду, дисциплине, к другим людям, представителям власти и т.п. По индивидуальному словарному запасу можно охарактеризовать и социальную группу, членом которой является данный осужденный, ее нормы, ценностные установки.

Нельзя не заметить также, что в пенитенциарных учреждениях сохраняются и различные ответвления в жаргоне, так как жаргон разрабатывается каждой профессиональной категорией преступников. Они употребляют своеобразные, присущие их «профессии» слова и выражения. Хранителями их являются представители различных преступных образований. Ярким примером сказанному являются воры-карманники, у которых имеется до 400 терминов, отражающих специфику их «профессии». Примерно такую же картину можно наблюдать у похитителей антиквариата, членов этнических группировок и других криминальных образований.

В последнее время резкое увеличение преступности, связанной с наркотиками в обществе, привело к тому, что в стенах исправительных учреждений выделился самостоятельный наркоманийный жаргон. Это объясняется тем, что в условиях лишения свободы образуется особая групповая консолидация лиц с наркотической зависимостью: прежде всего из числа наркоманов, затем – алкоголиков и токсикоманов, и здесь часто происходит взаимозаменяемость одурманивающих веществ, в связи с нерегулярностью их нелегального поступления сюда.

§ 5. Татуировки осужденных и их классификация

Сложной по мотивации, содержанию и классификации в преступном мире является традиция татуирования. Татуировки как украшение в человеческом обществе родились гораздо раньше, чем одежда, и были связаны с древнейшими обычаями инициаций.

Татуировки являются одним из основных внешних элементов жизнедеятельности осужденных в исправительных учреждениях. Сама же татуировка на жаргоне у осужденных называется «икона», «картинка», «клеймо», «наколка», «расписка», «регалка», «реклама», «портачка», «прошивка» и т.д. Как видно, названия эти крайне разнообразны.

На сегодняшний день окончательное происхождение данного термина не выяснено, хотя существует множество гипотез.

По одним данным, слово «татуировка» происходит от полинезийского «та-ту», что означает «рисунок», или от «Тики» – имени полинезийского бога, по преданию, явившего татуировку миру. По другим, что слово «татуировка» про-

изошло от явайского корня «тау», соответствующего полинезийскому «тату» и переводящегося как «рана», «раненый».

Первые сведения о татуировке среди европейцев, по сообщению профессора Рикке, относятся к началу XVIII века, когда на ярмарках стали появляться татуированные люди, которые за деньги демонстрировали свое тело. С тех пор татуировка очень быстро распространилась среди некоторых социальных групп населения (моряков, военных, бродячих артистов).

Преступники восприняли обычай татуирования в XIX веке и постепенно стали основными его носителями.

Сегодня с уверенностью можно утверждать, что ни одна из категорий общества не отличается таким пристрастием к татуировкам, как лица, отбывающие наказание в виде лишения свободы в местах социальной изоляции.

Существует ошибочное мнение, что преступники сейчас не наносят татуировок. Однако преступник без татуировки приравнивается к белой вороне в стае птиц, особенно, если он оказался в стенах пенитенциарных учреждений. Отличительной особенностью сегодняшнего дня является то, что татуируются, в основном лица молодежного возраста. Взрослые и опытные осужденные предпочитают татуировки не наносить или наносят их на скрытые участки тела. Объясняется это нежеланием иметь лишнюю особую примету.

Исследования же лиц, находящихся в исправительных учреждениях, свидетельствуют о том, что подавляющее их большинство (до 97%) имеет на теле татуировки и что татуировались они именно в местах лишения свободы в период отбывания наказания.

Изучение истории татуировок преступников показывает, что первоначально рисунки носили подражательный характер, были просты и наивны, и интерес представлял сам процесс татуирования. Однако со временем к татуировкам стали относиться серьезнее: лица, имеющие татуировку, стали претендовать на лидерство, так как носили на теле символ сильного, выносливого человека. Позднее татуировки для преступников стали своеобразным тайным языком общения между собой.

Итак, татуировка есть искусственное нарушение кожных покровов с помощью колющих (режущих) инструментов и последующее введение под кожу красящих веществ (или прошивание кожи иглой с окрашенной нитью, которую потом удаляют) с целью получения стойких, не исчезающих рисунков или иных изображений. Обычно термином «татуировка» называют как непосредственное изображение на коже, так и само действие – нанесение этих изображений на кожу.

Если на свободе нанесение любых татуировок не представляет труда, так как во многих городах официально действуют тату-кабинеты или мастерские, хотя для этого и требуются значительные денежные затраты, то в местах социальной изоляции осужденным вообще запрещено наносить себе и другим лицам татуировки.

Но несмотря на это, в исправительных учреждениях возникла и существует целая индустрия нанесения татуировок. Татуировки обычно накалываются

соединенными вместе в одну ручку, чаще всего в спичку, двумя-тремя иглами или острым клинком с желобом. Игла для нанесения татуировки называется на тюремном жаргоне «пешня», «пчелка», «шпора» или «жало». Татуировка наносится также с помощью чернильных перьев и остро заточенных струн для гитар или балалаек. Для более быстрого татуирования осужденными применяются заранее изготовленные клише или штампы (рисунок татуировки наносится на доску, затем по контуру рисунка вбиваются в нее иглы или иные колющие предметы) и переконструированные механическая или электрическая бритвы, снабженные иглами и емкостью с красителем (работающие по принципу швейной машинки), которые на арго называются «бормашина», «машинка», «швейная машина».

В качестве красящей жидкости используются подручные средства: спиртовая тушь, растительная краска, разведенный в воде угольный порошок, графит, сажа, порох, кирпичная пыль, паста шариковых ручек, жженный каучук. Известен даже такой способ: сажа смешивается с сахаром и пеплом, которая разводится в моче. Кроме того, в пенитенциарных учреждениях осужденными в качестве «грязи» или «мазуты» (так именуется на уголовном жаргоне краситель для татуирования) используются продукты питания: жир, повидло и чай.

Но все это уже отходит в прошлое. Если надо, то в исправительные учреждения можно доставить за большие деньги современные красители, а также автоматизированные средства нанесения татуировок.

Необходимо также заметить, что татуировки можно дифференцировать по различным признакам, точнее, по совокупности признаков, так как по своей форме и содержанию татуированные изображения весьма разнообразны и дать исчерпывающие объяснения им крайне трудно, тем более что у различных категорий осужденных они могут иметь неодинаковое смысловое значение. Изучение рисунков, изображений, символов татуировок осужденных разных лет, сделанных в различных регионах и исправительных учреждениях, показывает, что они не статичны, а подвержены моде, т.е. изменению. Некоторые из рисунков и надписей перестают существовать, взамен появляются новые, а другие видоизменяются, трансформируются. Это обусловлено тем, что преступный мир реагирует на любые социальные и культурные изменения, происходящие в обществе, которые им переосмысливаются и обозначаются, отражаясь на внешних атрибутах преступной субкультуры. Однако существуют и устойчивые к моде рисунки и надписи татуировок, традиционные для преступников и осужденных на все времена. Кроме этого, нанесение татуировок в различные периоды жизни осужденного обусловлены разными мотивами и обстоятельствами, и татуировки обычно встречаются не единично, а многочисленно или вообще сплошными «картинами». Мотивы добровольного татуирования у осужденных могут быть различны. Основным же является желание придерживаться традиций и «законов» преступного мира, т.е. «быть как все». Другой же мотив – выделиться среди других, «не быть как все», показать свою авторитетность, высокий статус в среде осужденных. Мотивами могут также служить желание

продемонстрировать свою выносливость, способность переносить боль, желание скрыть сделанную ранее «позорную» татуировку и т.д.

Побудительными мотивами нанесения татуировок у осужденных могут быть: неписаный закон принятия в свою среду лиц, отбывающих срок лишения свободы; личное самоутверждение в определенной группе судимых; тщеславие, желание показать свою значимость, исключительность, превосходство над другими; подражание более опытным, авторитетным преступникам, которые уже имеют татуировки; своеобразная памятка о местах отбывания срока наказания, солидарность («знак братства») с кем-либо из заключенных.

Причинами нанесения татуировок могут быть также: желание приобрести на коже мотив, который нравился бы данному человеку и мог бы понравиться его окружению как на свободе, так и в исправительном учреждении; потребность высказаться посредством знаков, являющихся формой коммуникации в преступной среде, которые подтверждают принадлежность к данному сообществу; влияние окружения, в котором данная личность пребывает в минуты бездеятельности, а также в периоды подъема моды на татуировку; отражение общественной стратификации, царящей как в исправительном учреждении, так и на свободе в преступной среде.

Заслуживает внимания и психологический аспект нанесения татуировок, который тесно связан с побудительными мотивами подражания или ложными эстетическими побуждениями. В ряде случаев татуировка может спровоцировать отраженное ею явление. Ну а если она сделана сознательно с полным пониманием сути и назначения, тогда татуировка становится своеобразной визитной карточкой, так или иначе закрепляя за человеком определенный имидж, не позволяя хозяину отказаться от него или забыть преступный опыт. Агрессивная наколка постоянно напоминает ее обладателю: я злой, я ненавижу их мир. Но самое страшное в том, что в нормальной жизни человек не в состоянии даже на короткое время перейти тот барьер, который он сам себе поставил. В определенной степени процесс татуирования – часть механизма зомбирования, превращения человека в носителя чужой воли, отказа от своей собственной. Татуировка не пассивное изображение, это активный символ, но действующий не по воле своего хозяина, который таковым не является, а выступает носителем чужих волеизъявлений, хотя искренне верит, что они его собственные.

Действительно, татуировки требуют от своего хозяина соблюдения определенных правил – жестовых, мимических, речевых – и стереотипа поведения. Осужденные, имеющие татуировки с изображением «младших» карточных мастей, обязаны подчиняться «старшим». Например, собеседник «вора в законе» при общении с ним обязан строго соблюдать свой стереотип поведения, тем самым получается, что татуировки определяют правила существования и для внешних объектов.

Некоторые татуировки наносятся добровольно, некоторые – под давлением окружения; внутренний бунт против вынужденной ситуации, в которой оказался осужденный, в результате такой ситуации возникают мотивы и лозунги, символизирующие протест, борьбу и обещание отомстить угнетателям; удовле-

творение эротических потребностей посредством выполнения мотивов непристойного характера либо символизирующих секс; удовлетворение эстетических потребностей посредством выполнения модных и захватывающих мотивов; биографические данные, регистрирующие наиболее важные события в жизни данной личности.

Люди, приобщающиеся к преступному сообществу, не могут не подчиниться его традициям и другим ценностным ориентациям. Преступники же, совершая преступления, постоянно изолировались от общества, и, соответственно, переносили в места лишения свободы элементы своей асоциальной культуры.

Отсутствие татуировок у осужденного, находящегося в исправительном учреждении, по неписаным «тюремным законам» считается позорным, недозволенным явлением, и уклонение от нанесения татуировок, особенно иерархических и сигнально-обособительных, считается серьезным нарушением преступных традиций, которое сопровождается жестокими санкциями к отказчику. Определенная часть татуировок (в основном это изображения и надписи, позорящие носителя, содержащие негативную информацию о нем), наносятся осужденному насильно или после его психологической обработки. Поэтому далеко не каждому осужденному удастся избежать общего психологического прессинга, особенно слабовольным и лицам молодежного возраста, которые впервые попали в такую среду. Носители татуировок всегда претендовали на лидерство, так как хранили на теле знаки – символы принадлежности к преступному миру. Человеку по своей природе, как и животным, свойственно подражать более сильным индивидам из своего окружения. В изолированном сообществе осужденных это происходит всегда последовательно и более активно.

Татуировки на поверхности тела человека обычно выражаются в форме: даты, цифры; отдельных букв, слов или сочетания слов; текста; рисунка; условного знака, символа; комбинированных вариантов указанных форм.

Дата, цифры – преимущественно отражают год рождения носителя татуировки и наносятся, как правило, на внешних поверхностях основных фаланг пальцев рук. Они могут и не иметь никакой связи с годом рождения и располагаться на других поверхностях тела человека (на кистях рук, запястьях, предплечье, ноге и т.д.).

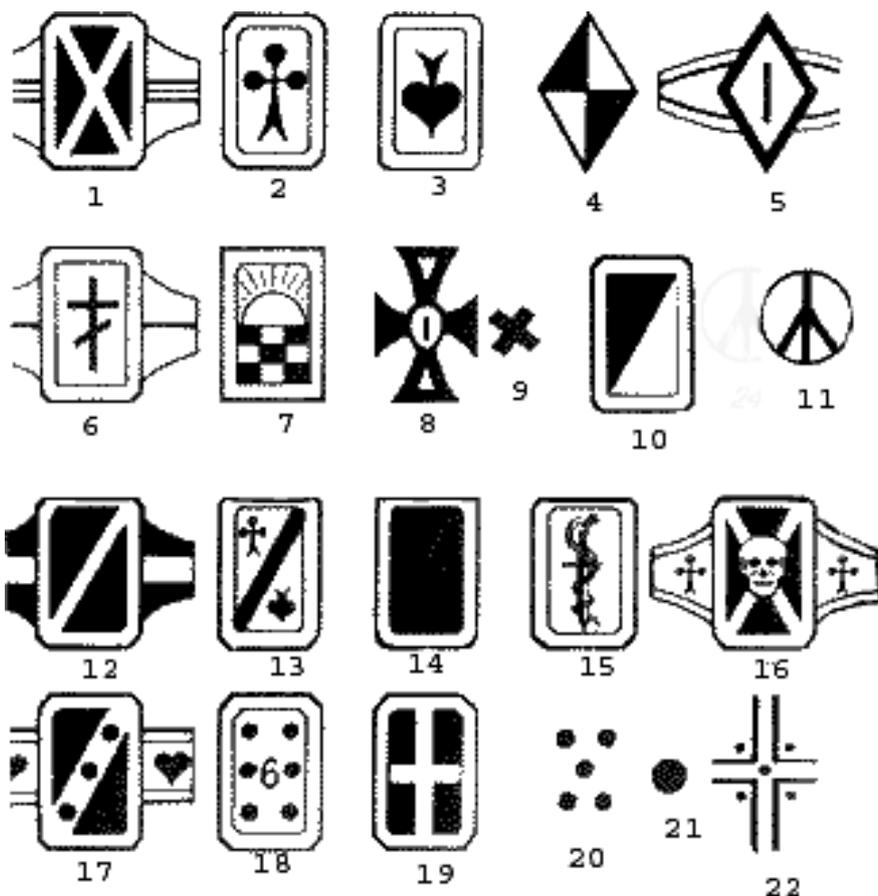
В ряде случаев дата обозначает год, когда ее носитель приговорен судом за совершенное преступление к наказанию в виде лишения свободы.

Татуировки на руке могут сообщать чуть ли не всю биографию владельца. Кроме года рождения татуируются обычно первые буквы имени владельца. Они наносятся в области между большими и указательными пальцами.

Точки, вытатуированные на тыльной стороне кисти в области лучезапястного сустава, обозначают число побегов, совершенных преступником.

В первом межпальцевом промежутке выкалываются маленькие крестики – число «ходок» в зону.

Перстни изображаются на основной фаланге пальца, браслет – на запястье, якорь – на кисти руки.

1. Судим за грабеж.
2. Судим за кражу. Склонен к созданию преступных группировок.
3. Судим за хулиганство. Склонен к негативным проявлениям.
4. "Отрицало". Близок к тюремной элите. Враждебно настроен по отношению к сотрудникам правоохранительных органов, к осужденным, вставшим на путь исправления.
5. "Мужик" – осужденный, не входящий ни в какие группы.
6. "Я - убийца". "Память о родителях", умерших в период отбывания осужденным срока наказания.
7. Перстень наносится осужденными, враждебно настроенными к администра-

ции мест лишения свободы, к сотрудникам милиции и к осужденным, вставшим на путь исправления.

8. "По стопам любимого отца". Наносится в память о судимых родителях.

9. "Ходки в зону". Количество крестиков обозначает число судимостей. Размер крестика приблизительно около 3 мм.

10. Судим за изнасилование. Татуировка встречается редко.

11. Татуировка лиц, не желающих работать.

12. Был в местах лишения свободы.

13. "Загубленная юность".

14. "Отсидел срок звонком", то есть по приговору суда полностью отбыл срок наказания,

15. Судим за убийство или нанесение тяжких телесных повреждений.

16. Судим за разбой.

17. "Вафлёр" ("петух", "голубой" и пр.). Самый низший ранг в иерархии преступного мира.

18. "Шестерка". Такой перстень носят осужденные, находящиеся в местах лишения свободы в роли мелких исполнителей воли авторитетов.

19. "Проход через Кресты" – осужденный побывал в следственном изоляторе № 1 Санкт-Петербурга.

20. "Четыре вышки и ЗК" - отбывал наказание в местах лишения свободы.

21. "Точка" (крупная, размером 1-2 мм). Может быть заменена округленным крестом. Наносится после совершения побега из мест заключения. Количество точек указывает на количество побегов.

22. "Один в кругу друзей".

Браслеты, представляющие собой изображение наручников или параментальной полосы (опоясывающей запястья), с одной стороны, свидетельствуют о верности человека арестантскому братству, с другой стороны, имеют расшифровку – «вся жизнь в оковах». Наличие одного браслета означает, что осужденный находился в местах лишения свободы не менее 5 лет, браслеты на запястьях обеих рук – 10 лет и более. Но наибольшую информацию о хозяине татуировки несут перстни (таблица №2).

Татуировки могут быть сделаны в самых неожиданных местах: на внутренней стороне нижней губы, на половом члене, на веках глаз, на теменной области головы под волосами и ягодицах. Например, на веках глаз – «не буди», на темени – «вновь я дома, снова я у хозяина».

В подключичной области и в области плечевого сустава татуируются символы авторитетности заключенного, его табель о рангах: погоны, эполеты, многолучевые звезды.

Схожим значением обладает область коленного сустава. Звезды и другие изображения здесь свидетельствуют о нежелании обладателя становиться на колени перед кем бы то ни было.

Татуировки в крестцовой, ягодичной области, а также на открытых частях лица имеют уничижительное значение и татуируются в основном у «опущенных».

Ноги являются средством передвижения и побега. На них наносятся соответствующие рисунки, такие, как кот в сапогах, корабль с поднятыми парусами, бегущий олень, маяк как символ свободы. Иногда на ногах татуируются такие фразы: «они устали ходить по зоне», «они устали, но до пивной дойдут».

Грудь – обычное место для расположения больших символических рисунков: соборов, церквей, изображение различных картин, (например, у одного осужденного была выколота картина Васнецова + «Три богатыря»).

На животе могут быть вытатуированы рисунки карикатурного содержания: например, изображение человеческого лица и подпись «обжора».

Чем больше татуировок на теле у осужденного, тем больший срок он провел в местах лишения свободы.

Для исследователей особый интерес представляет символика татуировок осужденных, потому что она непосредственно связана с преступными традициями, обычаями и «законами» преступного мира.

Церкви, колокольни, соборы говорят об отбытии наказания в виде лишения свободы либо о числе ходок.

Символические изображения пейзажа – место отбывания наказания. Например, встающее солнце на фоне моря или горы с соответствующей надписью – «Карелия». «Урал», «Север» – означают конкретное место расположения колонии, в которой отбывал осужденный. Встающее солнце означает «знак на лучшее».

«Воровской крест», изображающий распятие, окруженный сиянием или обведенный вычерченным контуром, означает принадлежность обладателя этой татуировки к «ворам в законе» или близким к ним авторитетным осужденным.

Восьмиконечные звезды могут носить только «воры в законе» (шестиконечные носят «шестерки»). Тюремная решетка, цепи, кандалы означают верность тюремным традициям. Кинжал, обвитый змеей с короной на голове, – знак «вора в законе», где кинжал – знак воровского ремесла, змея – означает осторожность, хитрость, корона – знак верховенства.

Карточные масти (трефы или пики) могут накалывать только авторитетные осужденные.

Об агрессивности обладателя татуировки могут свидетельствовать изображение оскаленной головы барса или тигра, гладиатора, сжатого в кулаке ножа, обвитого змеей кинжала, черепа.

Указанные татуировки часто носят «блатные бойцы», служащие орудием расправы над провинившимися осужденными.

Изображение нацистской свастики носят «беспредельщики», не подчиняющиеся не только администрации, но и «воровским законам».

Изображение могилы, гробов означает месть конкретному врагу. Затемненный холмик указывает на то, что месть совершена.

Пронзенный кинжалом или ножом погон или уголовный кодекс означает, что осужденный совершил убийство сотрудника милиции или намеревается это совершить. Цветок, пронзенный ножом, означает «смерть прокурору».

Могильный крест вообще – это масть убийцы; кинжал или нож, обвитый змеей, – разбойника; баклан – хулиган; паук в паутине – наркоман.

Положение в преступной среде обозначают погоны, эполеты и карточные масти (пиковая масть самая старшая).

Смеющийся черт – оскал на администрацию исправительного учреждения – означает принадлежность к «отрицалово». Кошка – осторожность, хитрость, коварство; орел – сила, ловкость, храбрость, стремление к свободе.

Изображение карт, водки, женщин означает, по мнению осужденных, то, что их губит. Иногда татуируемый текст – «бог создал три зла» – сопровождается изображением женщины, черта и козла.

Характерными особенностями обладают татуировки «опущенных». Так, обнаженная женщина, обвитая змеей, означает пассивного гомосексуалиста. Змея с красной короной обозначает лидера «опущенных» («мамку»).

Точка между бровей обозначает, что этот человек подлый и гадкий, «помойка». Точка на кончике носа означает стукача; точка над глазами (или под ними) – «опущенного»; точка на мочке левого уха – трепача, болтуна.

Изображение обнаженных женщин и красных мастей карт всегда обозначает «опущенного». Все эти татуировки наносятся насильно.

Некоторыми особенностями отличаются татуировки у женщин. По своему содержанию и разнообразию они гораздо беднее мужских. В большинстве случаев они просты по исполнению и грубее. Часто заимствуются у мужчин, например, изображение церквей, мадонны с ребенком, черепа, кинжала, змеи.

В женских татуировках преобладает изображение цветов, венков, птиц, мужских и женских головок. Значительно больше у женщин рисунков циничного, непристойного содержания. Часты изображения сцен лесбийской любви.

Изображение кабана означает активную лесбиянку, просто женщины с раздвинутыми ногами – пассивную, скрипки – «минетчицу».

Места нанесения татуировок отличаются от мужских. Женщины предпочитают наносить татуировку на живот, лобок, поясницу, под коленкой, на висок, т.е. на места, которые скрыты под одеждой.

Таким образом, татуировки на теле осужденных могут свидетельствовать: об отбытии наказания в виде лишения свободы; об авторитетности осужденного или его положении в преступной среде; («табель о рангах»); об определенных качествах заключенного (агрессивности, осторожности, хитрости); о стремлении к свободе и склонности к побегу; о характере совершенных преступлений (хулиганство, разбой, мошенничество); о наркотизме; о принадлежности к касте «опущенных».

Татуировка для преступников является тайным языком, необходимым им для общения с себе подобными как на свободе, так и в исправительных учреждениях. «Читая», расшифровывая содержание, смысловое значение татуировок, осужденные определяют, «кто есть кто». Татуировка осужденных – это своеобразная анкета, паспорт преступника, она информирует о его неформальном положении и криминальных заслугах, кроме того, передает его мысли и социальные установки. Поэтому татуировки в среде осужденных выполняют различные функции.

Важнейшей из них является сигнально-обособительная функция, которая позволяет определить принадлежность их носителя к определенной социальной общности, в данном случае преступному миру или так называемому сообществу заключенных.

Следующей функцией татуировок является личностно-установочная, которая дает конкретную информацию об их носителе, позволяет получить сведения о его жизненном пути, например об имени, возрасте, месте его рождения, месте и сроке отбывания наказания, количестве судимостей и побегов и т.д.

Иерархическая функция татуировок фиксирует статус личности преступника в уголовной иерархии, его место в преступной группе. При изменении статуса осужденного в сторону повышения наносятся татуировки с изображением одних знаков и символов, а при его снижении – другие.

Кроме этих основных функций, существуют такие, как сексуально-эротическая, религиозная, декоративно-художественная, профессионально-ориентировочная и другие.

Большинство из лиц, имеющих татуировки, впервые наносили их, будучи молодыми, в возрасте от 14 до 30 лет.

Учитывая все вышеуказанные факторы, можно осуществить следующую дифференциацию татуировок у осужденных:

1) по форме выражения (символы, цифры, буквы (аббревиатуры), тексты, рисунки);

2) по содержанию, тематической направленности (сигнально-обособительные, стратификационно-статусные, личностно-установочные, политические, мифологические и культовые, антирелигиозные, воровские, сексуально-

эротические, декоративные, юмористические, памятные, профессиональные и клейма);

3) по личностной значимости («регалки» – от регалии – почетные знаки, различия для «элиты»; «портачки» – от портачить – «самоделки», низкого качества; «нахалки» – клейма, нанесенные нахально, то есть с применением насилия);

4) по локализации на теле (на открытых участках, на скрытых под одеждой участках, на интимных частях тела, по всему телу);

5) по степени воздействия на субъекта восприятия (легко запоминающиеся, трудно запоминающиеся);

6) по размерам (малоформатные, крупномасштабные);

7) по способам нанесения (добровольно, по принуждению, одноразовые и многократно наносимые, наносимые вручную и с помощью трафаретов);

8) по количеству (единичные, многочисленные, сплошные);

9) по степени устойчивости (устойчивые, неустойчивые).

Сложность «чтения» татуировок в том, что пространство тела уже значимо. Одна и та же татуировка меняет свой смысл в зависимости от части тела, на которую она нанесена (женская головка на животе – знак опущенного, женская головка на груди – знак инициации малолетнего зека). При этом в отличие от обычной речи, где слова выстраиваются в линейные цепочки, в уголовных татуировках знаки разных уровней интегрируются как бы один в другой. Таким образом, текст татуировок не линейен, а многомерен, объемен. К сожалению, приходится признать, что далеко не всякий сотрудник правоохранительных органов, в том числе и уголовно – исполнительной системы, может правильно истолковать смысл татуировок.

Сложность этого языка приводит к тому, что люди, имеющие большой опыт «чтения» и изготовления татуировок, пользуются уважением среди осужденных и имеют в преступном мире определенный авторитет и, кроме того, получают за свою работу довольно приличную плату. На тюремном жаргоне их называют «кольщиками» или «кольщиками зоны», так как в большинстве случаев татуировки наносятся в местах лишения свободы.

Подводя итог, можно утверждать, что татуировки в среде лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы, – это не случайность и, по сути дела, не просто так осужденные подвергают себя болезненной и длительной процедуре татуирования. Татуировки в среде осужденных выполняют различные функции как межличностного, так и межгруппового взаимодействия, в том числе иерархическую (то есть дающую возможность определить занимаемый статус осужденного), сигнально-обособительную (путем нанесения татуировки для того, чтобы заклеить, закрепить положение изгоя), ценностно-ориентационную (передает социальные установки) и другие.

§ 6. Клички, способы тайного общения и другие элементы субкультуры осужденных

В структуре субкультуры осужденных в исправительных учреждениях можно выделить такие ее атрибутивные и эмоциональные элементы, как клички, невербальные средства общения, клятвы, развлечения и игры, криминальный фольклор («блатные» песни и поэзия).

Неотъемлемой самостоятельной составляющей преступной субкультуры осужденных являются клички («погоняла», «прозвища», «кликухи» и т.д.) – довольно выразительные и меткие прозвища, в которых зачастую рельефно проявляются особенности межличностных отношений в уголовной среде.¹

Происхождение кличек обусловлено действием ряда факторов, среди которых особо следует выделить устоявшуюся у русского народа традицию именовать инородцев прозвищами (например, басурманами и т.д.). Профессиональные преступники строго руководствуются данным установлением.

Клички осужденных, с одной стороны, несут на себе печать традиционности, а с другой – выполняют чисто конспиративную функцию, то есть используются для сокрытия фамилий, имен. Кроме того, практическими работниками правоохранительных органов отмечено, что многие профессиональные преступники знают друг друга только по прозвищам. Уголовные клички имеют подавляющее большинство лиц, длительное время занимающихся преступной деятельностью и отбывающих наказания в местах лишения свободы. Кличка – обязательный атрибут участника организованной группы преступников. По нашим данным, ее имеют 98% осужденных, совершивших преступления в форме соучастия.

Клички выполняют целый ряд взаимосвязанных функций: заменяют фамилию и имя (функция коммуникации); служат своеобразным средством клеймения (стигматизации); закрепляют статус (высокий или низкий) личности в групповой иерархии (Барон, Король, Лакей, Художник); служат вербальным средством деперсонализации (путем наделения человека оскорбительной кличкой, например, Лопух, Холера, Чума).

По нашему мнению, клички могут отражать следующие объективные данные личности осужденного: особенности характера и привычки (Болтун, Борзой, Муму, Лютый); физические особенности и недостатки (Рама, Горбатый, Сиплый, Хромой, Косой); специфику преступной деятельности (Ворошилов – для наемного убийцы, Ручка – для карманного вора, Курортник); национальность (Башкир, Казах, Бульбаш, Хохол, Ара); место рождения или проживания (Москвич, Колыма, Якут, Питерский).

Кличка, как правило, дается одна, но нередки случаи, когда осужденный имеет и несколько кличек, каждая из которых отражает что-то свое в его характере, манере поведения и т.д.

Клички осужденных, как правило, сохраняются за ними на всю жизнь. Избавиться от присвоенной клички очень трудно, практически невозможно. По-

¹ Попов И. Как избавиться от клички // Аргументы и факты. 1993. № 23. С.11.

пытка избавиться от обидных и злых кличек встречают сопротивление со стороны преступных «авторитетов». В то же время наблюдается такое явление, как изменение клички. Обычно кличку меняют, если повышается или понижается статус осужденного в неформальной иерархии. При коронации, возведении в ранг «вора в законе» обычно присваивается новая кличка.

Отсутствие у осужденного клички в местах лишения свободы – явление недопустимое. Человек, попадая в следственный изолятор, подвергается системе проверок («прописке»), в ходе которой в первую очередь выясняется наличие у него клички.

По нашим данным, 95% осужденных, отбывающих уголовное наказание в виде лишения свободы, имеют клички. Из них 51% имели клички до совершения преступления, 38% получили их, находясь в следственном изоляторе, и 6% уже во время непосредственного отбывания наказания в исправительных учреждениях. 12% осужденных позитивно относятся к наличию у них клички, 21% – отрицательно, а основная масса (62%) – с безразличием.

Особенностью «блатных» кличек является их постоянство, она остается за преступником даже в случае, если он изменил фамилию и перешел на нелегальное положение, для сообщников он по-прежнему останется Аристократом, Батей или Япончиком.

Другая особенность этой категории кличек заключается в отражении фамилии, физических или психологических черт и свойств ее носителя. Если, например, Кучерявый, то это в действительности, наоборот, лысый, если Гуляй нога, значит хромой или одноногий, если Федот, то возможна фамилия Федотов.

Могут быть и исключения. К ним прибегают «блатные» преступного мира, чтобы своей кличкой привлечь к себе внимание¹.

Важный атрибут субкультуры осужденных в исправительных учреждениях – постоянное осуществление коммуникационной связи между собой, с волей и способы передачи информации. Эта система совершенствовалась многими поколениями осужденных. К ним относятся: способы тайного визуального общения (которое включает в себя язык жестов, мимику, различные позы), использование условных звуковых сигналов, способы тайной переписки.

В пенитенциарных учреждениях наряду с жаргоном существует еще одна разновидность «тайного» языка, которым пользуются осужденные – это язык жестов². Характер его приблизительно такой же, как сигнализация у моряков или язык глухонемых. Передаются или буквы, или целые слова, в зависимости от системы языка. Называется этот способ ведения переговоров на жаргоне «маяком» или «светом».

Во всем уголовном мире действуют жесты национального и международного характера, начало которым положили жесты для римского цирка гладиаторов: большой палец вниз при вытянутой руке – смерть, вверх – дарование жизни побежденному. Эти же знаки применяются на «сходке» «воров в законе»

¹ Так, один из «воров в законе», присвоил себе прозвище Япончик, что, очевидно, должно было ассоциироваться с известным в 20-е годы бандитом-анархистом Мишкой Япончиком, а другой - Рэмбо.

² Жест – это знак, сделанный движением рук, головы или лица, имеющий свое значение, свой смысл. Жест – своего рода средство общения, если его содержание понятно тому, кто жест делает, и тому, к кому он обращен.

и других лидеров преступного мира при применении санкции в отношении провинившихся членов.

В среде осужденных давно известен жест, когда двумя раскрытыми ладонями изображается фигура, подобная букве «Т». Таким жестом преступники сигнализируют друг другу о серьезности обвинений, об итогах расследования, грозящих тюремным заключением.

У осужденных не принято открыто просить докурить, а заменой этой просьбе служит резкое слово: «сорок!», которое выкрикивает осужденный, показывая двумя пальцами в рот, что означает: «оставь докурить 40% твоей сигареты». Это один из старейших жестов осужденных. Каждый, кто захочет попросить докурить обычным способом, может оказаться в положении «отверженного».

Такое общение наиболее распространено у некоторых категорий профессиональных преступников (карточных игроков, «наперсточников», мошенников) и используется для зашифрованной информации партнерами по преступному промыслу. При этом используются наиболее естественные позы, жесты, мимика, положение глаз, которые не могут вызвать подозрения у жертвы. Особое место занимают манипуляции с сигаретой во время карточной игры. Положение сигареты во рту, способы затягивания и выпуска дима, положение сигареты в руке, способы встряхивания пепла являются основными источниками информации во время карточной игры.

Визуальные средства общения широко распространены и среди осужденных из числа глухонемых. Преступления, совершенные этой категорией лиц, характеризуются особой жестокостью, полным пренебрежением к своей и чужой жизни. Это объясняется особенностями формирования личности, проистекающими от глухоты: из-за запаздывания речевого развития у таких людей медленнее и хуже развиваются абстрактное мышление, воображение, память, система моторного торможения. Все это существенно влияет на формирование личности.

Способы тайного визуального общения разных преступных групп среди осужденных необходимо целенаправленно и глубоко исследовать, так как это важно для прогнозирования его развития и для лучшего понимания субкультуры осужденных. Научившись распознавать жесты, используемые в среде осужденных, и не только, можно безошибочно определять намерения, мысли и чувства окружающих.

Условные звуковые сигналы в виде постукивания, щелчков и свистов также используются осужденными для взаимной связи и обмена информацией. Эти сигналы не имеют самостоятельной и общепризнанной системы и чаще всего существуют в виде узкогрупповой системы сигналов. Хотя существует и ряд общепринятых сигналов взаимодействия, например азбука Морзе или специальные числовые таблицы, используемые осужденными в следственных изоляторах и в исправительных учреждениях. Режимные ограничения в местах лишения свободы стимулируют осужденных на развитие нелегальных способов общения, порой очень изощренных и хитроумных.

В среде осужденных в местах лишения свободы существует тайное письменное общение («почта»), которое «работает» надежно и оперативно. Нелегальная «почта» организует и объединяет преступный мир, обеспечивает ему жизнестойкость, позволяет противостоять правоохранительным органам. Так, при переводе осужденного из одного исправительного учреждения в другое, не зная заранее, когда именно и куда его направляют, оставшиеся через одну или две недели узнавали о его новом месте отбывания наказания и организовывали преследование, если он предал их интересы.

Осужденные, содержащиеся в следственных изоляторах, пенитенциарных учреждениях, зная, что их корреспонденция подлежит цензуре, используют легальную переписку для передачи зашифрованной информации преступного содержания. Используется и другой способ тайного письменного общения – передача писем по нелегальным каналам через посредников (лиц, перемещаемых из одного места лишения свободы в другое, освобождающихся осужденных, сотрудников учреждений уголовно-исполнительной системы и т.д.). Передаваемая таким способом информация может быть как кодированной, так и некодированной. Содержание писем шифруется с помощью иносказаний, химических способов письма (молоко, моча, луковый сок, специальные химические препараты и т.д.), специально разработанных шифров.

Нелегальные письменные сообщения «воров в законе» («малявы» или «ксивы») обязательно подписываются составителем. У каждого «вора в законе» есть своя подпись, которая заранее известна адресату (например, указываются первая буква имени и клички автора письма). Если письма носят характер «инструкции» («воровские постановки»), то их подписывает группа лиц, от имени которых они составлены. Необходимо отметить, что такие письма являются своего рода охранными грамотами. Связника с таким письмом никто не имеет права обидеть или притеснить, наоборот, все осужденные обязаны оказывать ему содействие.

В условиях следственных изоляторов и тюрем для передачи информации широко применяются так называемые «кони» – нитки и веревки, натянутые между окнами камер и даже между отдельными корпусами. Кроме того, записки с информацией выстреливаются из специальных приспособлений (духовых трубок), передаются по трубам канализации.

В последнее время в исправительных учреждениях среди осужденных большое распространение получило использование различных радио- и сотовых телефонов для осуществления связи с волей. Основными пользователями такой связи являются «авторитеты» преступного мира.

В условиях лишения свободы нелегальное письменное общение используют, как правило, осужденные, нарушающие режим содержания, склонные к совершению преступлений. Каналы тайного письменного общения бывают индивидуальными и групповыми. Изучение тайной переписки осужденных открывает большие возможности для изучения законов преступного мира, глубинных процессов, происходящих в преступной среде, а также для раскрытия преступ-

лений, совершенных осужденными, не только в местах лишения свободы, но и на воле.

Самостоятельными элементами субкультуры осужденных являются клятвы и проклятия.

Клятва – данное осужденным слово, которое необходимо сдержать. Клятвы в преступном мире носят бескомпромиссный и зачастую суровый характер. Этим достигается укрепление сплоченности криминальной группы. Лица, не выполняющие данные ими клятвы, как правило, переходят на низшие ступени (часто в категорию «отверженных») в неформальной иерархии осужденных.

Клятвы условно можно разделить на следующие группы:

– общие клятвы, когда лицо клянется следовать преступным традициям, не вступать в состав самодеятельных организаций осужденных, не иметь никаких дел с правоохранительными органами и т.д.;

– частные клятвы, когда поклявшийся должен исполнить данное им обещание по конкретному делу, например, вовремя отдать карточный долг;

– проверочные клятвы, когда в ответ на обвинение в допущенном «нарушении» обвиняемый клянется своей честью и своим положением, что он не допустил нарушения преступных традиций.

Проклятие – словесное пожелание кому-либо несчастья, неудач, потери здоровья и т.д. Цель проклятия – нанесение личности проклинаемого моральной, психологической и нравственной травмы. Проклинается обычно не только лицо, которому желают всяческих бед, но его родственники, в особенности мать. Чаще всего проклятия выражаются в грубой нецензурной форме. Обмен проклятиями в преступном мире – это не просто словесная дуэль. Это действительно психологическая борьба, в которой один из проклинающих должен одержать победу. К лицу, проигравшему поединок проклятий (обычно они проходят при свидетелях), каких-либо санкций не применяется, но в то же время положение проигравшего осужденного может изрядно пошатнуться.

Существуют основные правила состязаний в проклятиях:

– отвечать на проклятия может только равный равному согласно неформальному делению осужденных на категории (например, «мужик» - «мужику», «отверженный» – «отверженному»); отвечать на проклятия осужденного, занимающего более высокий статус, нельзя;

– победу одерживает тот, кто на проклятия противоположной стороны отвечает быстрее, логичнее и виртуознее;

– поражение в состязании обмена проклятиями не всегда, но зачастую в дальнейшем ведет к снижению статуса осужденного в преступной иерархии.

Непременным элементом субкультуры осужденных являются их традиционные развлечения и игры: «репетиции судов», «соревнование вшей», «погоня за крысами», игры в карты, кости, нарды и т.д. Традиция арестантских игр передается из поколения в поколение и, сохраняя местное своеобразие, приобрела достаточно устойчивые черты. Многие из этих игр связаны с причинением физической боли.

Приведем примеры некоторых игр осужденных.

«Велосипед». Спящему осужденному между пальцев ног закладывается бумага, вата или тряпка и поджигается. «Балалайка» – то же самое, но между пальцами рук. Человек начинает трясти руками, как бы играя на балалайке.

«Сапог». Обувь привязывают к наиболее болезненным местам спящего и ставят ему на грудь. Сбросив обувь, он причиняет себе боль.

«Самосвал». На постель осужденного ставится или над постелью подвешивается кружка с водой. Стоит пошевелиться – и сам обливаешь себя водой.

Существуют и другие игры осужденных: «Киршин портрет», «На оленях прокатить», «Игра в ложки и банки». Они, как правило, связаны с ограниченными возможностями жизни в пенитенциарных учреждениях и ценностными ориентациями. В сообществе лиц, отбывающих наказание, для иерархической диагностики, помимо признания криминального профессионализма и исправного следования предписаниям уголовных традиций и обычаев, важной является способность к стойкому перенесению страданий.

Но особое место занимают в пенитенциарных учреждениях картежные игры. Еще в XVII веке тюремному персоналу было предписано не позволять арестантам «зернью и в карты играть»¹. Нам сложно представить себе осужденного – профессионального преступника, не владеющего основными приемами и не знающего правил таких карточных игр, как «бура», «очко», «рамс», «сека», «стос» и «терц». Такие старинные русские забавы укоренились в местах лишения свободы еще в начале 30-х годов. В этот период и начали писаться «законы» карточной игры (это не правила игры).

Карты стали вершителями судеб осужденных. За одну ночь они делали богачами и разоряли, калечили и убивали, делали «отверженными». В них продолжают играть и сейчас, ибо обязаны это делать. Авторитет в преступном мире приходит к осужденному вместе с карточным фартом, если осужденный не «игрок», то в лучшем случае «мужик». Счастливая карта, удачная игра выступают нередко в роли судьбы.

Результаты игры во многом определяют статус лица в неформальных отношениях, его материальное состояние, жизнь и честь.

Осужденным всегда нужно играть на интерес, иначе это «западло». На кон ставят деньги, табачные изделия, спиртное, предметы туалета, одежду, иногда и жизнь человека. Играть можно и в долг – «под ответ». В этом случае оговаривается срок, когда долг будет погашен. Обманывать партнера – себе же во вред. В случае непогашения должника объявляют «фуфлыжником», жестоко избивают или «опускают», насильно наносят татуировки, указывающие, что осужденного «опустили» именно за карточные долги: карточные масти на ягодицах. В настоящее время должников нередко обязывают совершать преступления или выступать в роли виновного в совершении преступления («громоотвода»). Широкое распространение получила также практика «перенесения долга», когда проигравший осужденный в данном сеансе карточной игры расплачивается с выигравшим суммой долга, которую был должен ему другой осужденный. При этом согласие последнего не требуется.

¹ Сергиевский И. Д. Наказание в русском праве 17 в. – цит. по: Гернет М.Н. Право и жизнь. М., 1923. № 3.

Колода карт¹ изготавливается вручную из подручных средств: картона, листов бумаги и мыльного раствора. В жилых помещениях и камерах у осужденных, как правило, имеется несколько колод карт – для добровольной сдачи сотрудникам ИУ в случае их требования – сдать карты. С развитием карточной полиграфии кустарный промысел уходит в прошлое, в ИУ незаконно стали поступать фабричные колоды на 52 карты, которые годятся для всех карточных игр осужденных.

Игры на интерес являются инструментом и давления, и шантажа, и расправы с неудобными. Любые игры между осужденными порождают в большинстве своем конфликтные ситуации в их среде, разрешение которых связано с насилием над личностью.

Особое место в криминальной субкультуре осужденных занимает криминальный фольклор. В местах лишения свободы по-прежнему распространено так называемое «блатное» творчество – «блатные» песни, стихи и поговорки. Возникновение и распространение этого феномена — явление сложное и многоаспектное. Эта область субкультуры осужденных получила довольно широкое распространение не только в криминальной среде, но и в обществе в целом.

Особенно она характерна для осужденных молодого возраста, которые посредством такого творчества самоутверждаются. Знание этого творчества – необходимый элемент «образования» преступника.

«Тюремная лирика», в основном, представлена песнями, хотя в последнее время некоторое распространение получили и стихи. Авторы этих песен и стихов установить, как правило, невозможно, поэтому все они воспринимаются как народное творчество.

«Тюремная лирика», вероятно, не представляет собой никакой литературной ценности, но, на наш взгляд, очень ярко и контрастно характеризует состояние человека, его психологическое состояние в условиях лишения свободы. И это очень заметно по текстам, имевшим хождение в среде осужденных. Характерно, что по этим текстам можно однозначно отметить, что женщины-осужденные как натуры более эмоциональные, чем мужчины, тяжелее переживают изоляцию, и, по мнению медиков, невозможность нормальной половой жизни способствует проявлениям различных половых извращений, что характерно и для осужденных – мужчин, хотя и в меньшей степени.

Анализ произведений осужденных, отбывающих наказание в исправительных учреждениях, дает основания утверждать, что некоторым, в особенности старинным лирическим песням и романсам преступного мира, свойственна не только глубокая, порой без чувства меры и вкуса эмоциональность, но иногда и поэтичность, а описательный характер, безысходность, обреченность судьбы, ее непреодолимость концентрируются в трагизме. В «тюремной лирике» воспеваются культ личной независимости, свободы воли и стремления к ней, взаимовыручки и мести.

Экзотический «блатной» песенный мир не только вобрал нравственные начала собственно «блатных», но и выразил какие-то стороны мира народного.

¹ Колоду карт осужденные именуют «библией», «святцей» или «колотушкой».

«Посмотрите, – пишет Абрам Терц. – Тут все есть. И наша исконная, волком воющая грусть, тоска – попеременно с диким весельем, с традиционным же русским разгулом... И наш природный максимализм в вопросах и попытках достичь недостижимого. Бродяжничество. Страсть к переменам. Риск и жажда риска... Вечная судьба – доля, которую не объедешь. Жертва, искупление...»¹.

Безусловно, этот пласт криминального творчества неоднозначен: он притягивает своей откровенностью и романтичностью, простотой изложения и правдивостью, горьким лиризмом и эпичностью, но и отталкивает жестокостью и цинизмом, грубостью и примитивизмом, воспеванием норм преступной жизни, бравадой «воровским законом», использованием жаргонных выражений и т.п.

Язык «тюремной лирики» чрезвычайно богат, и хотя рифма зачастую отсутствует, это компенсируется искренностью, ироничностью, лексической оригинальностью и необычным построением фраз.

«Блатные» песни и стихи популярны не только в среде преступников и осужденных, но и среди вполне законопослушных граждан. Это объясняется их сочностью, выразительностью текстов и возможностью приобщиться к «блатной» романтике, к «запретному» плоду.

В песнях и стихах, относящихся к «блатному» творчеству, можно выделить следующие основные моменты:

– отношение к матери (глубоко уважительное, хотя в реальной жизни это не совсем так);

– отношение к женскому полу вообще (как правило, отрицательное);

– отношение к преступной деятельности (как правило, жизненные обстоятельства заставили автора встать на преступный путь по не зависящим от него причинам);

– отношение к представителям власти и правоохранительным органам в частности (исключительно злобное, отрицательное);

– отношение к представителям преступной среды (как правило, стремящееся оправдать их поступки; сострадание и жалость).

Кроме того, к «тюремной лирике» можно отнести различные истории, якобы имевшие место в том или ином исправительном учреждении, в которых осужденные как действующие лица выглядят умнее и сообразительнее, чем сотрудники правоохранительных органов, а последние являются, как правило, «дураками». Наиболее известным из этих мифов является миф о том, как один сообразительный осужденный соорудил из бензопилы минивертолет, с помощью которого на глазах у сотрудников исправительного учреждения перелетел через все ограждения.

По мнению И.А. Александровой, поскольку представители современной российской финансово-экономической и политической элиты являются в своей значительной массе выходцами из криминального или теневого бизнеса, то становится понятным, что те духовные ценности, которые навязываются ими обществу в виде модных, имеют во многом криминальный или полукриминальный оттенок. М. Шуфутинский, М. Круг, М. Шелег, С. Наговицин, А. Ке-

¹ Цит. по: Фольклор и культурная среда ГУЛАГа. СПб., 1994. С.9-10.

меровский, И. Кучин, группы «Лесоповал» и «Амнистия-2» и прочие «апостолы» отечественного «блатного искусства» много сделали для того, чтобы в сознании россиян внедрились приоритеты сладкой «блатной» жизни. Формирование менталитета постсоветской буржуазии неразрывно связано с возведением в моду, т.е. соблазнением, приданием притягательного вида их прошлым криминальным привычкам, традициям, обычаям.¹

В условиях отсутствия цензуры, деформации нравственных ценностей, правового нигилизма происходят настоящая идеологическая интервенция, незаметное, а часто открытое прививание обществу антисоциальных ценностей, создание положительного образа преступника в аудио-, видеопроодукции на радио и телевидении. Налицо воспевание преступника в произведениях «блатной» музыки, которые идеализируют «воровскую» жизнь, и целенаправленная дискредитация правоохранительных органов и их представителей как корыстных, жестоких, тупых людей, которым противопоставлены удачливые и обаятельные преступники (вещание петербургского радио «Петроград – Русский Шансон» практически полностью посвящено данной тематике). В своем сборнике «блатных» песен «Песни узников» В.Ф. Пентюхов не скрывает, что «люди, вращающиеся в преступной среде, найдут для себя полные тексты любимых песен, не вращающиеся познакомятся поближе с людьми с улицы, окунутся в мир их мечтаний, переживаний, деяний и тоже останутся довольными этими открытиями»².

¹ Александрова И.А. Мода и преступность. Н. Новгород: НЮИ МВД РФ, 1999. С.87.

² Пентюхов В.Ф. Песни узников. Красноярск: Офсет, 1995. С.4-5.

ГЛАВА 3.

БОРЬБА С ТЮРЕМНОЙ СУБКУЛЬТУРОЙ В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ

§ 1. Меры специальной превенции в отношении главных носителей преступных традиций

В последнее время в учреждениях уголовно-исполнительной системы Минюста России активизировалась противоправная деятельность лидеров преступной среды и группировок осужденных отрицательной направленности. Особое место среди них занимают так называемые «воры в законе», являющиеся носителями преступной идеологии, организаторами преступлений. Указанная категория лиц обладает широкими межрегиональными и коррумпируемыми связями как на свободе, так и в учреждениях уголовно-исполнительной системы. Они направляют свои усилия на консолидацию противоправной деятельности, подкуп представителей администрации учреждений. «Воры» и другие лидеры преступной среды оказывают негативное влияние на состояние оперативной обстановки в следственных изоляторах и исправительных учреждениях. Под их влиянием в местах лишения свободы провоцируются массовые неповиновения и другие противоправные эксцессы, сопровождающиеся выдвижением различных противозаконных требований к администрации исправительных учреждений¹. Анализ поступающей в ФСИН Минюста РФ информации свидетельствуют об ослаблении в исправительных учреждениях работы с указанной категорией осужденных.

Администрации некоторых учреждений предпочитают «не конфликтовать» с «ворами в законе» и другими лидерами преступной среды, а зачастую прибегают к их «услугам» для поддержания видимого порядка в ИУ и урегулирования конфликтов среди осужденных. Подобного рода порочная практика ведет к росту авторитета «воров в законе», усилению их противоправной деятельности, фактическому подкупу администрации учреждений. В результате в ряде исправительных учреждений и следственных изоляторов допускаются послабления в режиме содержания для этих лидеров², укрываются преступления, а администрация самоустраняется от повседневного контроля за лицами данной кате-

¹ Так, в сентябре 2002 г. лидер уголовно-преступной среды Астраханской области Хайрутдинов, по кличке Печник, находясь на свободе, организовал в одном из следственных изоляторов г. Астрахани акцию протеста, выразившуюся в отказе от приема пищи, в которой приняли участие 346 человек, или около 50% от всех лиц, содержащихся в учреждении. Был выдвинут ряд требований, противоречащих действующему законодательству, а именно: разрешить лицам, содержащимся под стражей, постоянно хранить в камерах тарелки, иметь посуду для приготовления пищи, принимать от родственников медикаменты без назначения врача, устанавливать на стенах камер предметы для отправления религиозных обрядов, разрешить получать в посылках и передачах литературу, минуя библиотеку учреждения.

² Например, в тюрьме № 2 г. Владимира осужденному Б., причисляющему себя к так называемой категории «вор в законе», по кличке Костыль, были созданы условия для установления межкамерных связей в учреждении, а также каналов поступления к нему различных запрещенных предметов и нелегальной переписки, в том числе и из других исправительных учреждений.

гории. В нелегально распространяемых «ворами в законе» списках¹ эти учреждения указываются и характеризуются как «правильные», «воровские» и т.д.

В связи с вышеизложенным одной из неотложных задач по стабилизации оперативной обстановки в исправительных учреждениях является предотвращение влияния на их деятельность сообщества «воров в законе». «Воры» поставили себя над законами государства, стараясь подчинить своей жизни «по понятиям» не только остальных осужденных, но и администрацию пенитенциарных учреждений. Организованные ими преступные группы многочисленны и имеют разветвленную структуру, занимаются сбором «общака» и предпринимают попытки его доставки в места лишения свободы под видом гуманитарной помощи через контролируемые коммерческие структуры² и попытки давления на представителей администрации учреждений путем подкупа и угроз.

Еще КГБ СССР, который располагал наиболее достоверными фактами о криминальной ситуации в стране, была подготовлена первая программа борьбы с профессиональной и организованной преступностью. Эта программа включала в себя:

1) административный оперативный контроль над «воровскими авторитетами», лидерами различных преступных группировок, изоляцию их от молодежи в специально отведенные колонии;

2) декриминализацию незначительных правонарушений, за счет чего сокращалось количество лиц, отправляемых в места лишения свободы; пересмотр уголовных дел, которые имели признаки незаконного осуждения; реформирование исправительно-трудовых учреждений;

3) надежный финансовый контроль;

4) борьбу с рэкетом силами местных органов самоуправления;

5) создание единой информационной системы по преступности;

6) выработку специального законодательства по борьбе с профессиональной и организованной преступностью;

7) создание специального органа по борьбе с организованной преступностью по типу ФБР.³

Практически ни один из пунктов этого плана не был воплощен в жизнь.

Вместе с тем сотрудниками исправительных учреждений накоплен определенный опыт в работе с главными носителями преступных традиций.

Здесь необходимо вспомнить и использовать накопленный опыт борьбы с «ворами в законе» в бывшем СССР в послевоенные годы вплоть до начала 60-х годов. В этот период велась активная борьба с группировками «воров», в результате которой был наработан комплекс мероприятий по их разложению «изнутри».

¹ «Правильные» учреждения, в частности, следственные изоляторы, которые расположены в следующих городах России: Иркутск, Екатеринбург, Тюмень, Владимир, Омск, Рязань, Казань, Калининград, Улан-Удэ и Москва. Имеются даже конкретные номера учреждений.

² Например, осенью 2002 г. один из лидеров уголовно-преступной среды Оренбургской области намеривался передать гуманитарную помощь от контролируемых им фирм отдельным лицам, содержащимся под стражей в следственном изоляторе № 1 г.Оренбурга. После отказа в приеме гуманитарной помощи 280 (около 30 %) подозреваемых отказались от приема пищи.

³ Александров Ю.К. Очерки криминальной субкультуры. М., 2001. С.29.

В своих исследованиях уголовного мира А.А. Сидоров описывает указанный период следующим образом: «60-е годы проходят под знаком подавления “воровского движения” и поиска новых форм исполнения наказаний... К 80-м годам был накоплен богатый опыт по так называемому “разобщению отрицательно настроенной части осужденных”. Была разработана методика стравливания различных уголовных группировок в местах лишения свободы, внесения раздоров в сообщество “путевых”...»¹.

В 80-х годах в Пермской области в г.Соликамске на базе транзитно-пересыльного пункта был создан профилактический центр – учреждение АМ – 244/6 для исполнения наказаний в виде лишения свободы в отношении «воров в законе» и других лидеров преступной среды, у населения и среди самих осужденных больше известный как «Белый лебедь» («белый» – по цвету силикатного кирпича, из которого он построен, «лебедь» – последняя (лебединая) песня). Данный центр создавался с целью проведения работы по разложению среды уголовно-бандитствующих элементов. Этот центр состоял из единых помещений камерного типа (ЕПКТ) на 240 мест², в которое направлялись со всего Усольского УЛИТУ (Управление лесных исправительно-трудовых учреждений) лидеры отрицательных группировок, «воры в законе» и «сочувствующие» им осужденные: отказчики от работы, организаторы азартных игр, активные гомосексуалисты и другие злостные нарушители режима.

В дальнейшем подобные учреждения были созданы в восьми УЛИТУ. В результате оперативная обстановка в подразделениях кардинально изменилась в сторону улучшения: прекратились всевозможные притеснения, разборки, укрепилась трудовая дисциплина, сократилось количество преступлений, совершаемых осужденными, лучше стали работать самодеятельные организации осужденных.

Анализ накопленного опыта работы в Усольском УЛИТУ по нейтрализации деятельности «воров в законе» и других лидеров преступной среды в исправительных учреждениях позволил нам выделить следующие его главные составляющие:

- 1) надежное оперативное прикрытие «вора в законе» и его окружения;
- 2) создание таких условий отбывания наказания, которые бы вынуждали «вора» нарушить «воровской закон»;
- 3) подрыв доверия к «ворам» со стороны других членов «воровского сообщества», его окружения и основной массы осужденных на основании имеющихся компрометирующих данных;
- 4) постоянный сбор информации о личности «вора в законе» и его деятельности (выявление слабых и сильных качеств его характера, поиск компрометирующих его сведений, в том числе по месту жительства и в прежних местах отбывания наказания);

¹ Сидоров А.А. Великие битвы уголовного мира. История профессиональной преступности Советской России. Кн. 2. Ростов-н/Д.: МарТ, 1999. С.355-360.

² Белая книга России. Франкфурт-на-Майне; М., 1994. С.124.

5) проведение воспитательной и оперативно-профилактической работы по разоблачению и осуждению «воровской» идеологии;

б) закрепление полученных результатов в форме письменного отречения «вора в законе» от «воровской» идеологии и организация его выступления в средствах массовой информации.

Последнюю из указанных мер еще в 50-х годах рекомендовали применять сотрудникам исправительных учреждений сами «воры». Так, бывший «вор в законе» С. Соляников на этот счет высказал следующее: «Первое, что важно предпринять в борьбе с уголовно-преступным элементом в местах заключения, – это радикально дорезать и выкорчевать среди “воров” их воровской преступный “закон”. Порвать их липкую непосредственную связь, которая опутала весь преступный мир и держит его под невиданной данью. Если мы освободим воров-рецидивистов от их лжезаконности, то мы раз и навсегда покончим с зарождением мастей в преступном мире. Освободим и избавим весь рабочий контингент мест заключения от грабежей и физического насилия со стороны воров-рецидивистов»¹.

Реакция преступного мира в ответ на такую акцию правоохранительных органов не заставила себя долго ждать: на «сходке» было принято решение лишать «воров в законе», отбывших наказание в профилактических центрах, этого «звания», так как при отбывании наказания многие из них в силу объективных причин дискредитировали этот «высший титул». Основная дискредитация титула происходила в результате действия социальных закономерностей «естественного» отбора среди самих «воров», а также целенаправленных мероприятий, проводимых администрацией по развенчанию авторитета «воров в законе».

Некоторыми практическими работниками и учеными в качестве превентивной меры, направленной на недопущение вступления осужденных в «воровской орден», предлагается брать у впервые поступающих осужденных в исправительные учреждения письменное обязательство не нарушать требование режима, которое в последующем могло бы быть использовано в качестве источника, компрометирующего их при попытке «короноваться».

Однако позднее «воровское сообщество» осознало, что приняло необдуманное решение, так как «воры» в те времена жили за счет совершения преступлений и через определенное время вновь осуждались и оказывались именно в «Белом лебеде». Поняв это, «генералы» преступного мира внесли изменение в первоначальное решение: «вором в законе» оставался тот, кто не «сломался» во время нахождения в профилактическом центре, то есть в среде равных себе сумел занять положение лидера.

Данный факт наглядно показывает, что криминальная среда в целях своего сохранения приспосабливается к изменяющейся политике государства в области борьбы с преступностью. «Воровское сообщество» также не лишено этого качества, какими бы консервативными ни являлись нормы «воровского закона». Указанное обстоятельство необходимо учитывать в современных услови-

¹ Цит. по: Кузьмин С. Организованные преступные группировки в местах лишения свободы // Преступление и наказание. 1995. № 5. С.41-42.

ях, когда произошло становление новой формации «воров в законе», то есть изменились значения понятий «вор» и «закон».

Реформатором таких изменений стал «вор в законе» + Черкасов, по кличке Черкас, по предложению которого было внесено несколько серьезных изменений в «устав воровского сообщества», в том числе и по поводу дачи подписок. «Раз “менты” пытаются сломить “воров” при помощи подписок, требуя письменного отказа от преступной деятельности, применяя для этого физическое воздействие и стремясь раздавить непокорных, – разумнее всего идти им навстречу и давать такие подписки! Ведь еще в старом “законе” существовала норма “слово, данное «фраеру» или «менту», ничего не стоит”». В конце 70-х годов в Киеве на многочисленной «сходке» «воров в законе» все эти изменения были возведены в норму «закона»¹.

Поэтому сегодня теряет свою актуальность практика принуждения «воров в законе» и других осужденных к совершению некоторых дискредитирующих действий с точки зрения «воровского закона»: дача письменного обязательства не нарушать установленный режим отбывания наказания, дача письменного объяснения по какому-либо поводу и т.д.

Среди осужденных в местах лишения свободы недавно появилось новое неформальное правило «от мента не запаadlo», то есть разрешение на совершение некоторых запрещенных действий по принуждению администрации. «Воры», давшие письменные объяснения в одном пенитенциарном учреждении, пользуются прежним авторитетом при отбывании наказания в другом.

Это еще лишний раз показывает, что преступный мир в целях выживания приспосабливается к изменяющимся условиям; исходя из этого, необходимо постоянно совершенствовать старые и искать новые методы развенчания «воров».

Меры специальной превенции в отношении «авторитетов» преступного мира – «воров в законе» в местах лишения свободы, как нам представляется, целесообразно рассматривать в двух направлениях:

1) правовом – совершенствование уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства и практики ее применения с целью пресечения «воровского влияния» в местах лишения свободы;

2) организационном:

а) предупреждение их негативного влияния на других осужденных;

б) проведение работы администрацией исправительных учреждений по развенчанию существующего авторитета «вора в законе» перед осужденными.

Действующие нормы уголовного закона не позволяют привлекать к уголовной ответственности «воров в законе» за их «организаторскую» и «управленческую» деятельность. Здесь имеется в виду разработка «ворами» своей общей преступной стратегии и тактики действий в исправительных учреждениях, выражающейся в издании ими «воровских постановок» и «обращений» к определенным категориям осужденных. В них содержатся указания, как относиться к политике государства в области борьбы с преступностью, в частности, в ее

¹ Сидоров А.А. Великие битвы уголовного мира. История профессиональной преступности Советской России. Книга 2. Ростов-на-Дону: МарТ, 1999. С.347-350.

уголовно-исполнительной сфере, к администрации пенитенциарных учреждений, активу осужденных; о создании «общаков», наказании осужденных, допустивших, с позиции «тюремных» законов, те или иные проступки, координации взаимодействия группировок, придерживающихся преступных традиций на основе принимаемых на «сходках» решений, осуществлении судебных функций, связанных с разбором конфликтов между членами сообщества и другими осужденными.

Не созданы реальные правовые гарантии защиты свидетелей, потерпевших и иных участников уголовного процесса в отношении «воров в законе» и их ближайшего окружения, а также безопасности сотрудников правоохранительных органов, осуществляющих борьбу с преступностью. Подвергаясь преследованию со стороны «воров» и их окружения, свидетели и потерпевшие, особенно из числа осужденных в местах лишения свободы, не дают показаний, стараясь избежать неблагоприятных для себя последствий.

Кроме того, не ослабевает давление на администрацию пенитенциарных учреждений со стороны «воров в законе», предпринимаются попытки установления в учреждениях преступных традиций, противодействия законным требованиям администрации. Практически повсеместно прослеживается тенденция возросшей поддержки отбывающих наказание «воров» благодаря их связям на свободе.

Федеральный закон Российской Федерации от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»¹ дает определение понятию «экстремистская деятельность» (экстремизм).

Отдельные положения данного определения экстремизма включают в себя и действия, осуществляемые «ворами в законе» в местах лишения свободы: захват или присвоение властных полномочий, осуществление массовых беспорядков, хулиганских действий по мотивам идеологической, политической, расовой, национальной или религиозной ненависти либо вражды, а равно по мотивам ненависти либо вражды в отношении какой-либо социальной группы и т.д.

Однако правовой оценки данные действия со стороны правоохранительных органов не получают, так как отсутствует конкретная уголовно-правовая норма, предусматривающая ответственность вышеуказанных лиц за перечисленные деяния.

Указанные обстоятельства, безусловно, приводят к негативным последствиям. Осужденные, отбывающие наказание, не проявляют активности в пресечении правонарушений в исправительных учреждениях. Поэтому назрела необходимость совершенствования уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства в этом направлении.

Признавая исключительно важную роль права и необходимость дальнейшего совершенствования законодательства в борьбе с «ворами в законе» в исправительных учреждениях, мы вместе с тем понимаем, что его возможности не безграничны. Поэтому наряду с правовыми мерами мы придаем важное значение и организационным мерам борьбы с «ворами» в местах лишения свобо-

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30. Ст.3031.

ды, не дожидаясь того времени, когда произойдет экономическое, социальное и нравственное оздоровление общества.

Предупредительную работу в отношении указанной категории осужденных следует начать до их поступления в исправительное учреждение, так как информация об этапировании «вора в законе» в данное учреждение заблаговременно поступает осужденным до его прибытия.

После поступления в исправительное учреждение осужденный, имеющий статус «вора в законе», обязан «объявиться», то есть оповестить о своем прибытии. К такому поступку обязывает «вора» «воровской» закон, согласно которому с первых дней пребывания в исправительном учреждении он обязан «поставить воровское положение», иными словами, осуществить так называемое «размораживание» учреждения.

В результате выполнения своих «функциональных» обязанностей «вор» вынужден вступать в конфликт с администрацией учреждения, вследствие чего на него налагаются меры взыскания, предусмотренные уголовно-исполнительным законодательством. В то же время общий срок нахождения «вора в законе» в карцере или штрафном изоляторе является показателем его авторитета среди осужденных.

Таким образом, нахождение «вора в законе» в местах лишения свободы вынуждает его испытывать определенные ограничения, степень которых отличается и зависит от того, каким считается учреждение – «красным» или «черным».

В деятельности исправительных учреждений, где администрация реально руководит жизнью и процессом исправления осужденных, просматривается нетерпимое противодействие ко всякого рода проявлениям преступных традиций, а также к осужденным, предпринимающим действия по возрождению или укреплению их среди других осужденных. По этой причине некоторые «воры в законе» в местах лишения свободы скрывают свое истинное положение в преступном мире¹. Такое поведение «вора в законе» не находит поддержки и среди осужденных, поэтому указанная категория «воров» до своего освобождения из исправительного учреждения остается на положении «сухаря» и не пользуется должным уважением.

Отсюда вытекает вывод, что одной из мер специальной превенции в отношении главных носителей преступных традиций в местах лишения свободы будет являться деятельность администрации исправительных учреждений, при которой перечисленные осужденные не могли бы выполнить первейшее к ним требование «воровского» закона – «объявиться». Администрация ИУ должна свести к минимуму возможность получения осужденными информации о прибытии в учреждение «вора», а также проводить работу по дезинформации об этом среди осужденных.

При этапировании «вора в законе» из следственного изолятора в ИУ, по нашему мнению, обязательно размещать его отдельно от других осужденных с

¹ По «воровским» понятиям эти лица становятся «сухарями», то есть «ворами», умолчавшими о своем статусе в исправительных учреждениях и уклоняющимися от выполнения «функциональных» обязанностей, установленных для них «воровским законом».

целью исключения возможности установления его личности и контакта с другими этапирруемыми. Конструкция современных автозаков и спецвагонов позволяет это сделать. Это положение находит свое правовое регулирование в ч.2 ст.76 УИК РФ¹. Указанная норма предоставляет администрации СИЗО и ИУ право на решение вопроса о раздельном перемещении некоторых категорий осужденных по своему усмотрению. Но нам хотелось видеть указанную норму в следующей редакции: «Перемещение осужденных под конвоем осуществляется с соблюдением правил раздельного содержания... приговоренных к смертной казни; осужденных, относящихся к лидерам преступной среды (так называемых «воров в законе» и иных «авторитетов»)».

Процедура приема «вора» в исправительном учреждении должна производиться исключительно в индивидуальном порядке, отдельно от других осужденных. В период проведения карантинных мероприятий «вора» следует также размещать отдельно от остальных прибывших осужденных.

При решении вопроса о распределении «вора в законе» в отряд (камеру) единого мнения среди специалистов нет. Здесь возможны два варианта:

- 1) размещение в отряде (камере), где собраны лидеры группировок отрицательной направленности;
- 2) размещение в обычном отряде (общей камере).

Администрации ИУ, в основном, считают необходимым размещать «воров» по первому варианту. Но здесь следует создавать локальный отряд с целью исключения контакта и воздействия этих осужденных на других осужденных (по подобию отрядов со строгими условиями содержания).

В этом случае в данной общности будут действовать социально-психологические закономерности, характерные для микросреды осужденных. Среди «авторитетов» произойдет своя стратификация: выделится лидер, появятся и исполнители его воли. Исполнители в силу таких условий отбывания наказания, соответственно, вынуждены совершать действия, порочащие их социальный статус.

Это объективный «естественный» отбор, который невозможно «отменить», но он будет проявляться лишь при условии совместного содержания осужденных, имеющих равный неформальный статус.

Рассмотрим следующий вариант размещения «вора в законе», то есть в обычном отряде (камере) с осужденными, относящимися нейтрально к преступному миру. Этот вариант теоретически обусловлен возможностью положительного влияния группы на индивида. Но, как показывает практика, а также учитывая личностные характеристики и организационные способности «воров», осужденные, отбывающие наказание в этом отряде, сами подпадают под их влияние. Это свидетельствует о том, что пока не будет обеспечена личная безопасность осужденных в местах лишения свободы в условиях тюремной субкультуры, говорить о возможности какого-либо влияния на «вора в законе» со стороны других осужденных нереально.

Поэтому, чтобы пресечь влияние «воровского ордена» на деятельность

¹ Статья 76 УИК РФ «Перемещение осужденных к лишению свободы».

ФСИН, исключить дальнейшее распространение в исправительных учреждениях преступных традиций, необходима надежная изоляция «воров в законе» и их ставленников от общей массы осужденных. Для этих целей необходимо выделить несколько тюрем, куда бы они направлялись сразу же после вступления приговора в законную силу. Другого пути решения проблемы на сегодня просто не существует, так как создание специальных колоний по видам режима для «воров в законе» и их окружения себя не оправдало.

В настоящее время в местах лишения свободы в качестве мер взыскания к осужденным широко используются единые помещения камерного типа (ЕПКТ)¹. Направление в эти помещения «воров в законе» и иных «авторитетов» преступного мира позволяет хотя бы временно нейтрализовать их влияние на других осужденных. Кроме того, и сами «воры» оказываются в более суровых условиях. Находясь в исправительных колониях и пользуясь поддержкой части осужденных, они чувствуют себя гораздо вольготнее².

В ЕПКТ они оказываются в условиях, исключающих возможность ведения паразитического образа жизни. Процесс развенчания «воров» ускоряет активное и целенаправленное воздействие на них со стороны сотрудников оперативной службы³. Развенчание авторитета «вора» и его окружения предусматривает доведение до широкого круга осужденных сведений о несостоятельности «политики» этих лиц, вредности их деятельности и незаконности следования их призывам.

По нашему мнению, реализация названного приема должна включать в себя следующие мероприятия:

1) информирование основной массы осужденных о фактах необоснованного избиения, поборов, вымогательства и паразитического существования за счет других осужденных;

2) демонстрацию фактической неспособности лидеров выполнять взятые на себя обязательства в таких вопросах, как обеспечение безопасности членов группы, снабжение извне запрещенными предметами, ограждение от вмешательства администрации ИУ во «внутренние» вопросы осужденных;

3) действия негласного аппарата из числа осужденных, направленные на пересмотр неформальных норм поведения с наибольшими негативными последствиями (например, утверждение своей правоты путем совершения преступления, установление процентов на карточный долг после истечения установленного срока уплаты и др.);

4) публичное самоосуждение своей преступной деятельностью лидерами, пользующимися авторитетом и доверием среди осужденных.

В то же время ЕПКТ не позволяют полностью решить данную проблему, поскольку «воров в законе» по истечении установленного срока приходится

¹ Статья 115 УИК РФ «Меры взыскания, применяемые к осужденным к лишению свободы».

² Кузьмин С. Организованные преступные группировки в местах лишения свободы // Преступление и наказание. 1995. № 5. С.41.

³ Так, в ЕПКТ, действующем в Усольском УЛИТУ, с 1990 по 1995 годы было развенчано и скомпрометировано 118 «воров в законе» и иных лидеров преступной среды (см.: Кузьмин С. Организованные преступные группировки в местах лишения свободы // Преступление и наказание. 1995. № 5. С.40).

возвращать в учреждения соответствующих видов и авторитет тех, кто не сложился в необычных условиях, стремительно возрастает. В этом случае возникает обратный эффект: не порвавший с сообществом «вор» в среде осужденных приобретает ореол мученика, сильной личности.

Не приносят эффекта увеличение применения администрацией к «ворам в законе» мер взысканий в виде водворения в ШИЗО, перевода в ПКТ. Подобные меры фактически способствуют укреплению авторитета «вора», вызывают у многих осужденных уважение и сострадание к нему. Из нарушителя режима «вор в законе» превращается в борца за справедливость, за интересы осужденных и «воровскую идею».

В настоящее время у администрации исправительных учреждений появилась нормативная база для решительной активизации борьбы с «ворами». Основная роль в этом принадлежит созданным в колониях локально-профилактическим участкам¹. Изучение практики работы ЛПУ показывает, что наиболее эффективными являются те, где достигается максимальная изоляция содержащихся в них лиц от основной массы осужденных².

В то же время следует отметить, что заслуживает осуждения практика, в соответствии с которой в ЛПУ стали помещаться осужденные, злостно отказывающиеся от работы или склонные к употреблению спиртных напитков и наркотиков. Как нам представляется, более целесообразно помещать их в ШИЗО, ПКТ или переводить на тюремный режим. В ЛПУ же должны содержаться только «воры в законе» и их ближайшее окружение. Помещение сюда осужденных иных категорий обесценивают саму идею создания локально-профилактических участков.

У изолированных в ЛПУ «воров» должно быть только три перспективы:

- 1) идейный отход от «воровского закона» и возвращение в зону в качестве «отошедшего»;
- 2) перевод в ЕПКТ до конца отбытия срока наказания;
- 3) перевод в тюрьму до конца отбытия срока наказания по приговору суда.

Таким образом, как нам представляется, пока «неразвенчаные» «воры в законе» и другие «авторитеты» преступного мира из ЕПКТ и тюрем будут возвращаться в колонии, проблему нейтрализации их влияния на основную массу осужденных невозможно решить.

Также необходимо создать в правоохранительных органах (МВД, ФСБ, ФСИН Минюста РФ) единые банки данных в отношении «воров в законе», на основании которых запрещать въезд на территорию России «воров», являющихся гражданами иностранных государств, поскольку они представляют опасность в криминогенном отношении. В случае обнаружения таких лиц на территории России их следовало бы депортировать из страны в установленном законом порядке.

С целью ослабления влияния «воров в законе» и их окружения на законо-

¹ Далее для сокращения – ЛПУ.

² С этой точки зрения идеальным является ЛПУ, функционирующее в Ивдельском УЛИУ, созданное на базе бывшей внутренней тюрьмы.

послушных граждан, особенно из числа молодежи, очень важно исключить пропаганду романтики преступного образа жизни в средствах массовой информации. Обществу нужны произведения, телепередачи, фильмы, которые показывали бы, какой колоссальный вред наносят «воры» и их ближайшее окружение нашему социуму, как они нравственно уродуют подрастающее поколение, принявшее на веру «романтику» преступного мира.

§ 2. Борьба с тюремной субкультурой в исправительных учреждениях

Этимологическое значение слов «борьба» и «бороться» означает стремление к победе, уничтожению и искоренению чего-либо¹.

Следовательно, конечной целью любой борьбы является победа, в данном случае уничтожение преступных традиций как социальных явлений. Но для этого надо ликвидировать преступность полностью. В настоящее время тезис о возможности ликвидации преступности в обозримом будущем уже не провозглашается. Здесь вполне уместно высказывание Х.Д. Аликперова: «... опыт человечества свидетельствует о том, что преступность как вечный его спутник является неотъемлемой частью любого человеческого общества – существовавшего и существующего»².

Поэтому термин «борьба» с преступными традициями мы применяем в смысле максимально возможного ограничения функционирования этих негативных феноменов в местах лишения свободы, сведения их к такому уровню, при котором они перестанут быть угрозой личной безопасности осужденных, способной подорвать устои нашего общества, повернуть его развитие вспять.

Проблема борьбы³ с негативными проявлениями преступных традиций на осужденных, отбывающих наказание в пенитенциарных учреждениях, не исчерпывается только мерами предупредительного воздействия на ее главных носителей. Попытки бороться с этим явлением путем изоляции профессиональных преступников в специальные учреждения к окончательному успеху не приводят. Сама жизнь, практика деятельности исправительных учреждений свидетельствуют о том, что через некоторое время появляются новые неформальные авторитеты и восстанавливаются прежние порядки.

Нам представляется целесообразным выделить пять основных направлений борьбы с преступными традициями среди осужденных в исправительных учреждениях:

– максимально ограничить применение наказания в виде лишения свободы, тем самым исключив вхождение новых осужденных в сферу действия преступных традиций;

– необходимо отменить арест как вид уголовного наказания, так как указанный вид наказания не является альтернативой лишению свободы;

¹ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка / Российская АН; Российский фонд культуры: 2-е изд., испр. и доп. М.: АЗЪ, 1995. С.54.

² Аликперов Х.Д. Преступность и компромисс. Баку, 1992. С.16-17.

³ Нейтрализовать (кого, что) – сделать (делать) нейтральным (см.: Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. С.398).

– создать правовую базу, включающую в себя позитивные ценностные ориентации лиц, лишенных свободы, которая явится своеобразным противовесом системе их искаженных ценностных ориентаций;

– сформировать сильные самодеятельные организации осужденных к лишению свободы, способные противостоять влиянию лидеров преступной среды;

– кардинально изменить внутреннюю суть и идеологию исправительных учреждений уголовно-исполнительной системы, дальнейшее развитие которых должно идти в направлении переориентации их в центры социальной реабилитации (реформатории).

Современная отечественная уголовно-исполнительная доктрина исходит из возможности не только ограничить преступные устремления человека путем его изоляции, но и исправить его или во всяком случае предотвратить его возможное в будущем преступное поведение.

Наказание в виде лишения свободы, как отмечал Н.А.Стручков, невозможно оценивать однозначно, ибо оно имеет и позитивные, и негативные аспекты¹. Следует четко уяснить, что самые изощренные формы изоляции правонарушителей не отменяют субкультурных отношений среди них.

Немало и вполне обоснованных мнений о целесообразности сокращения практики применения наказаний, связанных с изоляцией индивида от общества, высказанных педагогами, психологами, юристами и криминологами. Так, известный норвежский ученый Нильс Кристи утверждает: «Необходимо постоянно разъяснять обществу, что тюрьма более провоцирует рост преступности, чем сдерживает его»². Подобной позиции придерживается и видный отечественный криминолог Г.Ф.Хохряков. Он пишет: «Изоляция человека от общества объективно приводит к негативным последствиям... Общество пока не придумало ничего другого, что могло бы заменить этот вид наказания. Но оно должно осознать его ущербность»³. Цитирование специалистов, которые высказываются за сокращение сроков изоляции осужденных от общества и расширения практики наказаний, не связанных с лишением свободы, можно было бы легко продолжить⁴.

Увеличивая сроки наказания, общество способствует концентрации преступников в исправительных учреждениях, оздоравливая тем самым обстановку в обществе. Между тем именно такая концентрация способствует не только их консолидации и формированию возможных преступных групп, но и росту количества преступлений в метах лишения свободы и за ее пределами.

Тюрьма – не лекарство, с помощью которого можно покончить с преступностью, и не панацея от всех криминальных бед. Через систему исправительных учреждений проходит огромное количество людей, и необходимо четко определиться: кого следует лишать свободы, изолировать от общества, а кого

¹ Стручков Н.А. Курс исправительно-трудового права. Проблемы общей части. М., 1984. С.18-19.

² Тюремная реформа в странах бывшего тоталитаризма // Материалы международной конференции. Вып.1. М., 1993. С.27.

³ Хохряков Г.Ф. Парадоксы тюрьмы. М., 1991.С.6.

⁴ См., напр.: Кларк Р. Преступность в США / пер. с английского. М.,1975. С. 167; Гальперин И.М., Ратинов А.Р. Социальная справедливость и наказание // Советское государство и право. 1986. № 10. С.71.

нет. Цель – не нанести непоправимый вред человеку, который может искупить вину и без изоляции, и не нанести ущерб обществу, отторгая от него людей, не представляющих общественной опасности, не допустить консолидации криминалитета.¹

Очевидно, что лишение свободы не должно быть первостепенной санкцией за совершенное преступление. Из этого следует, что надо широко применять альтернативные виды наказания. Отличительной чертой вновь принятого УК РФ является то, что в нем впервые закреплено положение, согласно которому более строгий вид наказания из числа предусмотренных по данной статье суду предписывается избирать в том случае, если менее строгий не способен обеспечить достижение целей наказания. В то же время, несмотря на достаточное количество видов наказаний, установленных уголовным законом, как для взрослых, так и для несовершеннолетних, судебные органы испытывают серьезные проблемы при их назначении.

Как свидетельствует судебная практика применения уголовных наказаний, из 13 видов наказаний для взрослых фактически применяются только семь, причем некоторые из них имеют тенденцию к снижению применения. Следовательно, почти половина системы наказаний не работает.

Вместе с тем, как показывает проведенный нами анализ, результаты судебно-правовой реформы на современном этапе сделали наказания в виде ареста и ограничения свободы, предусмотренные уголовным законодательством, устаревшими и неправильными. Суть ареста, то есть содержание осужденного в условиях строгой изоляции сроком от 1 до 6 месяцев, фактически не может быть альтернативой лишению свободы, а, наоборот, становится самым жестким видом наказания. Кроме того, требуются огромные денежные средства (около 80 миллиардов рублей), которые необходимы для строительства арестных домов и исправительных центров.

Поэтому мы полагаем, что такое положение дел неприемлемо и абсолютно неправильно для нашего государства. В связи с этим, с нашей точки зрения, необходимо отменить арест как вид уголовного наказания и восстановить такой вид уголовного наказания, как ссылка.

Тем более государство не в состоянии обеспечить этим людям ни нормальные условия содержания, ни последующую социальную реабилитацию. Следствием этого становится разрушение семей, ухудшение здоровья населения, морального климата в обществе.

По инициативе Президента Российской Федерации В.В. Путина был принят Федеральный закон от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации», называемый «101 поправка Президента». Этот Закон вносит 101 поправку в УК РФ. Его цель – дальнейшая либерализация, гуманизация уголовной политики в целом, смягчение мер уголовной ответственности и наказания для тех, кто совершил преступление впервые, небольшой и средней тяжести. Смягчаются наказания за мно-

¹ Калинин Ю.И. Задачи, стоящие перед уголовно-исполнительной системой, будут выполнены // Преступление и наказание. 2003. № 4. С.14.

гие преступления небольшой и средней тяжести, как правило, устранен нижний предел санкции (в некоторых статьях снижен и верхний предел), при этом следует обратить внимание на то, что минимальный предел наказания в виде лишения свободы снижен до двух месяцев (раньше по закону он составлял шесть месяцев). Расширено применение наказаний в виде штрафов, то есть возросло количество преступлений, за совершение которых человека подвергнут штрафу. По новому закону опасным и особо опасным рецидивом будут признаваться только случаи при совершении виновным тяжкого преступления. Вслед за этим последовали изменения в Уголовно-процессуальном и Уголовно-исполнительном кодексах РФ.

Для нейтрализации наиболее негативных проявлений преступных традиций среди осужденных особое значение имеет дальнейшее смягчение уголовно-исполнительного законодательства. Для этого необходимо снять непродуманные и необоснованные запреты и ограничения, вызывающие протесты осужденных и их озлобление. Нежелание подчиняться формальным нормам ведет к поиску осужденными справедливости в неформальных нормах и неформальных группах в исправительных учреждениях. Отсюда следует, что осужденные всегда будут пытаться любыми способами изменить некоторые положения действующего законодательства. С целью недопущения этого необходимо, во-первых, смягчить условия отбывания наказания до разумных пределов, во-вторых, разъяснить спецконтингенту необходимость сохранения тех ограничений, которые служат целям исправления преступников¹.

Более того, необходимо изменить отношение персонала пенитенциарных учреждений к осужденным. Ни для кого не секрет, что в настоящее время многие сотрудники пенитенциарных учреждений продолжают видеть в осужденных людей последнего сорта, которых можно только презирать. В формировании и распространении преступных традиций среди осужденных в исправительных учреждениях такое отношение сотрудников играет самую отрицательную роль. В последнее время сотрудники исправительных учреждений активно критикуются гуманистами, борцами за права человека, средствами массовой информации: их проклинаят и оплевывают. Но здесь надо уяснить следующее. Во-первых, в ближайшие годы места лишения свободы не исчезнут, возможно, даже возрастут в количественном отношении. Во-вторых, на работу с осужденными не пойдут самые лучшие и способные люди нашего общества. Сегодняшняя система ФСИН Минюста РФ подвергает своих сотрудников практически лишению свободы, снабжая общество невротиками, алкоголиками, бытовыми наркоманами и прочими больными, которых оно приносит в жертву обществу ради его спокойствия и благополучия. В то же время само государство в лице его законодателя не очень-то заботится о своих «санитарах» (низкая заработная плата, жилищно-бытовая неустроенность, отсутствие психологической помощи и т.д.). Никто не считает этих людей равными и уважаемыми гражданами страны, которые спасают наше общество от страха и насилия ценой собственного

¹ Антонян Ю.М., Верещагин В.А., Калманов Г.Б. Тюремная субкультура и нейтрализация ее негативных проявлений // Государство и право. 1996. № 10. С. 72-79.

заточения. В обществе их называют «тюремщиками». Загнав преступников в места лишения свободы, государство обрекает на лишения и невзгоды неповинных людей, работающих в этой службе ФСИН, заставляя их постоянно находиться в условиях несвободы, ради того, чтобы за их счет общество позволяло себе роскошь не знать о своих издержках. Надежда вырваться из этих условий есть у осужденных по отбытии наказания, хотя и не абсолютная, но не у сотрудников исправительных учреждений. Вместе с тем никто не обращал внимания на то, что сотрудники пенитенциарных учреждений исподволь подвергались и до сих пор подвергаются угнетающему воздействию не только всей обстановки работы, но и постоянного общения с представителями преступного мира. На самом деле, они добровольно заключаются в исправительные учреждения и зарешеченные кабинеты, где проводят по 20-25 лет, после чего выходят на пенсию, если доживают до нее. Следовательно, надо подумать об условиях, в которых работают те, кто исправляет оступившихся членов нашего общества.

У уголовного наказания «лишение свободы» есть еще одно отрицательное последствие, которое обычно выпадает из поля зрения. Среда мест лишения свободы заражает не только осужденных, но и тех, кто с ними работает. Сотрудниками успешно усваиваются и культивируются преступные традиции, которые и без того процветают среди осужденных в исправительных учреждениях (заражение речи тюремным жаргоном, распространение традиции татуирования, использование сотрудниками «блатных» санкций в решении своих профессиональных задач и т.д.). Неволя развращает тех и других. Нередко работники исправительных учреждений ожесточаются, а то и просто теряют человеческий облик. Печально, но факт: психические состояния у осужденных и представителей администрации во многом совпадают¹. Все они там подключены к общей сети высокого напряжения, заметил один из психологов, изучавший жизнь в местах лишения свободы. Надо признать, что в настоящее время исправительные учреждения, подобно палке, имеют два конца, один из которых ударяет по обществу и, в первую очередь, по той его части, которая представлена работниками пенитенциарных учреждений. В данном случае наше общество платит двойную цену, и при этом очень дорогую.

Неоспорим тот факт, что чем больше будет доверия и сотрудничества между администрацией ИУ и осужденными, тем прочнее там будут правопорядок и законность, следовательно, успешнее будет нейтрализовано влияние «тюремных» законов. Администрация пенитенциарных учреждений в глазах осужденных во многом олицетворяет общество и закон, следовательно, налаживание с ней полезных связей способно активно формировать надлежащее правосознание у последних.

Необходимым условием преодоления негативных проявлений преступных традиций среди осужденных является совершенствование воспитательной работы как в целом, так и на индивидуальном уровне с использованием достижений современной психологии и педагогики. К сожалению, пока такая работа

¹ Хохряков Г.Ф. Парадоксы тюрьмы. С.7.

малоэффективна, хотя психологические службы в исправительных учреждениях уже созданы.

Следует также выделить еще два основных момента, связанных с нейтрализацией негативных проявлений преступных традиций в местах лишения свободы.

Первое – это формирование сильной самодеятельной организации осужденных к лишению свободы¹, способной противостоять влиянию «блатных». Некоторые практические работники считают, что эти формирования бесполезны и нецелесообразны. Однако практика показала, что их упразднение и ликвидация неизбежно приводят к усилению влияния преступных «авторитетов» и расширению сферы применения неформальных норм, действие которых отрицательно отражается на оперативной обстановке в ИУ, хотя и может иногда создаваться видимость соблюдения формальных законов. В исправительных учреждениях, в которых фактически ликвидированы данные организации, необходимо принять меры по их восстановлению, поскольку они являются одной из основных преград на пути влияния преступных традиций среди осужденных. При этом особое внимание следует уделять вовлечению в состав самодеятельных организаций осужденных молодежного возраста. Только возродив действительно здоровый актив среди осужденных в исправительных учреждениях, можно вести решительную борьбу против «воровской» идеологии, преступных традиций и добиваться успехов в ресоциализации подавляющего большинства осужденных к лишению свободы. О возможности эффективно решать эту проблему свидетельствует предшествующий опыт функционирования исправительных учреждений.

Второе направление связано с установлением некоего равновесия сфер влияния нейтрально настроенных осужденных вместе с самодеятельными организациями и отрицательных неформальных лидеров. Правильность такого подхода, ориентированного на сотрудничество. Так, более 62% осужденных вне зависимости от вида ИУ считают справедливой существующую структуру неформальных отношений в местах лишения свободы, но наряду с этим говорят о необходимости бороться с ее отрицательными проявлениями.

Необходимо постепенно осуществлять выравнивание сфер влияния между авторитетными осужденными нейтральной и отрицательной направленности с целью вытеснения последних. Основанием построения сбалансированного взаимодействия между лидерами самодеятельных организаций и отрицательными неформальными лидерами является распределение ключевых мест на производстве и в быту.

В производственной сфере это, прежде всего, нарядчик и бригадир, особенно в цехах или бригадах, которые занимаются изготовлением товаров широкого потребления. Их продукция становится своеобразной валютой в отношениях между осужденными, средством отчисления в «общак» и т.п. В быту – это заведующий столовой, баней, клубом, библиотекой и т.п. В условиях, когда

¹ Ст. 111 УИК РФ «Правовая регламентация деятельности самодеятельных организаций осужденных к лишению свободы» и приказ ГУИН Минюста России от 14 июля 1999 г. № 253 «Об утверждении Положения о порядке формирования и деятельности самодеятельных организаций осужденных в исправительной колонии уголовно-исполнительной системы Министерства юстиции Российской Федерации».

больше половины осужденных не заняты на производстве, распределение ключевых мест приобретает особое значение. Выравнивание сфер влияния позволяет осуществлять взаимный контроль на уровне межгрупповых отношений в бригаде и отряде и располагать необходимой информацией о состоянии взаимодействия осужденных на производстве и в быту. Вытеснение отрицательных лидеров позволит организовать быт и производство в соответствии с законом.

В «тюремных» законах осужденных имеются нормы, которые мало чем отличаются от норм свободных людей. Ныне нейтрально настроенные осужденные считают, что соблюдение «тюремных» законов становится как бы предпочтительней, чем соблюдение формальных норм. Незащищенность с помощью формальных норм является основным моментом негативных проявлений преступных традиций.

Если реально смотреть на обстановку в местах лишения свободы, ни один осужденный в исправительном учреждении и следственном изоляторе не напишет заявление с просьбой о привлечении виновного к уголовной ответственности, так как он связан неформальными законами тюремного мира, которые в категорической форме запрещают потерпевшим от насильственных действий обращаться за содействием к администрации. За нарушение данного запрета заявитель может понести суровые наказания или даже быть убит.

Уголовно-процессуальное законодательство в принципе предусматривает выход из указанной ситуации¹, разрешая прокурорам возбуждать уголовные дела и при отсутствии жалобы, если потерпевший в силу беспомощного состояния, а также по иным причинам не в состоянии защищать свои права и законные интересы.

Но данное право в практической деятельности прокуратуры не используют, этим и объясняется наличие отказных материалов, хотя именно нахождение осужденного в изоляции от общества в окружении далеко не лучших ее представителей свидетельствует о том, что он по тем или иным причинам не в состоянии защищать свои права и интересы. «Авторитеты» уголовного мира и их «приближенные» всегда были солидарны в отвержении тех, кто оказал содействие правоохранительным органам, этого требуют от них преступные традиции.

Потерпевшие из числа осужденных не в состоянии использовать свои права, они постоянно испытывают давление со стороны осужденных, придерживающихся преступных традиций, и угрозы при осуществлении предварительного расследования и судебного разбирательства.

Выходом из создавшегося положения могло бы быть дополнение текста ст. 45 УПК РФ следующим: «Для защиты прав и законных интересов потерпевших, содержащихся в следственных изоляторах и отбывающих наказания в виде лишения свободы в исправительных учреждениях, к обязательному участию в уголовном деле привлекаются их законные представители в лице начальников этих учреждений».

¹ Статьи 20,21,147 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации «Виды уголовного преследования», «Обязанность осуществления уголовного преследования», «Возбуждение уголовного дела частного публичного обвинения».

По нашему мнению, все это будет способствовать достижению целей уголовного наказания, предотвратит давление на потерпевших, устраним будущие конфликты среди осужденных. Недооценка общественной опасности побоев и истязаний весьма опасна. Безнаказанное нанесение побоев и легкого вреда здоровью провоцирует осужденных к совершению более тяжких преступлений, вплоть до убийства.

В современных условиях повышение профилактической функции уголовного закона и защита личности являются приоритетными в уголовном праве России. Провозглашенные Конституцией России право человека на жизнь и обязанность государства обеспечить условия безопасной жизни обязывают к поиску новых форм обеспечения и защиты этих прав. Высказываются мнения, что традиционные формы, существующие в Уголовном кодексе, в последнее время не дают необходимой эффективности¹. Выносятся предложения о совершенствовании статей Уголовного кодекса, устанавливающих уголовную ответственность за произвольное лишение жизни человека².

Необходимо обратить внимание на тот факт, что состояние безопасности осужденных, их защищенность от физического и психического насилия со стороны других осужденных самым непосредственным образом зависят от состояния режима и дисциплины в исправительном учреждении. Практика показывает, что как только ухудшается режим, сразу же ухудшается дисциплина осужденных, растет число употреблений спиртных напитков, наркотиков, а вместе с этим учащаются случаи физических расправ в среде осужденных.

Приемлемость осужденными тех или иных мер безопасности и их эффективность можно показать на примере результатов нашего исследования.

По оценкам сотрудников ИУ, 29,3% считают, что личная безопасность осужденных будет обеспечена только в том случае, если он своевременно обратится за защитой к администрации ИУ. Однако лишь 24,7% осужденных намерены сделать это. Большая же их часть (70,9%) предпочитают сами отстаивать свою личную безопасность доступными способами, поскольку не верят в эффективность мер безопасности, регламентируемых в законодательстве. Следовательно, это может привести к дополнительному росту насильственных преступлений в ИУ.

При сравнительном сопоставлении мнения осужденных и сотрудников об эффективности конкретных мер безопасности выявлено расхождение во взглядах на ту или иную меру безопасности. Это говорит о том, что эффективного результата не будет, если не совпадают внутренняя оценка меры безопасности осужденных и оценка лицом, применяющим эту меру безопасности.

Приведем результаты мнения сотрудников и осужденных по отдельным мерам обеспечения личной безопасности осужденных:

- перевод в безопасное место – на результативность данной меры указали 60,2% сотрудников и 14,1% осужденных;

¹ Кальченко Н.В. Право человека и гражданина на жизнь и его гарантии в РФ: автореф. дисс. ...канд. юрид. наук. СПб.: Санкт-Петербургский ун-т, 1995. С. 6.

² Захаров Н., Малков В. Право на жизнь // Преступление и наказание. 1995. № 5. С. 12-19.

- перевод из одной колонии в другую – эту меру считают эффективной 41,3% сотрудников и 38,4% осужденных;

- перевод из отряда в отряд в пределах ИУ – как эффективную эту меру выделили 4,1% сотрудников и 8,9% осужденных;

- временное этапирование из ИУ (в больницу, СИЗО и т.п.) – на данную меру указали 9,2% сотрудников и 10,7% осужденных.

Вместе с тем следует обратить внимание, что 16,4% осужденных все имеющиеся меры обеспечения безопасности считают неприемлемыми и не надеются, что эти меры могут обеспечить им личную безопасность на длительное время. Осужденные уверены (9,3%), что все вопросы своей безопасности в ИУ можно решить посредством «авторитетов» и лидеров преступной среды.

Положение, при котором более 2/3 осужденных в вопросах обеспечения личной безопасности надеются лишь на свои силы, обусловлено частично недоверием к администрации ИУ (25,1% осужденных от случая к случаю вступают в конфликты с представителями администрации, 22,7% осужденных конфликтуют с сотрудниками, которые, на их взгляд, предъявляют незаконные требования к ним). Но основная причина – это неверие, что администрация исправительных учреждений имеет возможность применить эффективную меру обеспечения личной безопасности или перевести осужденного в безопасное место на оставшийся срок наказания.

При реализации положений ст. 13 УИК РФ¹, по мнению сотрудников исправительных учреждений, возникают существенные проблемы: нет специально приспособленных помещений (указали на это 56,8% сотрудников); малый срок изоляции осужденных (придерживаются данного мнения 19,1% сотрудников); зачастую осужденные отказываются от изоляции добровольно, что приводит к поиску дополнительных причин для осуществления изоляции осужденного (выделили 20,7% сотрудников).

Состояние личной безопасности осужденного во многом зависит от его поведенческих установок в процессе общения с другими осужденными и сотрудниками. Сфера общения осужденных, субкультура их среды во многом остаются вне правового регулирования законодательством государства.

Исследованием подтверждено, что сфера исправительных учреждений – специфическая социальная сфера, в которой личность человека находится под постоянным воздействием ряда негативных факторов, вызывающих «разрушительные» и часто необратимые изменения личности: ухудшение здоровья, негативные процессы в психике, нравственном и интеллектуальном состоянии человека; общую десоциализацию личности осужденного и т.д. Указанные негативные изменения личности осужденного находятся в прямой зависимости от времени пребывания в условиях среды мест лишения свободы: чем больше срок лишения свободы, тем более ярко выражены «разрушительные» изменения личности осужденного.

Перейдя в третье тысячелетие, человечество должно твердо и решительно отказаться от той системы исправительных учреждений, которая пришла к нам

¹ Статья 13 УИК РФ. «Право осужденных на личную безопасность».

из XIX века.

В новом качестве это должна быть не тюрьма, а место лишения свободы¹: территория, изолированная от внешнего мира, как некий анклав, окруженный рубежами технических средств охраны, располагающий мобильными силами для контроля и защиты границ анклава. Его территория должна представлять собой поселок городского типа, состоящий из четко выраженных микрорайонов, в которых размещаются осужденные, классифицируемые не только по медицинским, но и по криминологическим показателям: первичные, рецидивисты, профессионалы. В общих чертах это поселок со своей инфраструктурой, самоуправлением и экономикой, обеспечивающий свою жизнедеятельность, имеющий как сельскохозяйственное, так и индустриальное производство. Характер производства организуется с целью создания условий, в которых осужденный должен не только зарабатывать себе на прожиточный минимум, но и, в первую очередь, компенсировать ущерб, нанесенный преступлением, которое он совершил. Все осужденные, водворяемые в условия лишения свободы этого городка, с самого первого дня пребывания в нем должны содержаться за собственный счет, а не за деньги налогоплательщика. Это потребует не только организации бытовых услуг, но и создания промышленного и сельскохозяйственного производства, условий для труда ремесленников и т.п., чтобы с самого начала заложить прочный фундамент экономической стабильности городка.

Почему бы нашему обществу не выделить какую-либо территорию и не построить специальный городок, в котором лишь малый сектор, микрорайон будет построен для того, чтобы в условиях строгой и сверхстрогой изоляции от общества, а не друг от друга содержать осужденных, но в нормальных человеческих условиях.

Вместе с тем высокий удельный вес тяжких и особо тяжких преступлений в России не позволит в полном объеме использовать имеющуюся систему наказаний, не связанных с изоляцией от общества. По-видимому, лишение свободы еще долгое время будет занимать центральное место в карательной практике нашего государства. При этом важными задачами исправительных учреждений останутся обеспечение личной безопасности лишенных свободы, их ресоциализация и невключение в преступную субкультуру.

Учитывая сложность данной проблемы, мы остановились лишь на некоторых ее моментах. Требуется серьезное совершенствование всей правоохранительной системы и уголовно-исполнительной в частности. Однако это не просто, многочисленные попытки государства решить данную проблему пока успеха не имели. Кроме того, требуется самым решительным образом запретить пропаганду преступных традиций, преступного образа жизни в средствах массовой информации, в кино, по радио, телевидению, со сцены и т.д. Нужна государственная политика, ориентированная на развенчание «блатной» романтики, идеологии и морали.

¹ Тэсс Л.В. Воры: «в законе» и прочие... Кн. 2. Рига, 1997. С. 204.

В итоге выделим следующие основные направления борьбы с исследуемыми явлениями.

1. Для пресечения влияния «воровского ордена» на деятельность исправительных учреждений необходима надежная изоляция «воров в законе» и их ставленников от общей массы осужденных.

2. С целью исключения вхождения новых осужденных в сферу действия преступных традиций следует шире применять другие виды уголовных наказаний, не связанных с лишением свободы.

3. Организовать работу самодеятельных организаций осужденных в пениitenciарных учреждениях таким образом, чтобы противопоставить ее влиянию лидеров преступной среды.

4. Обеспечить гарантии личной безопасности осужденных от посягательства лиц, придерживающихся преступных традиций.

5. Сфера общения осужденных в местах лишения свободы, субкультура их среды во многом остаются вне правового регулирования законодательством государства, и поэтому, перейдя в третье тысячелетие, человечество должно твердо и решительно отказаться от той системы исправительных учреждений, которая пришла к нам из XIX века.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ изложенного материала дает основания для формулирования выводов и предложений, имеющих значение для развития теории уголовной, уголовно-процессуальной, уголовно-исполнительной и криминологической наук, совершенствования деятельности исправительных учреждений по снижению и устранению негативного влияния преступных традиций и их «хранителей» на других осужденных, а также предупреждения преступности в местах лишения свободы.

Проведенное исследование позволило сделать ряд теоретических выводов, которые сводятся к следующим основным положениям.

1. Преступные традиции – это исторически сложившиеся, повторяющиеся и сохраняющиеся модели и стереотипы сознания, отношений, поведения и деятельности преступников, основанные на их совокупном криминальном опыте, практике и субкультуре, передаваемые последующим поколениям преступников. Возникнув на почве преступности, преступные традиции являются ее вечными спутниками.

2. Преступные традиции можно условно классифицировать на отдельные группы по определенным основаниям:

- по способу регулирования отношений;
- по направленности действия;
- по функциональному назначению;
- по степени общности.

3. Исправительные учреждения, выступая частью общества, во многом определяются его историческим развитием. С момента создания пенитенциарные учреждения являются основными рассадниками преступных традиций, где происходят их зарождение, проверка и шлифовка, после чего они распространяются «на воле».

4. Противоправная и антиобщественная деятельность «авторитетов» современного преступного мира стала более конспиративной и гибкой, но в содержании не изменились ее сущность и виды. Современные преступные традиции стали менее категоричными, допускают более «свободное» поведение лиц, которые придерживаются их.

5. Преступные традиции среди осужденных в исправительных учреждениях являются устойчивыми и прочными социальными регуляторами поведения осужденных и охраняются не только силой мнения, как в других социумах, но и неформальными санкциями, в связи с чем обуславливают отдельные виды общественно опасных деяний, совершаемых в местах лишения свободы.

6. Преступные традиции в местах лишения свободы поддерживают в состоянии стабильности изначальную ориентацию «авторитетов» на ведение паразитического образа жизни, продуцируют самые разнообразные формы их противоправного поведения в исправительном учреждении.

7. Преступные традиции в определенной степени мифологизированы, так как их соблюдение зависит от конкретной ситуации, возраста, способа адапта-

ции и статуса лиц в конкретной среде осужденных, а также региональных особенностей места лишения свободы и стиля руководства администрации.

8. Преступные традиции порождают неформальное деление осужденных на касты, отличающиеся друг от друга по уровню привилегированности и степени участия во второй «теневой» жизни исправительного учреждения, в основе которого лежат идентификация и самоидентификация осужденного с преступным миром. Неофициальное деление осужденных на касты следует признать процессом естественным и объективным, который существует с момента создания пенитенциарных учреждений.

9. Разделение осужденных на касты способствует тому, что «блатные», действуя по принципу «разделяй и властвуй», за счет основной массы осужденных, «мужиков», достигают собственного благополучия и привилегий, одновременно подавляя очаги сопротивления такому произволу.

10. «Воры в законе» – это лица, которые получили высший статус в криминальной среде на «воровской сходке». Звание «вор в законе» – это и корона, и судейская мантия; его власть и авторитет непререкаемы, за неподчинение его воле осужденный или любой человек, скорее всего, лишится жизни. «Воры» – главные хранители, реформаторы и законодатели преступных традиций.

11. Тюремная субкультура (субкультура осужденных) – разновидность и структурный элемент криминальной субкультуры, которая сформировалась и сохраняется среди осужденных в местах лишения свободы. Субкультура осужденных имеет свою структуру, которая включает в себя такие основные элементы, как уголовный жаргон, татуировки, клички, невербальные средства общения, клятвы, развлечения и игры, криминальный фольклор («блатные» песни и поэзия).

12. К причинам и условиям, способствующим распространению тюремной субкультуры в исправительных учреждениях среди осужденных, следует отнести: делегирование функций администрации исправительного учреждения осужденным, отступление от законности в организации исправления осужденных в процессе исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы, а также слабую оперативно-профилактическую и надзорную работу с профессиональными преступниками.

Борьба с тюремной субкультурой должна быть, в первую очередь, связана с искоренением причин, условий ее распространения в пенитенциарных учреждениях, нейтрализацией влияния «хранителей» преступных традиций, непосредственно осуществляющих организаторские и идеологические функции в преступной среде.

Список использованной литературы

1. Абрамкин В.Ф. Как выжить в советской тюрьме: В помощь узнику / В.Ф. Абрамкин, Ю.А. Чижов. - М., 1996.
2. Аванесов Г.А. Криминология / Г.А. Аванесов. - М., 1984.
3. Аврутин Ю.Е. Преступность, общество, государство: проблемы социогенеза, опыт междисциплинарного теоретико-прикладного исследования: монография / Ю.Е. Аврутин и др. - СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2002.
4. Александров Ю.К. Тюремный закон / Ю.К. Александров. - М.: Правовое просвещение, 1999.
5. Александров Ю.К. Очерки криминальной субкультуры / Ю.К. Александров. - М.: Права человека, 2001.
6. Александрова И.А. Мода и преступность / И.А. Александрова. - Н. Новгород: НЮИ МВД РФ, 1999.
7. Аликперов Х.Д. Преступность и компромисс / Х.Д. Алексперов. - Баку, 1992.
8. Алферов Ю. А. Пенитенциарная социология. Аудиовизуальная диагностика (татуировки, жаргон, жесты): учебное пособие: в 2 ч. / Ю.А. Алферов. - Домодедово: РИПК МВД РФ, 1994. – ч.1.
9. Анисимков В. М. Тюремная община: «Вехи» истории: Историко-публицистическое повествование / В.М. Анисимков. - М.: Отечество, 1993.
10. Анисимков В.М. Традиции и обычаи преступного мира среди осужденных в местах лишения свободы: учебное пособие. - Уфа: УВШ МВД РФ, 1993.
11. Анисимков В.М. Криминальная субкультура: монография / В.М. Анисимков. - Уфа, 1998.
12. Анисимков В.М. Россия в зеркале уголовных традиций тюрьмы / В.М. Анисимков. - СПб.: Юридический центр Пресс, 2003.
13. Антонян Ю.М. Насилие среди осужденных / Ю.М. Антонян, И.Б. Бойко, В.А. Верещагин. - М.: ВНИИ МВД РФ, 1994.
14. Антонян Ю.М. Тюремная субкультура и нейтрализация ее негативных проявлений / Ю.М. Антонян, В.А. Верещагин, Г.Б. Калманов // Государство и право. - 1996. - № 10.
15. Астемиров З.А. Проблемы коллектива и личности осужденных в условиях ИТУ: учебное пособие / З.А. Астемиров. - Рязань: РВШ МВД СССР, 1975.
16. Багреева Е.Г. Субкультура осужденных и их ресоциализация: монография / Е.Г. Багреева. - М.: ВНИИ МВД РФ, 2001.
17. Базунов В. Не отрицать и не умалчивать (К вопросу о правовом регулировании поддержания социально полезных связей осужденными, отбывающими наказание в тюрьмах) / В. Базунов // Преступление и наказание. - 1998. - №8.
18. Балдаев Д.С. Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона / Д.С. Балдаев, В.К. Белко, И.М. Исупов. - М., 1992.
19. Балдаев Д.С. Татуировки заключенных: альбом / Д.С. Балдаев. - СПб., 2001.

20. Баранников А.П. Цыганские элементы в русском воровском языке / А.П. Баранников // Язык и литература. - Л., 1931. – Т.7.
21. Белогриц-Котляровский Л. О воровстве-краже по русскому праву: Историко-догматическое исследование / Л. Белогриц-Котляровский. - Киев, 1880. - Вып.1.
22. Белоус Г.Н. Особенности взаимодействия осужденных в местах лишения свободы / Г.Н. Белоус, В.А. Верещагин, А.И. Мокрецов // Личность преступника и исполнение уголовных наказаний: сб. науч. трудов. - М.: ВНИИ МВД СССР, 1991.
23. Блатная музыка. Словарь жаргона преступников. - М., 1923.
24. Блатная музыка. Словарь воровского языка. - М., 1927.
25. Бондалетов В.Д. Цыганизмы в составе условных языков // Язык и общество: сборник научных трудов Саратовского университета. - Вып.1. - Саратов, 1968.
26. Брейтман Г.Н. Преступный мир. Очерки из быта профессиональных преступников / Г.Н. Брейтман. - Киев, 1901.
27. Бронников А.Г. Татуировки осужденных, их классификация и криминалистическое значение / А.Г. Бронников. - Пермь, 1980.
28. Бронников А.Г. Российские вийоны / А.Г. Бронников, В.А. Майер. - М., 2001.
29. Быков В. Лидерство в преступных группах / В. Быков // Законность. - 1997. - № 12.
30. Вакутин Ю.А. Словарь жаргонных слов и выражений. Татуировки / Ю.А. Вакутин. - Омск, 1979.
31. Водолазский Б.Ф. Преступные группировки. Их обычаи, традиции, законы (прошлое и настоящее) / Б.Ф. Водолазский, Ю.А. Вакутин. - Омск, 1979.
32. Гернет М.Н. Преступный мир Москвы / М.Н. Гернет. - М.: Право и жизнь, 1924.
33. Гернет М.Н. В тюрьме: Очерки тюремной психологии / М.Н. Гернет. - М.: Право и жизнь, 1925.
34. Гернет М.Н. История царской тюрьмы / М.Н. Гернет. - 5 т., 2-е изд. доп. и пересм. - М.: Гос. изд. юрид. лит., 1951–1956.
35. Говард Дж. Худые обычаи в английских темницах / Дж. Говард // Театр судопроизводства, или чтение для судей и всех любителей юриспруденции. - М., 1791. Ч.4.
36. Горюнов В.Е. Татуировки кистей рук / В.Е. Горюнов. - Челябинск: Челябинский юридический институт МВД РФ, 1998.
37. Грачев М.А. «По фене ботаю – тюрьму схлопотаю» / М.А. Грачев. // Русская речь. - 1993. - № 4.
38. Гуров А.И. Профессиональная преступность: прошлое и современность / А.И. Гуров. - М.: Юрид. лит., 1990.
39. Гуров А.И. Красная мафия / А.И. Гуров. - М.: Самоцвет, МИКО «Коммерческий вестник», 1995.
40. Даль В.И. Условный язык петербургских мошенников, известный под

именем музыки или байкового языка / В.И. Даль // Вопросы языкознания. - 1990. - № 1.

41. Деев В.Г. Динамика общения осужденных / В.Г. Деев // Исправительно-трудовые учреждения. - М.: ВНИИ МВД СССР. 1980. №11.

42. Дикселиус М. Преступный мир России / М. Дикселиус, А. Константинов. - СПб., 1995.

43. Дорошевич В.М. Сахалин. Каторга / В.М. Дорошевич. - М.: Изд-во И.Д. Сытина, 1907.

44. Дубягин Ю.П. Краткий англо-русский и русско-английский словарь уголовного жаргона / Ю.П. Дубягин, Е.А. Теплицкий. - М.: ТЕРРА – TERRA, 1993.

45. Ельски А. Татуировка / А. Ельски; пер. с польск. Д.А. Подберезского. - М.: Мет, 1997.

46. Зубков А. «Воры» сами о себе / А. Зубков // Преступление и наказание. - 1997. - № № 2,5.

47. Карпов В.И. Творчество заключенных (рисунки, скульптуры и работы мастерских) / В.И. Карпов. - М.: Издательство НКВД, 1929.

48. Карышев В. Москва тюремная/ В. Карышев, Ф. Бутырский. - М., 1998.

49. Коган Я.М. Татуировки у преступников / Я.М. Коган. - Одесса, 1928.

50. Колокольчикова О.Н. Жаргон как средство латентного общения преступников / О.Н. Колокольчикова. - Домодедово, 1998.

51. Косулин В.Д. Искусство татуировки / В.Д. Косулин. - СПб.: Золотой век, Диамант, 1997.

52. Кулажников М.И. Право, традиции и обычаи / М.И. Кулажников. - Ростов-н/Д., 1972.

53. Кучинский А.В. Преступники и преступления. Законы преступного мира. Обычай, язык, татуировки: энциклопедия / А.В. Кучинский. - Донецк: Сталкер, 1998.

54. Лебедев С.Я. Антиобщественные традиции, обычаи и их влияние на преступность: учебное пособие/ С.Я. Лебедев. - Омск: Высшая школа милиции МВД СССР, 1989.

55. Ломброзо Ч. Новейшие успехи науки о преступнике / Ч. Ломброзо. - СПб., 1892.

56. Максимов М.М. Московские тайны. Рассказ сыщика. / М.М. Максимов. - М., 1862. - Ч. I.

57. Максимов С.В. Сибирь и каторга. Несчастные. / С.В. Максимов. - СПб., 1908. - Ч. I.

58. Малинин В.Б. Преступные профессии и тюремные касты в конце XIX – начале XX в. / В.Б. Малинин // Юридическая мысль. - 2001. - № 6.

59. Малинин В.Б. Профессиональная преступность в советский период / В.Б. Малинин // Юридическая мысль. - 2002. № - 1.

60. Малинин В.Б. Преступные профессии / В.Б. Малинин // Юридическая мысль. - 2002. - № 3.

61. Малинин В.Б. Появление «воров в законе» / В.Б. Малинин // Юриче-

ская мысль. - 2002. - № 5.

62. Малинин В.Б. «Воры в законе» кто они? / В.Б. Малинин // Юридическая мысль. - 2002. - № 7; 2003. № 2,3.

63. Малинин В.Б. Деятельность «воров в законе» в конце XX в. / В.Б. Малинин // Юридическая мысль. - 2003. № - 1.

64. Малинин В.Б. Тюрьма и зона – взгляд изнутри / В.Б. Малинин // Юридическая мысль. - 2003. - № 5; 2004. - № 1.

65. Мильяненко Л.А. По ту сторону закона: Энциклопедия преступного мира / Л.А. Мильяненко. - СПб.: ДиГ, 1992.

66. Михлин А.С. Ценностные ориентации осужденных. / А.С. Михлин, В.Ф. Пирожков. - Рязань: РВШ МВД СССР, 1975.

67. Моисеев Л. Без романтики: [О тюремном мире] / Л. Моисеев // Преступление и наказание. - 1993. - № 7.

68. Мокрецов А.И. Неформальная нормативная система в субкультуре осужденных / А.И. Мокрецов // Актуальные вопросы совершенствования законодательства и практики деятельности учреждений, исполняющих наказания, в условиях реформы уголовно-исполнительной системы. - М., 1996.

69. Пентюхов В.Ф. Песни узников / В.Ф. Пентюхов. - Красноярск: Офсет, 1995.

70. Пирожков В.Ф. Законы преступного мира молодежи (Криминальная субкультура) / В.Ф. Пирожков. - Тверь: ИПП «Приз», 1994.

71. Пирожков В.Ф. Криминальная субкультура: психологическая интерпретация функции, содержания, атрибутики / В.Ф. Пирожков // Психологический журнал. - 1994. - Т. 15. - № 2.

72. По неписанным законам улицы... - М.: Юрид. лит., 1991.

73. Поздняков В.И. Особенности неформальных взаимоотношений в среде осужденных и конфликты между ними / В.И. Поздняков, А.В. Усс // Социальные проблемы исправления и перевоспитания осужденных: Сборник научных трудов. - М.: ВНИИ МВД СССР, 1984.

74. Познышев С.В. Очерки тюремоведения / С.В. Познышев. - М., 1915.

75. Преступники и преступления. Законы преступного мира. 100 дней в СИЗО: энциклопедия. - Донецк: Сталкер, 1997.

76. Разинкин В.С. «Воры в законе» и преступные кланы / В.С. Разинкин. - М.: Криминологическая Ассоциация, 1995.

77. Свирский А.И. Мир тюремный. Очерки / А.И. Свирский. - СПб.: Издание А.Н. Морозова, 1898. – Т. 2.

78. Сидоров А.А. Великие битвы уголовного мира. История профессиональной преступности Советской России. Книга первая (1917-1940 гг.) / А.А. Сидоров. - Ростов-н/Д.: МарТ, 1999.

79. Сидоров А.А. Великие битвы уголовного мира. История профессиональной преступности Советской России. Книга вторая (1941-1991 гг.) / А.А. Сидоров. - Ростов-н/Д.: МарТ, 1999.

80. Символика тюрем: Нравы уголовного мира всех стран и народов / сост. Н. В. Трус. - Минск: Литература, 1996.

81. Стручков Н.А. Асоциальная субкультура осужденных, вопросы ее профилактики / Н.А. Стручков, В.Ф. Пирожков // Бюллетень ИТУ: ВНИИ МВД СССР. - 1982. - № 20.
82. Трахтенберг В.Ф. «Блатная музыка» («Жаргон тюрьмы») / В.Ф. Трахтенберг. - СПб., 1908.
83. Тэсс Л.В. Воры: «в законе» и прочие... : монография / Л.В. Тэсс. - Рига: Изд-во МВД Латвийской Республики, 1993. - Ч. 1.
84. Тэсс Л.В. Воры: «в законе» и прочие... : монография / Л.В. Тэсс. - Рига: Изд-во МВД Латвийской Республики, 1993. - Ч. 2.
85. Тэсс Л.В. Воры: «в законе» и прочие... / Л.В. Тэсс. - Рига: «РСС ПЛЮС», 1997. – кн. 2.
86. Фольклор и культурная среда ГУЛАГа / сост. В.С. Бахтин и Б.Н. Путилов. - СПб., 1994.
87. Фридман М.М. Еврейские элементы «блатной музыки» / М.М. Фридман // Язык и литература. - Л., 1931. – Т.7.
88. Хабаров А.И. Тюрьма и зона / А.И. Хабаров. - М.: Центрполиграф, 2000.
89. Хохряков Г.Ф. Парадоксы тюрьмы (Проблемы, дискуссии, предложения) / Г.Ф. Хохряков. - М.: Юрид. лит., 1991.